

Поль Реньяр

Умственные эпидемии

1889

Аннотация

В книге собраны работы французского физиолога П. Реньяра, основанные на материалах лекций, прочитанных им в Сорбонне. В очерках анализируются различные формы умственных эпидемий, имевших место с XV по XIX века. Автор дает подробное описание исследуемых явлений и доказывает существование связи между исторической эпохой и формой, которую принимает та или иная эпидемия — колдовство, морфинизм или мания величия.

Эта книга - переиздание текстов цикла лекций, прочитанных в Сорбонне в 1886 году и выпущенных по-русски Ф.Павленковым в 1889-м.

Реньяр ставит перед собой задачу доказать, что столь, на первый взгляд, несхожие между собой явления, как средневековая охота на ведьм, чудесные исцеления паралитиков начала XVIII века, сомнамбулизм и гипнотизм, вошедшие в моду во второй половине того же столетия, опиумная и морфиновая наркомания, распространившиеся в XIX веке, и даже мания величия, которую Реньяр считает болезнью своего времени, - это разные обличья одного и того же психического расстройства, которое проще всего для краткости назвать истерией.

При этом он приводит множество убедительных примеров, оставляющих, по словам самого автора, ощущение "пытки щекоткой": смешно и мучительно. Кроме того, издание прекрасно проиллюстрировано: мы видим и магические знаки, оставляемые Сатаной на договорах (один из этих знаков позаимствовал в качестве своей "персональной руны" Джимми Пейдж), и средневековые "портреты" демонов, и гравюры, изображающие чудесные исцеления и явления "животного магнетизма", и фотографические карточки XIX века, на которых запечатлены истерички и эпилептики.

Сразу после выхода эту книгу могли читать 30-летний врач Зигмунд Фрейд, только подбирившийся к теории психоанализа, и 19-летний студент-юрист Володя Ульянов, недавно решивший, что "мы пойдем другим путем". Без сомнения, оба убежденных материалиста могли найти в этой книге много подтверждений тому, что нет никаких тонких душевных материй, а всем на свете управляют основные инстинкты человека и толпы.

Самое интересное припасено к финалу. Доктор Реньяр отваживается сделать прогноз: а что станет главной душевной эпидемией XX века? Диагноз врача, увы, оказался точен: "Я сильно опасаюсь, что наиболее характерной умственной эпидемией XX века может стать бред фанатического насилия, крови и разрушения".

Перевод с французского Эл. Зауэр
Печатается по изданию Ф. Павленкова 1889 года
Реньяр П.
Умственные эпидемии.
2-е изд., испр.
М.: Emergency Exil, 2004.
296с., с илл.
ISBN 5-98726-001-9

Специально для www.natahaus.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех атрибутов нашего духа мы, разумеется, больше всего гордимся своей свободой.

По мнению философов, человеку присуща свобода воли — он действует по собственному произволу; и из нравственной независимости людей вытекает их ответственность за совершаемые поступки. На этом основном принципе базируются все учения о наградах и наказаниях. Не следует, однако, полагать, что этот принцип является общепризнанным: теория свободы воли встретила отпор со стороны философской школы, пытавшейся доказать, что мы не свободны и что наша независимость может полностью проявиться лишь в весьма редких и исключительных случаях. Разве мы не подчиняемся физическим законам? Разве любое наше уклонение от их требований не влечет за собой и соответствующего наказания? Напротив, это — бесспорный факт, хотя он и выходит за рамки нашего предмета.

Физиологи обращают внимание представителей чисто психологической школы на то, как часто свобода воли встречает на своем пути препятствия. Если в течение одной только минуты кровь или кислород перестанут поступать к мозгу, разве этого будет недостаточно, чтобы все наше нравственное существо, т. е. сознание, ум, воля, рассудок и чувствительность моментально исчезли? Капля алкоголя или эфира достигает наших нервных центров — и этого достаточно для временного ослабления нашей рассудочной деятельности, для направления нашего ума в сферу диких идей, бессмысленных слов и совершения действий, в которых мы раскаемся, когда пройдет временное действие яда.

Все эти замечания, направленные против абсолютной нравственной свободы человека, несомненно, справедливы; но лица, их высказывающие, несколько завышают их значение. В действительности они относятся к патологическому состоянию, в которое впадает человек после того, как его интеллект перестает нормально функционировать. Разве можно утверждать, что люди вообще не обладают нравственной свободой, лишь на том основании, что ее утратили отдельные лица? Это все равно что утверждать, будто человек вообще лишен зрения и слуха, потому что иногда встречаются слепые и глухие.

Понятно, что таких грубых аргументов недостаточно, чтобы поколебать учение об абсолютной свободе воли¹.

Даже в наших чисто психических проявлениях мы не бываем совершенно свободны, поскольку существует своего рода социальный миметизм, увлекающий нас. Ребенок воспитывается с помощью примера, он подражает родителям. В обществе люди подражают друг другу; и все эти условия подражания в совокупности составляют то, что принято называть уменьем себя вести. Сначала это делается сознательно, а впоследствии становится инстинктивным. Подражание может быть неудержимым, заразительным, внезапным и иногда даже опасным. Возьмите людей благоразумных, вполне владеющих собой, и соберите их вместе — при этом нельзя поручиться, что вследствие увлечения они не совершат действий и не примут решений, в которых каждый из них будет раскаиваться, оставшись наедине с самим собой. Опуститесь ступенью ниже, наберите первых попавшихся людей и образуйте из них толпу, и тогда вы увидите, до каких излишеств они будут в состоянии дойти. Эта склонность к подражанию была уже давно подмечена законодателями всех времен; вот почему везде существуют законы, направленные против массовых собраний.

В области идей более возвышенных именно влиянием подражания следует объяснять принятие внезапных решений, которые вовлекают в войну, революцию или возмущение целые нации, в то самое время, когда в них самих, по-видимому,

царят полнейший мир и покой. История кишит подобными внезапными пробуждениями, вызванными небольшой группой решительных людей, увлекающих массу своим примером.

1 Здесь было бы неуместно заниматься богословием, но, как известно читателю, сама церковь ограничивает нашу нравственную свободу, утверждая, что мы не в состоянии побеждать греховные соблазны собственными силами и достигаем этого только при помощи божественной благодати. Знаменитые богословские споры, посвященные этому вопросу, заняли собой весь конец XVII века.

Наряду с подражанием добру встречается и подражание злу. В истории бывают моменты, когда целой нацией словно овладевает недуг и она утрачивает свободу воли. Эта сильно свирепствующая эпидемия затем потихоньку утихает и сменяется периодом спокойствия, который может продлиться более или менее продолжительное время. Существует и сумасшествие по подражанию. Наряду с физическими эпидемиями бывают эпидемии умственные. Сущность их всегда одна и та же, обстоятельства влияют лишь на формы эпидемий, которые обусловлены средой, первоначальным импульсом и окружающими условиями. Средневековые эпидемические сумасшествия основываются на том же принципе, что и наши, но, тем не менее, не похожи на них.

Я был занят изучением этих социальных недугов, когда почтенный декан парижского Faculte de Sciences, г-н Ми ль ен-Эдварде, предложил мне изложить перед Французской Научной Ассоциацией новейшие открытия в области нервной патологии.

Мой труд, разумеется, не может претендовать на полноту. Чтобы соответствовать последнему требованию, он должен был бы охватывать историю всех народов. Я выбрал для своих публичных лекций те умственные эпидемии, которые являются особенно характерными для каждой данной эпохи, и пренебрег некоторыми из них (например, алкоголизмом), потому что они слишком известны.

В моей работе мне очень помогли мои знаменитые коллеги. Профессору Шарко было угодно, во время моего пребывания в Сальпетриере, допустить меня до участия в его ежедневных работах; господа Жюль Луи, Мэнэ, Маньян, Бруардель и мои друзья Бурниль и Шарль Рише сообщили мне свои личные наблюдения и материалы. Выражаю им за это мою искреннюю благодарность.

Публика большого амфитеатра Сорбонны удостоила мои лекции благоприятного приема. Не знаю, какая судьба ожидает книгу, в которой они собраны, но я был бы счастлив, если бы она смогла несколько расширить кругозор читателя на одну из интереснейших сторон человеческой жизни.

Сентябрь 1886 год.

Пятнадцатый, шестнадцатый и семнадцатый века. Демонизм или колдовство

В 20-й главе книги Левит есть фраза, неудачное толкование которой имело не менее пагубные последствия для человечества, чем самые смертоносные огнестрельные изобретения и самые ужасные войны: "Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них".

Вот где следует искать начало великих преследований, мрачное изображение которых мне предстоит нарисовать перед читателем. Не знаю, какое впечатление произведет на него эта картина, но что касается меня лично, то мне кажется, что нет предмета печальнее того, изучению которого я посвятил себя и результаты которого намерен изложить в этой книге.

Эпохой процветания колдовства были Средние века и период Возрождения, и к этому же времени относится наибольшее количество ее жертв. По-видимому, XV и XVI века особенно страдали этим ужасным недугом. В древности тоже верили в колдунов, но тогда в них видели существ, вдохновленных самими богами. Из боязни перед ними их окружали почетом и никогда бы не решились навредить им: в греческой и римской мифологии бог ада не находится во вражде с властителем Олимпа, он — его брат и союзник, и в случае надобности исполняет его приказания, поэтому и колдун — не воин враждебного стана, а вдохновляется одновременно обоими повелителями, потому и пользуется почетом. В Средние века религиозные представления приняли иное направление: два почти равных существа оспаривают друг у друга власть. У Бога есть личный враг, которого Он мог бы уничтожить, но которого Он, тем не менее, сохраняет: Божество, по своей неизреченной справедливости, позволяет ему терзать человечество с тем, чтобы люди, противодействуя злему началу, укреплялись в добродетели. Это — первородный грех, стремящийся привлечь к себе души и вырвать их у Искупителя. Он борется, он противится своему владыке и уступает ему лишь в последней крайности. Древность создала Ормузда и Аримана. Средние века, увлеченные манихейством, хотя и не сознаваясь в этом, противопоставили Богу и его избранным Сатану с его несметными легионами.

Между двумя враждебными началами разгорается война. Они стремятся уравновесить свои силы: у Всемогущего есть ангелы и небесные полки, а у Сатаны — бесчисленные полчища демонов, имя которым легион. Рати его многочисленны. Кадры их образуются военачальниками, имена которых дошли до нас: Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Магог, Астарот, Азазель и Габорим². Это нечто вроде командиров когорт, у которых есть свои ассистенты, а за ними уже тянется громадная толпа демонов, борющихся с ангелами в рукопашную. У всякой души, наряду с охраняющим ее ангелом, есть и демон, внушающий зло. Ей предстоит сделать выбор между ними.

Обе стороны используют аналогичные приемы, вследствие справедливой терпимости Бога, предоставляющего своему врагу равенство оружия. Бог воплотил себя во Христе для спасения рода человеческого, а завистливый Сатана входит в наиболее слабые существа, овладевая ими при помощи их уст. Он уничтожает, их индивидуальность: таким образом, они становятся *одержимыми*. Во время припадков бешенства он даже вторгается в тела самых отвратительных животных, и только одна смерть может выгнать его оттуда, если не удалось изгнать его за кликаниями во имя неба.

Не трудно теперь представить себе ужас, внушаемый подобными веяниями: любой человек может опасаться, что не сегодня-завтра его небесный заступник будет побежден и что сам он, беззащитный, попадет во власть злого духа. От подобных опасений до сумасшествия всего один только шаг.

Но *одержимость*, или *вселение беса* — не единственное оружие Сатаны. Он, главным образом, является в роли соблазнителя. Власть, предоставленная ему небом, делает его способным оборачиваться в разных лиц и принимать любую личину. Он вдруг появляется перед бедной женщиной, умирающей от нищеты и голода: его руки полны золота, он обещает оставить ей все это богатство, но при одном условии — чтобы она предалась ему в договоре, начертанном и подписанном кровью. Злой демон бродит всюду: мы его встречаем в замках, хижинах и лесах,

везде какой-нибудь его приспешник готов немедленно приняться за совращение злосчастливого, покинутого Богом хотя бы на минуту. Можно, следовательно, свободно отдаться злему духу и в таком случае превратиться в колдуна. Человек

становится служителем Сатаны в этом мире, прежде чем сделаться его рабом на том свете

У Бога есть священнослужители и верные последователи на земле. Каждое воскресенье Он собирает их в своем храме. Сатана тоже имеет своих слуг и преданных ему людей. Он установил для своих целей как бы особый приемный день и собирает их ночью в каком-нибудь уединенном месте. Это и есть шабаш. По представлениям средневековых богословов, колдун — это человек, дезертировавший из армии добра и перебежавший в стан Сатаны. Он — его раб на земле, который слепо ему повинует и совершает, по его требованию, все преступления против избранников Божьих. Колдун есть, следовательно, злейший враг всего человечества, изменник, скрывающийся в армии добра, втайне наносящий болезни и отравы по приказанию своего повелителя. Его преступление превосходит все существующие. Он ужаснее всех вследствие присущей ему таинственности. Колдун не заслуживает пощады. Вот когда вновь выходят на сцену грозные слова из книги Левит: "если будут они вызывать мертвых или волхвов, да будут преданы смерти"!

Этот воин Сатаны, этот служитель зла, каким образом достигает он своих целей? Мы узнаем это из тщательного разбора процессов и допросов колдуний. Я очень внимательно просмотрел большую часть относящихся сюда юридических документов и признаюсь, что они производят весьма тяжелое впечатление. В них бессмысленное примешивается к ужасному, вульгарное встречается наряду с возвышенным, мужество обвиняемых поражает, а тупость судей корбит душу: чувствуешь, что вращаешься среди безумцев, но затрудняешься сказать, кто же из них сильнее помрачен — несчастные ли, обвиняющие себя, или судьи, их приговаривающие. Чтение таких процессов одновременно и грустно, и смешно. Одно из светил французской медицины определило его следующим образом: "это чтение подвергает читателя пытке щекотанием — смех примешивается к страданию".

Мишле где-то говорит, что колдунии были порождением отчаяния. Источником этой формы сумасшествия действительно была бедность, страдания или горе, подобно тому, как и ныне указанные нами факторы часто вызывают меланхолический или горделивый бред. Форма помешательства была иная, вследствие различия в нравах эпохи, но результат был одинаков. В один прекрасный вечер к женщине, подверженной конвульсивным припадкам, являлся изящный и грациозный кавалер. Он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, словно вырастая из-под земли. Соблазнитель почти никогда не выглядел отталкивающе.

Посмотрим, как описывают его колдунии на суде: он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы. Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать могущественной, показывает ей свою шляпу, полную денег, но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от крещения, от Бога и отдаться Сатане душой и телом.

Не трудно догадаться, что мы имеем здесь дело с формой ясно выраженной галлюцинации. Женщина, которую гложет какое-нибудь горе, вдруг видит перед собой образ, похожий на видения, описания которых ей так часто приходилось слышать с самого детства. Это существо, внушающее страх, есть Сатана. Он предлагает все блага с тем, чтобы отдалась ему... Прочь колебания! Современные галлюцинанты поступают точно так же, но только в их видениях фигурируют

принцы и государи, подносящие им отличия и префектуры. Сатана прибегает к маскировке только при первом появлении, затем он не скрывает больше своей личности и совершенно ясно объявляет, кто он такой, и на первый предложенный ему вопрос отвечает перечислением всех своих достоинств. Дьявол высшей категории появляется таким образом весьма редко. Обыкновенно же это бывает простой рядовой из полчищ Сатаны, призывающий на подмогу одного из своих начальников только в том случае, если первая попытка окажется неудачной. По-видимому, в аду царит принцип разделения труда, равно как и очень строгая иерархия, так как самый благоразумный из известных нам демонологов, Жан Вейер, насчитывает в Сатанинской армии 62 герцога, маркиза и графа и 7 405 928 чертенят.

Стремясь к обращению новой жертвы, дьявол использует любые средства (обратите внимание на оборот, принимаемый галлюцинацией), он нередко даже говорит о Боге, и притом только хорошее. Однажды близ Дуэ ему повстречалась Луиза Марешаль, шедшая на богомолье для упокоения души своего мужа. Он советует ей усердно молиться Богу и надеяться. Затем он вручает ей маленький раскрашенный шарик, обладающий свойством обречь на гибель все, к чему он прикоснется. Луиза Марешаль, уличенная в пользовании этим шариком в своей семье, была сожжена живой в Валансьене.

В другой раз демон появляется в Сен-де-Дюке. Он советует женщине идти на богомолье в Сен-Гилен и заказать там заупокойную обедню для своего мужа. Этот факт нелогичен, но зато весьма ценен для медиков, так как и у нынешних галлюцинанток мы констатировали такую же особенность. Достаточно непродолжительное время прослужить в лечебнице для душевнобольных, чтобы увидеть там принцесс, объявляющих, что они будут принимать свой двор после того, как уберут посуду.

Не стоит думать, что демон обращался исключительно к престарелым субъектам, напротив, он любил детей. В больших умственных эпидемиях они, как правило, заражаются первыми. Катерина Полюс была ведьмой в 8 лет. Она происходила из семьи, в которой все страдали сумасшествием, и объяснила, что была посвящена дьяволу. Мария Девин стала колдуньей в 13 лет.

Но возвратимся к посвящению в ведьмы. Демон, сделав известные предложения ведьме, называл ей свое имя. Характерно при этом то, что он никогда не носил библейских имен, столь излюбленных демонологами. В своих галлюцинациях крестьянка давала ему мужицкое имя: Жоли, Робен и т. д. В свою очередь, из зависти к небу, демон крестил ведьму, не заботясь о том, именем ли святой он ее крестит или нет. Затем он налагал на нее знак, получивший впоследствии большую важность — он прикасался к ее руке, лбу, месту за ухом, и с этого момента все эти точки становились на веки нечувствительными, так что можно было их колоть, не вызывая ни боли, ни крови. Именно оно породило представление о *печати сатаны*. Мы увидим, какие результаты были извлечены из этого обстоятельства во время процессов ведьм.

Демон часто навещал вновь обращенную жертву, утешал ее и в заключение вручал ей документы, которые свидетельствовали о ее формальном приеме в царство преисподней. Это и был договор, на котором каждый вновь приобщенный ставил свою подпись. Обыкновенно его писали собственной кровью, а демон прикладывал к нему свой коготь. Я отыскал в богословском трактате, напечатанном в 1625 году Жильбером де Восом, факсимиле таких подписей, оставленных духами. На этом рисунке видно, что все места, которых касались пальцы демона, покрыты ржавчиной и выжжены; на другом рисунке виден след, оставленный духом на договоре. Далее я приведу письмо демона, сохранившееся в Национальной библиотеке и испещренное орфографическими ошибками.

Не следует, впрочем, предполагать, что демон в точности исполнял свои обещания. Ненадежность его слов обнаруживалась весьма быстро, потому что сразу же после его ухода ведьма замечала, что вместо полученных золота и драгоценностей, у нее осталась всего лишь охапка сухих листьев или несколько кусочков дерева.

Современным душевнобольным тоже не чужды подобные неприятные разочарования, когда, по прошествии галлюцинации, они убеждаются в том, что их скипетры, шпаги и драгоценности на самом деле самые обыденные, некрасивые, ничего не стоящие предметы.

Я уже говорил, что для Сатаны все средства хороши и любые мистификации возможны. Если демон решил прельстить какого-нибудь великого святого или высокочтимого отшельника, то он найдет на него легион чертовок чудесной красоты, так как в аду, по-видимому, есть и женщины. Это его излюбленный прием, который он часто с успехом применяет. Однако случается, что и ему наносят урон: вспомните по этому поводу св. Антония. Нередко, для более успешной мистификации, волк облачается в личину пастыря, а злой дух — в маску отшельника. На одной старинной гравюре злой дух изображен в образе монаха. В таком виде он забрался в монастырь Сен-Лефроя, но его узнали по его куриным лапам и жестоко наказали.

В заключение скажем, что колдовство, или, точнее, демонопатия, подобно всем формам помешательства, начинается рядом галлюцинаций. На первый взгляд сходство галлюцинаций у всех колдуний может показаться поразительным. В этом, однако, нет ничего странного, поскольку на форму помешательства решающее влияние оказывает действительность: в прежние времена безумцам являлись видения демонов и духов, а современных душевнобольных, находящихся в лечебницах, нередко преследует физика и мерещатся индукционные катушки и электромагниты. Я помню одну больную учительницу, находившуюся в Сальпетриере, которая до такой степени бредила статическим электричеством, что ходила целыми днями и даже спала с фарфоровой чашкой для умывания на голове, объясняя это плохой электропроводимостью фарфора. Процесс помешательства всегда одинаков, а господствующие идеи изменяют только его внешние проявления.

Но возвратимся к нашей колдунье и посмотрим, во что превратилась ее жизнь с того момента, как она отдалась Сатане. Прежде всего, она обязана была ему повиноваться, так как входила в состав армии зла. Сатана имел право рассчитывать на ее службу и содействие. Она могла слгзастить и совершала злокозненные поступки, вместе с тем она подвергалась конвульсивным припадкам, на которых нам необходимо остановиться отдельно. Лишь после внимательного чтения процессов ведьм можно составить отчет о преступлениях, которые им ставились в вину. Воден, Богэ, де-Ланкр, Николай Реми, представители судебного мира, которым в разное время поручалось произвести дознания в процессах ведьм, постарались оставить нам их подробное описание. Всего было 15 преступлений, в которых их уличали: из них 10 — против Бога и 5 — против людей. Прежде всего, колдуньи отрекаются от Бога, предают Его поруганию, поклоняются дьяволу, заключают с ним договор, посвящают своих детей Сатане, умерщвляют их до крещения, занимаются пропагандой, призывают дьявола и, наконец, не признают законов природы. В преступлениях против людей пункты обвинения отличались большей точностью. Они касались не преступлений против веры, а лишь нарушений общего права, которые отличались от обыкновенных преступлений только необычайностью средств, пущенных в дело, и способом их приобретения. С первого же свидания дьявол дарит ведьме волшебные порошки. Стоит только подмешать ничтожное количество этого порошка к пище какого-нибудь человека, чтобы он тотчас погиб или же умер медленной смертью от истощения. Иногда

ведьме достаточно было бросить всего щепотку магического порошка на прохожего, чтобы тот моментально умер. Иногда же, для придания средству действенности, ей надо было произнести несколько магических слов. У Бодена и Вейера сохранились эти страшные слова, и если вы не боитесь их магического действия, то я дерзну начертать их здесь: "Joth, aglanabarothe el abiel ena thiel amasi sidomel gayes folonia elias ischiroth athanatos ymas eli messias".

Порошок изготавливали из трупов новорожденных, главным образом из их сердец. Кроме этого, его еще делали из смеси толченых костей мертвецов с пеной жаб. Вот почему колдуний нередко обвиняли в том, что они воспитывали этих животных и пасли их, что не совсем ясно. Помимо порошков, были еще мази, но они употреблялись редко, так как для обращения с ними требовалось много умения. В их состав входил жир мертвецов и мандрагора, эти снадобья фигурируют и на шабашах. Нельзя не отметить того странного обстоятельства, что все подобные порошки были совершенно безвредны в руках обыкновенных людей, а для проявления их действия было необходимо, чтобы они исходили от ведьмы. Это служило лучшим доказательством их магического свойства, и сама безвредность этих препаратов превращалась в подавляющий аргумент против ведьмы: такова была логика судей.

Когда ведьма рассеивала свои порошки по жатве, то всходы начинали чахнуть, поля покрывались сусликами, червями, жабами и громадными змеями. Иногда было достаточно посыпать этим порошком или произнести несколько магических слов, чтобы перенести плодородие с поля одного крестьянина на поле соседа. Ведьмы имели также власть насылать проливные дожди и град. Для этого им стоило только ударить по луже палкой. Если человек чувствовал, что стал жертвой козней колдуньи, и желал уклониться от них, то он прибегал к привычным в такого рода случаях средствам. Они были разнообразны. Можно было, например, прибегнуть к заклинаниям — есть такие магические слова, которые обладают свойством изгонять дьявола — ими наполнен толстый том в 400 страниц. Но большое число вспомогательных средств прямо указывает на их слабость, поскольку, если бы существовало какое-нибудь достаточно действенное средство, то оно одно бы и сохранилось. Иезуиты, капуцины и доминиканцы специально занимались заклинаниями.

Вообще, удобнее всего было вступать в *компромисс с дьяволом*. Первый факт, который необходимо было установить потерпевшему, — личность колдуна или колдуньи. Ничего не могло быть проще: с этой целью нужно было кипятить в новом глиняном горшке иголки вместе с дубовыми щепками. Первый, кто после этого явится в дом, и есть колдунья, и тогда можно без всяких колебаний донести на нее в суд. Отсюда видно, как опасно было в те времена посещать своих друзей. Когда колдун разыскан, необходимо было молить его об избавлении. Тогда он вызывал Сатану и погружал фунтовый хлеб в освященную воду. На этом дело и заканчивалось. Служитель Сатаны, употребляющий святую воду, какая в этом звучит ирония!

Если колдунья постоянно наносила ущерб окружающим, то из этого не следует заключать, что ее собственная жизнь была непрерывным празднеством. Мы уже видели, как дьявол обманывал ее, превращая подаренные ей драгоценности в негодные предметы. Хуже того, при малейшей попытке неповиновения с ее стороны, демон бил и терзал свою жертву, вселялся в нее и делал ее одержимой, как говорили в те времена. Он выступал от ее имени и ее устами изрекал кощунства, направленные против самого Бога. Тогда происходил целый ряд явлений, представляющих большой интерес в медицинском отношении. Обращаю на них внимание читателя, так как мы с ними встретимся вновь при изучении одной болезни, хорошо известной в наши дни. Знакомство с ними позволит нам

объяснить реальный элемент в колдовстве. Борьба обыкновенно принимала этот характер в присутствии заклинателя, и дьявол, чтобы не упустить своей жертвы, вселялся в нее. Иногда он скручивал одержимую и повергал ее в страшные конвульсии: на это зрелище собиралась толпа соседей, и не трудно было предвидеть, что не счастливой угрожала близость уголовного процесса.

Описание таких припадков у колдуний завело бы нас слишком далеко. А потому я заимствую из трактата о демонизме, напечатанного в 1659 году в Амстердаме Абрамом Палингом, несколько гравюр, которые познакомят читателя с их различными моментами. Например, во время обеда колдунья вдруг падала на пол со страшным криком. Она билась в судорогах, ее лицо утрачивало человеческий облик, и сам дьявол сводил ее черты. Посмотрите, какой испуг написан на лицах всех приглашенных. Все ее тело вздрагивало, она оглашала воздух воплями, изо рта у нее шла пена. Наконец, дьявол покидал ее, при чем его выход из тела бесноватой сопровождался страшными приступами рвоты.

Вот еще одна гравюра того же автора, на которой колдунья представлена в таком же состоянии, с той лишь разницей, что припадок совершается иначе, и присутствующим стоит ужасных усилий удержать не счастливую, которая пытается выброситься в окно. Затем у этого же автора мы находим колдунью, которая падает на пол во время семейного со вещания. Обратите внимание на то, как у нее отведены назад кисти рук. Это — характерный признак, к которому я вскоре возвращусь.

Особенно часто подобные припадки беснования случались во время проповедей и церковных обрядов. Привожу еще одну гравюру, заимствованную у Палинга, на которой изображен припадок, начавшийся в самой церкви, в то самое время как проповедник трактует о власти демона.

Внимательно ознакомившись с описаниями припадков, можно сделать вывод о том, что сведение членов у бесноватых могло достигать необычайной степени.

Посмотрите на эту старинную картинку, на ней изображен несчастный, стоящий на голове вверх ногами, который вызывает изумление у всех присутствующих.

Других сводило в виде душ они опирались лишь на затылок и на пятки, за тем ими овладевали конвульсии, во время которых их подбрасывало вверх. Завершался припадок бредом и рвотой.

Перехожу к очень важному явлению в колдовстве, а именно к ряду вызванных (provocées) галлюцинации, подавших повод к появлению представлений о шабашах ведьм. Из зависти к Богу дьявол задумал, подобно ему, раз в неделю собирать своих приверженцев. С этой целью он учредил шабаш, на котором в искаженном виде совершаются все церковные обряды.

Существует два главных шабаша — малый и большой. Вся разница между ними заключается лишь в том, что на большом шабаше собираются колдуньи всего округа. Это сборище обычно происходит ночью в пустынной местности заросшей вереском, на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или монастыря. Чтобы попасть туда, ведьмы пользуются весьма простым средством — дьявол вручил колдунье специальную мазь, приготовленную из печени детей, умерших некрещеными. Колдунье достаточно намазать себе тело этой мазью, произнести магические слова и сесть верхом на помело, чтобы тотчас же полететь по воздуху. По общему мнению, в состав этих мазей входил сок паслена, мандрагоры и белладонны, обладающих свойством вызывать продолжительные и связанные галлюцинации.

Взгляните на гравюру XVIII века — на ней изображена колдунья, намазывающая тело, в то время как другая уже вылетает из трубы верхом на палке. Иногда колдунья просто призывала своего демона, тот сажал ее себе на плечи и летел с ней. Нечто подобное изображено на гравюре заимствованной нами из

"Богословского Трактата", написанного в XVI веке преподобным отцом

Гуачиусом

Во время пути колдуньи защищали себя от дождя какими-нибудь магическими словами. Посетители шабаша подвергались предварительному осмотру, они должны были доказать, что носят на теле печать Сатаны. Затем, оказавшись на шабаше, надлежало совершить поклонение Сатане, как председателю собрания. Он сидел на троне,

не перереяженный и не переодетый, причем голова и ноги у него были козлиные (старинное предание о боге Пане). Кроме того, его украшал громадный хвост и крылья, как у летучей мыши. Впрочем, иногда он принимал и другой облик (ведь галлюцинации у всех колдуний не могли совпадать), и тогда он являлся в виде осла, большого кипариса, черного кота и т.д.

На шабаше все происходило наизнанку. Сатане отвешивали низкие поклоны, но только повернувшись к нему спиной, затем торжественно отрекались от Бога, Богородицы, Святых и посвящали себя Сатане. Привожу старинные гравюры XVI века, на которых изображены эти различные эпизоды. Но Сатана шел еще дальше - он крестил вновь обращенного, издеваясь над истинным таинством крещения, и принуждал каждого наступать на крест. Далее все колдуны, вооруженные факелами, образовывали круг и танцевали, повернувшись спиной друг к другу.

Ровно в полночь все падали ниц перед своим повелителем. Это была минута наивысшего поклонения. После этого начиналось пиршество. Самая старая колдунья, царица шабаша, садилась рядом с Сатаной, и все собирались вокруг трапезы. Особенно много тут поедалось жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными. После пира возобновлялись танцы, причем сам Сатана не прочь был принять в них участие или же исполнять роль оркестра. Мария Девин, бедная девушка, сожженная в Валансьене, рассказывала, что она слышала, как Сатана однажды пел комическую песню. Танцы были в высшей степени циничны, и мне приходится всех любопытствующих отослать за сведениями о подробностях к оригинальным авторам, писавшим почти исключительно по латыни.

В конце шабаша происходила *черная обедня*. Сатана, облаченный в черную ризу, восходил на алтарь и пародировал обедню, повернувшись спиной к Святой Дарохранительнице. Это служило всеобщим посмешищем - в момент возношения Святых Даров он предлагал для поклонения свеклу или крупную красную морковь.

После этого толпа вновь принималась плясать до появления зари и пения петухов, тогда все исчезало и присутствующие разлетались, как стая ночных птиц, спугнутых наступлением дня. На обратном пути колдунья выбрасывала свои мази и яды на жатву своих врагов. Если путь был очень дальний, то Сатана превращал колдунью в какое-нибудь заурядное домашнее животное, чтобы она могла таким образом возвратиться домой незамеченной.

Сообщенные мною факты могли показаться читателю странными и даже смешными — нельзя не изумляться тому, что человеческий ум мог дойти до подобных заблуждений, а эпидемическое и заразительное безумие — довести несчастных галлюцинантов до признания себя виновными в тех странных преступлениях, о которых я только что говорил. Но что могло показаться еще более странным, так это приемы, которые использовали суды по отношению к колдуньям. Я бы воздержался от этих подробностей, если бы они не содержали важных с медицинской точки зрения сведений.

Колдовство считалось исключительным преступлением, вот почему к нему не могли быть применены общие юридические следственные инструкции. Булла папы Иннокентия VIII запрещает обвиняемому иметь даже защитника. Иногда судилище, призванное рассмотреть процесс о колдовстве, состояло исключительно из светских лиц. Это часто практиковалось в Валансьене, где было сожжено

множество колдуний. В других случаях персонал суда был смешанным и состоял наполовину из духовных, наполовину из светских лиц, обыкновенно же там заседали только духовные лица. Как правило, на колдунью или женщину, обвиняемую в чародействе, поступал донос от ее близких. Они видели, как та бродила ночью, или зашла к соседке, у которой после того внезапно умер ребенок, или заглянула в стойло, в котором вскоре заболела скотина, или же в тот день, когда ее видели стоящей возле лужи, выпал град. Кроме того, они слышали, как она билась дома — ее муж или дети сообщали о припадках, во время которых у нее изо рта шла пена и она извивалась, принимая необычайные положения. Ввиду доноса судьи рассматривали улики, которые были призваны убедить их в виновности лица, на которое он был направлен.

Первой уликой служило само имя заподозренной женщины, хотя, по-видимому, трудно поверить в то, чтобы имя обвиняемой могло свидетельствовать против нее. Особенно убедительной уликой, по сообщению судьи Дель-Рио, служили имена вроде Рауп (язычник), Sarrazin (сарацин), Bucher (костер), Verdelet (золотой подорожник) и пр.

Во-вторых, бледность, нечистоплотность, объяснявшаяся частыми превращениями в животных, пол (на одного колдуна приходилась тысяча ведьм), эксцентричная одежда — все это становилось весьма серьезными уликами против злосчастных обвиняемых. Суд отдавал приказ арестовать колдунью. Сбиры стерегли ее на углу улицы и набрасывались на жертву сзади, из опасения перед ее плевками и порошками, которые она могла на них бросить, после чего их ждала бы неминуемая гибель. После этого ее вели к судьям и втайне допрашивали.

Я позаимствую у человека, гордившегося тем, что он сжег на своем веку более тысячи ведьм, а именно у Богэ, сведения о судебной процедуре, применявшейся к этим несчастным. Извлекаю несколько статей: "Не следует строго придерживаться обыкновенных юридических форм против колдуний, простого подозрения достаточно для оправдания ареста. Если обвиняемая опускает глаза или бормочет в сторону, то это — серьезная улика. Не следует разрешать обвиняемой посещение бани: епископ Трирский признает это грехом. Если обвиняемая не сознается, то надо посадить ее в тесную тюрьму. Ее разрешается пытаться даже в праздничный день. Если общественное мнение указывает на обвиняемую как на колдунью, то она — действительно колдунья. Сын может давать показания против отца. Преступник, подвергнувшийся наказанию, может быть свидетелем по делу о колдовстве. Малолетние тоже могут давать показания. Разногласие в показаниях не должно приниматься за доказательство невиновности обвиняемого, если все свидетели объявляют его колдуном. Он приговаривается к костру, причем колдунов перед сожжением следует душировать, а волков-оборотней — сжигать живьем. Приговор может быть справедлив, несмотря на отсутствие доказательств, если человек навлек на себя подозрение". И я еще пропустил самые блестящие из этих статей!

Как правило, сначала колдунью допрашивали, стараясь доказать ее виновность. Иногда она сразу во всем сознавалась, что объясняется живостью ее галлюцинаций или страхом пытки, а впрочем, к чему могло привести отрицание вины ввиду юридических доводов, как, например следующий? Я заимствую этот факт у Аксенфельда и привожу его дословно: "Колдунья сознается в том, что вырыла недавно погребенного ребенка и съела его — ее приговаривают к сожжению. Муж осужденной требует проверки факта. Могилу отрывают и находят труп ребенка в полной неприкосновенности. Но судья и не думает сдаваться перед очевидностью, а, опираясь на признание подсудимой, объявляет, что вырытый труп ребенка есть простая иллюзия, произведенная хитростью демона. Эта женщина была сожжена живьем".

По окончании допроса переходили к испытаниям. В некоторых странах, особенно в Германии, как сообщает Бейль, были распространены испытания водой (ордалии): заподозренную женщину бросали в воду, если она погружалась в нее и тонула, то это свидетельствовало о ее невинности; если же она всплывала, то, значит, была колдуньей — и ее сжигали. Как видите, выбор был неутешительный.

Во Франции главным образом прибегали к испытаниям при помощи стилета (небольшого кинжала). Судья, которому ассистировал врач, приказывал разоблачить обвиняемую и завязать ей глаза. Затем, при помощи острого стилета, ей прокалывали кожу во многих местах, пытаясь обнаружить "печать дьявола", т. е. нечувствительное место, которое можно прокалывать, не вызывая ни капли крови. Я сейчас докажу, что его должны были находить почти всегда. Как только такую точку находили, улика была налицо; затем судьи добивались еще признания подсудимой и выдачи ее соучастников и с этой целью прибегали к пытке. Я не имею никакого желания чрезмерно сгущать краски в изображении этих позорных фактов и если, тем не менее, сообщаю об них, то лишь с целью извлечь отсюда ряд аргументов, которые нам понадобятся впоследствии для чисто научных выводов. Перечень приемов допроса я заимствую у Люиса, долго занимавшегося этой стороной дела, и вместе с тем привожу несколько гравюр, извлеченных мною из *Диалогов о колдовстве*, напечатанных в 1659 году Абрамом Палингом.

Само собой разумеется, что пытки были разнообразны. В такого рода изобретательности католическое правосудие могло поспорить лишь с китайским. Самой обыкновенной пыткой в процессах ведьм была пытка "испанским сапогом". Ногу обвиняемой помещали между двумя пилами или досками, которые связывали веревками, а между ногами и досками вколачивали клинья. Сжатая нога в конце концов сплющивалась до такой степени, что из костей выступал мозг. Далее шла дыба. Обвиняемую привязывали руками к веревке, прикрепленной к потолку, и прицепляли к ее ногам тяжести. Ее оставляли в таком положении до тех пор, пока она не издавала мучительных воплей. Тогда судья приказывал ей сознаться, а в случае отказа ее подвергали жестокому сечению розгами, причем невольные подергивания, вызванные болью, только усиливали ее страдания. Если обвиняемая и после этого не сознавалась в своей вине, то ее подымали на гири до потолка и с этой высоты вдруг сбрасывали вниз. Эта процедура повторялась до тех пор, пока пытаемая не сознавалась.

Если дыба не давала результата, то прибегали к "деревянной кобыле". Это было трехгранное бревно с острым верхним углом, на которое вер хом сажали обвиняемую. При этом к ее ногам привязывали гири. Острый клин медленно, но верно входил в тело, и при каждом новом отказе сознаться, палач прибавлял тяжесть. Мария Карлье, 13 лет, была подвергнута этой пытке в 1647 году. Пытка продолжалась несколько часов, и приходилось три раза прибавлять гири, чтобы заставить ее сознаться. Она была сожжена живьем. Вследствие ее молодости и чтобы не вызвать жалости в толпе, ее казнили на заре.

Кроме того, употреблялось еще одно средство — так называемый ошейник. Это было не что иное, как железное кольцо, утыканное изнутри гвоздями и прикрепленное к столбу. В него продевали голову обвиняемой, и в то время, как гвозди мало помалу входили в тело несчастной, ноги ее поджаривались на сильном огне. Вследствие боли она со вершала произвольные движения и таким образом как бы сама способствовала все большему и большему углублению гвоздей.

В недоумении спрашиваешь себя каким образом такие ужасные муки не вызывали немедленного признания своей вины? Не следует, впрочем, упускать из виду, что это признание немедленно повлекло бы за собой смерть на костре, без всякого снисхождения. Кроме того, многие из этих несчастных во время пытки ничего не

чувствовали, подобно нынешним колдуньям, о которых мы будем говорить далее: они были анестезированы. Иногда, вследствие страшных страданий, они даже впадали в экстаз. Их вдруг посещало видение любимого демона, и тогда они хвастались, что видят его. Он будто бы запрещал им говорить и ободрял их, обещая уничтожить все их страдания: это называлось *молчаливым очарованием*. Иногда колдунья действовала без всяких колебаний — ее страдания были так велики, что она сразу же сознавалась и выдавала соучастников. Понятно, что она указывала на кого попало, утверждая, что он был с ней на шабаше. Все оговоренные лица немедленно арестовывались и предавались суду. Однажды одна обвиняемая под пыткой оговорила жену самого судьи, и та была немедленно арестована.

После пытки оглашали приговор над колдуньей. Наказания были различны. Нередко колдунью приговаривали к изгнанию — это бывало в тех случаях, когда доказательства окончательной вины отсутствовали. Иногда — к обезглавливанию, что случалось весьма редко. Встречаются примеры, когда колдуний бросали в чан с кипятком. Большею же частью их сжигали, предварительно удушив или же прямо живьем. В некоторых случаях колдунью жгли на медленном огне, чтобы продлить страдания и сделать их еще более мучительными. Несколько ведьм были приговорены к закапыванию живьем в землю. В Валансьене молодая девушка, 18 лет, была зарыта живой за колдовство. Крики несчастной были столь ужасны, что палачу сделалось дурно и он отказался продолжать "работу". Невозмутимый судья приказал ему закончить дело. Нередко колдунью везли на казнь, привязав ее под низ телеги и волоча по улицам ничком, при этом она постоянно ударялась о камни и покрывалась пылью и грязью.

Луиз обнаружил целый ряд счетов палачей, из которых видно, что в известных случаях им полагалась особая плата за каждую отдельную манипуляцию. Каждый счет непременно завершается требованием двух су за чистку белых перчаток. Вот правдивая, непреувеличенная картина ужасов колдовства. Чтобы довести до конца свою задачу, я должен разобрать самые известные случаи и показать читателю, в какой степени эта ужасная язва была распространена в Европе триста лет тому назад. История знаменитых колдуний начинается с имени, которое, наверное, поразит всех, так как речь идет о гордости Франции. Жанна д'Арк была приговорена к сожжению французским духовным судом по обвинению в том, что она призвала на помощь Сатану для уничтожения английской армии. Через пять лет после этой трагической смерти разнесся слух, что в местности Во объявилось много колдунов. Их специальностью было людоедство. Они набрасывались на новорожденных детей и пожирали их, и как правило начинали с собственных детей. Судья Болинген и инквизитор Эд отправили на тот свет громадное количество этих несчастных — наверно более тысячи. Эти злосчастные безумцы были одержимы такими сильными галлюцинациями, что сами обвиняли себя в отравлении покойников, в том, что варили и съедали их. Молодой крестьянин донес на свою жену, на которой женился всего за несколько дней до этого, и с радостью ухватился за мысль, что она будет сожжена на одном костре вместе с ним. Судьи никогда не требовали доказательств и выносили приговор, основываясь только на признании подсудимого и не обращая внимания даже на то, имели ли они дело с помешанными или с психически здоровыми людьми.

Не прошло и 20 лет, как большая эпидемия охватила город Арра. Толпе женщин померещилось, что они присутствовали на шабаше. По вечерам с ними случались конвульсивные припадки, они впадали в какой-то экстаз и, просыпаясь, рассказывали самые невероятные вещи. В хрониках Монстреле упоминается о том, что многие из них были сожжены живьем, за исключением тех, кто сумел отделаться от судей презренным металлом.

Около 1500 года в Германии вдруг появилась масса колдунов. В 1484 году Иннокентий VIII издал буллу, в которой потребовал, чтобы с ними обращались с крайней строгостью. Тогда-то в Бурбии и сожгли живьем 41 женщину за то, что они будто бы ели детей, предварительно их сварив. При этом надо заметить, что в данной местности никто никогда не жаловался на исчезновение ребенка. Однако обвиняемые с гордостью объявили о своем преступлении, и этого оказалось вполне достаточно для суда. Другие 48 женщин были сожжены в Констанце за мнимое присутствие на шабаше. Одна из них похвасталась, что может немедленно вызвать бурю одним магическим словом, и ее тотчас же казнили, так как суд испугался, что она успеет привести в исполнение свою угрозу. К тому же времени относится и вселение дьявола в монахинь Камбрейского монастыря. Они принялись сообщать мяукать, лаять, бегать, лазить по деревьям и в корчах кататься по земле. Заклинание, посланное самим папой, не возымело никакого действия, так что больных судили и приговорили к смерти. В 1507 году произошла новая эпидемия, на этот раз в Каталонии. 30 женщин было сожжено живыми. Между 1504 и 1523 годами в Ломбардии начинается большая Комская эпидемия. Репрессивные меры против нее было поручено предпринять доминиканцам. Признаки этой болезни совпадают с теми, о которых я сообщил выше. Лечение было жестоким, так как доминиканцы сжигали более 1000 ведьм и колдунов в год.

В это время свирепствует демономания: 150 женщин высекли в Эстеле и сотню сожгли в Сарагосе. Монахини в Уверте, Бригитте и Кинторне издают вопли, прыгают и мяукают. В это же время беснуются воспитанницы амстердамского сиротского дома. Одного Дольского монамана приговаривают к костру за то, что он ел живых детей.

В Савойе сжигают 80 ведьм, в Тулузе — 400 и почти столько же в Авиньоне. В 1580 году начинается большая эпидемия в Лотарингии, где судья Николай Реми приказывает сжечь более 900 ведьм и колдунов, тогда же Богэ сжигает 600 в Сен-Клоде, а де-Ланкр — в стране басков. Здесь мы встречаем массу приговоренных к смерти детей, о которых Богэ говорит, что, ввиду несовершеннолетия преступников, их не следует сжигать живыми, а душить после того, как они почувствуют силу огня. Даже сами священники не избегают казней. Несчастный священник Гофриди начал заговариваться вследствие усиленного изучения колдовства и был сожжен живым вместе с молодой слепой девушкой. В Берри за один день сжигают 21 колдунью.

Следовательно, я не ошибся, утверждая, что колдовство было более пагубно для человечества, чем великие войны. Я уже все сказал о колдовстве в узком смысле, т. е. о той его части, которая многими авторами называлась *активным демонизмом*, поэтому теперь перехожу к другой форме помешательства — *бесноватости*, или *пассивному демонизму*.

У злого духа, как я уже говорил, есть два приема: он или прельщает колдунью и увлекает жертву с ее согласия, или же вселяется в нее помимо ее воли, говорит ее устами и пользуется ею для достижения зла. Бесноватыми, таким образом, могут быть даже животные. Бес может вселяться также и в трупы, превращая их в бродящих мертвецов. Бесноватые встречались во все времена. На каждом шагу упоминаются они в Библии и Евангелиях. Особенно же бесноватость волновала умы в XVII веке. Это был недуг века, подобно тому, как колдовство было болезнью XVI в., а мания величия свойственна нашему столетию.

Первая большая эпидемия такого рода произошла в Мадридском монастыре. Почти всегда в монастырях — и главным образом в женских обителях — религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекло за собой различные нервные расстройства, составляющие в совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок,

игумень которого, донне Терезе, тогда исполнилось всего 26 лет. У одной монахини вдруг стали случаться странные конвульсии. У нее внезапно начинались судороги, мертвели и скрючивались руки, изо рта шла пена, все тело изгибалось в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал бессвязный бред. Несчастная заявила, что в нее вселился демон Перегрино (обратите внимание на то, что в Испании и демон носит народное имя), который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже стала жертвой этого недуга. Тогда в обители начались неопишуемые сцены: монахини по ночам выли, мяукали и лаяли, заявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник, Франсуа Гарсиа, прибег к заклинанию бесноватых, но unsuccessfully, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри. Гарсиа, проявивший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношения с демонами, прежде чем напасть на них.

Новость о бесноватости бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией Луденских урсулинок, беснования которых относятся к 1631 году. Я воспользуюсь историей этой знаменитой одержимости, чтобы познакомить читателя с описанием недуга во всех подробностях. В то время в Лудене жил 40-летний священник по имени Урбан Грандье, отличавшийся большим умом, приятной наружностью и хорошими манерами. Он возбуждал много толков, может быть даже слишком много. Грандье пользовался большим успехом как светский человек и как проповедник, и тем вызвал яростную вражду своих собратьев.

Вследствие анонимных доносов он был приговорен за нарушение церковной дисциплины к сидению на хлебе и воде каждую пятницу, но этот приговор был признан недействительным и отменен архиепископом Бордо. Вполне понятно, что Урбан Грандье возгордился после этой победы и вернулся в Луден, окруженный ореолом мученика. Вскоре после этого кардинал Ришелье прислал советника Лобардемона с поручением срыть укрепления, окружавшие Луден. Эта мера вызвала недовольство. Грандье присоединился к оппозиции и, может быть, даже написал знаменитый анонимный памфлет, направленный против великого кардинала. Таким смелым поступком он вооружил против себя и правительство. Ею гибель была предрешена, и случай осуществить ее представился самым неожиданным образом.

В Лудене существовала община урсулинок, посвятившая себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц. Здесь мы встречаем мадам де-Бельсьель, де-Сазильи, родственницу кардинала, мадам де Барбезье, де-Сурди и т. п. Среди них была только одна монахиня из буржуазии — сестра Серафима Арте. Приором монастыря был аббат Муссо, который, впрочем, скоро умер. Спустя непродолжительное время после кончины, однажды ночью он явился госпоже де-Бельсьель в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Своими криками она разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастии товаркам. Результат получился обратный: вместо одной привидение стало посещать всех монахинь, в дортуаре то и дело раздавались крики ужаса и монахини пускались в бегство. Слово "одержимость" было пущено в ход и принято всеми: монах Миньон в сопровождении двух товарищей явился в обитель для изгнания злого духа. Игуменья, мадам де-Бельсьель, объявила, что она одержима Астаротом, и как только начались заклинания, стала издавать вопли и биться в конвульсиях. Находясь в бреде, она говорила, что ее

околдовал священник Грандье, преподнося ей розы. Грандье не был монастырским духовником, но в женской обители, как и везде, было много разговоров об этом священнике. Им восторгались, несмотря на то, что он слыл человеком довольно легкомысленного поведения. Кроме того, игуменья утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних 4-х месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

С другими одержимыми, между прочим и с мадам де Сазильи, ежедневно случались конвульсии, особенно во время заклинаний. Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле, в то время как за ними гнались священники со Св. Дарами в руках, изо рта у них высовывался язык, черный и распухший. Когда вместе с судорогами у них начинались галлюцинации, то одержимые видели смущавшего их демона: у мадам де Бельсьель их было 7 ; у мадам де Сазильи — 8 ; особенно же часто ветре чались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакарум, Уриель, Бегемот, Дагон, Магон и т. п. В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях. В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других — они переходили в сомнамбулизм и бредили в состоянии полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю.

Привожу описание из книги отца Иосифа, одного из заклинателей, наиболее способствовавших развитию истерического бешенства у этих несчастных:

"Однажды начальница пригласила Отца отслужить молебен св. Иосифу и просить его защиты от демонов на время говений. Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквах. Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день Поклонения Волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лика Богородицы...

Час был уже поздний, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед Тем, Кому поклонялись волхвы... С этой целью он ввел одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь ударить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконец удалось тихо подвести ее к алтарю. Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакаруму пасть ниц и поклониться младенцу Иисусу. Демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия. Тогда заклинатель пропел *Magnificat*, и во время пения слов *Gloria Patri* и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой действительно было переполнено злым духом, воскликнула: "Да будет проклят Бог Отец, Сын, Святой Дух, Св. Мария и все Небесное царство!" Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы во время пения *Ave, maris stella*, причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился... Его спросили, зачем он вызывает на борьбу Всемогущего Бога. "Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим". Тогда он возобновил свои богохульства в усиленной форме. Отец Сюрен вновь приказал Исаакаруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и Пресвятой Деве за богохульные речи, произнесенные против них... Исаакарум не покорился. Последовавшее вслед за этим пение "*Gloria*" послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву. Были еще предприняты новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакарума — повиниться перед Божьей Матерью. Во время них у игуменьи появились столь сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от

скамьи. Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакарум, повергая ее на землю, воскликнул: "Да будет проклята Мария и плод, который она носила!" Заклинатель требовал, чтобы он немедленно покаялся перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пения гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и крутиться. Он приблизился (т. е. довел тело госпожи де-Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая, что не хочет сойти с места, но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его исказилось и стало ужасным, голова откинулась назад, и послышался сильный голос, произнесший как бы из глубины груди: "Царица неба и земли, прости!"

В 1635 году во Франции велось много разговоров о Луденских одержимых. Брат короля, Гастон Орлеанский, специально приезжал в Лу-ден, чтобы посмотреть на них. Заклинатели, отцы Сюрен, Транкиль и Лактанций, предоставили ему случай наблюдать конвульсии. В этот же день случилось любопытное явление: с отцом Сюреном, в то самое время, когда он отчитывал демона, случился припадок одержимости — он лишился сознания и покотился по полу... Впоследствии Сюрен объявил, что демон Исаакарум проник в его тело. Перед герцогом госпожа де-Бельсьель принимала самые невозможные позы. Сестра Агнесса была одержима Асмодеем и Бегемотом, с ней тоже случились припадки в присутствии герцога Орлеанского. Она отказалась приложиться к Св. Дароносице и извивалась с такой силой, что ее тело превратилось в настоящее кольцо, при этом она произносила ужасные богохульства. В мадам де-Сазильи вселился демон Савулон. Он заставил ее бегать вокруг церкви и высовывать большой черный язык, твердый, как пергамент. Во время этих безумств Луденские урсулинки не забывали обвинять Грандые и уверяли, что они околдованы им, что он заключал договоры с дьяволом, среди которых один заключен на Орлеанском шабаше и был написан на коже детей, умерших без крещения. Архиепископ Бордо приказал оставить в покое Грандые и приступить к лечению монахинь. Но это не входило в планы Лобардемона, который поехал в Париж и вернулся оттуда с полномочием начать следствие против чародея Грандые и постановить над ним окончательный приговор без права апелляции для осужденного ни в парламент, ни на имя короля. Таким образом, Лобардемон осуществил свою месть, и Грандые пришлось дорого поплатиться за недавний памфлет. Он немедленно был брошен в тюрьму, несмотря на его протесты и на мольбы его престарелой матери. Факт его виновности был тотчас же установлен. Затем последовал целый ряд отчитываний, направленных как против монахинь, так и против него самого. В одном из этих достопамятных заседаний было получено письмо дьявола, и по сей день хранящееся в Национальной Парижской библиотеке. Я привожу его фотографическое изображение. В нем Асмодей обещает от себя и от имени своих товарищей, Грезия и Амана, особенно мучить мадам де-Бельсьель.

Однажды, после целых месяцев бесплодных заклинаний, Грандые попросил разрешения лично изгнать демонов. Ему дают на это разрешение, и вот в церкви Св. Креста устраивается большое торжественное собрание, на которое, после молитвословий, приводят одержимых. При виде Грандые, произносившего заклинания, ими овладевает бешенство, они издают рев, подсакивают и извиваются по полу. Никогда еще не приходилось видеть подобных безобразий. Затем приносят договоры, заключенные Грандые с дьяволом, и сжигают их на костре. Беснующиеся вновь вырываются, окружают бедного священника, царапают

и бьют его с такой яростью, что присутствующие вынуждены поспешно увести его в тюрьму. По прошествии нескольких дней суд собрался снова и объявил Грандье виновным в чародействе. Священник был приговорен к публичному покаянию в рубашке, с непокрытой головой и с веревкой на шее, а затем ему предстояло аутодафе. В приговоре еще значилось, что предварительно его подвергнут пытке. Прежде всего следовало искать на нем "печать дьявола", т. е. нечувствительное место, о котором было уже сказано выше. Лобардемон не мог отыскать ни одного врача, который бы добровольно согласился пытать Грандье. Ему пришлось для этой цели арестовать одного из них при помощи стражи. Тем не менее на теле несчастного священника не удалось найти клейма. Лобардемон приказал тогда врачу вырвать у него ногти с пальцев рук и ног, чтобы увидеть, не скрывается ли под ними знаменитая "печать". Врач отказался исполнить это требование и в слезах стал умолять Грандье простить ему то, что он до сих пор был принужден с ним делать. Тогда истерзанного страдальца повели в комнату пыток, где суд заседал в полном составе. После отчитываний орудий пытки монахами приступили к пытке "испанским сапогом": при первом же ударе молота что-то страшно хрустнуло, то переломились ноги бедного священника. Несчастный испустил такой крик, что палач отступил назад. Но монах Лактанций накинулся на того со словами: "Вгоняй же клинья, когда тебе приказывают, вгоняй сильнее!" Придя в сознание, Грандье объявил, что невиновен в чародействе. Когда же палач, со слезами на глазах, показал ему те 4 деревянных клина, которые ему предстоит всадить в него, то Грандье ответил: "Друг мой, всаживай их хоть целую охапку". Тогда отец Транкиль заметил палачу, что он недостаточно искусен в своем ремесле, и показал ему, какие приемы следует использовать, чтобы усилить боль жертвы. Вслед за этим в тело Грандье было вогнано один за другим восемь клиньев. Весь запас орудий палача вышел, и он пошел за другими. Лобардемон приказал ему всадить еще 2 клина, но вследствие волнения палачу это никак не удавалось. Тогда глазам окружающих представилось ужасное зрелище: капуцины Лактанций и Транкиль, приподняв свои рясы и вооружившись молотами, принялись собственноручно вколачивать клинья в свою жертву. У Лобардемона, вероятно, проснулась совесть, и он велел прекратить пытку. Ноги несчастного священника были раздроблены и висели в виде сплюсненной бесформенной массы с выходящими отовсюду осколками костей. Пытка продолжалась три четверти часа. Грандье положили на солому в ожидании казни. В 4 часа его повезли на телеге среди несметной толпы народа к церкви Св. Петра и, наконец, к костру, вокруг которого была сооружена эстрада, занятая самыми элегантными дамами города. Палач поднял его на руках с телеги и посадил на костер. Здесь ему в пятый раз зачитали приговор. Лобардемон пообещал Грандье, что он будет задушен до сожжения, но монахи, проведая об этом, во время пути наделали узлов на веревке. Они оттолкнули палача, накинулись на Грандье и стали наносить ему сильные удары распятием. Ввиду того, что толпа начала волноваться, а приговоренный все еще не раскаялся в своем мнимом преступлении, монах Лактанций схватил факел и сам зажег солому на костре. Палач бросился, чтобы задушить Грандье, но так как веревка была в узлах, то ему это не удалось.

Этот факт дошел до нас в передаче священника Измаила Буильо, который сообщил о нем с негодованием. В течение нескольких минут пламя охватило рубашку Грандье, и можно было видеть, как он корчился на костре. В этот самый момент над мучеником закружилась стая голубей и затем улетела на небеса.

Смерть бедного священника вовсе не усмирила бесноватых. Урсулинки продолжали вести себя по-прежнему, так что пришлось их изолировать. После того в городе Лудене демоны стали преследовать молодых девушек. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адский Лев, Ферон и Малой. Эпидемия распространилась

даже на окрестности. Почти все девушки в Шиноне были поражены страшным недугом и при этом обвиняли в чародействе двух священников. К счастью, коадьютор епископа Пуатье повел дело благоразумно и разделил бесноватых. Но еще примечательнее тот факт, что в это время переполнился одержимыми Миньон, искони считавшийся страной пап. Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Тем сильнее она должна была подействовать на всех действующих лиц этой драмы. Не прошло и года со смерти Грандье, как отцы Лактанций, Транкиль и Сюрэн совершенно лишись рассудка и вообразили, что в них вселился дьявол. Та же участь постигла врача, принимавшего участие в пытке, и офицера, руководившего казнью. Они умерли, всеми презираемые, корчась в ужасных судорогах и дойдя до скотоподобного состояния.

Страшная Луденская трагедия еще не изгладилась из памяти современников, только выяснилась истина относительно мученичества несчастного Грандье, когда разнесся слух, что демоны овладели обителью Св. Елизаветы в Лувье. Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то, по крайней мере, отправной точкой для распространения не духа. Но какая разница между Грандье и приходским священником Пикаром из Лувье! Если первый был любезным, веселым и блестящим светским человеком, то второй — мрачным аскетом с бледным испитым лицом. Он носил длинную и неряшливую бороду, ходил с опущенными глазами, одевался небрежно, говорил медленно и тихо. Во время продолжительных церковных служб Пикар останавливался, словно очарованный и погруженный в экстаз.

Монахинями Лувье овладело желание сравниться в набожности со своим духовным пастырем, и они стали поститься по неделям, проводили в молитвах целые ночи, бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 года священник Пикар внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие к помешательству, тогда окончательно помутились. Их духовный отец начал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними самими случались конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками Луденских монахинь. У несчастных появилось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и вызывало любовь. Вид Св. Даров усиливал их бешенство, они доходили даже до того, что плевали на них. Затем монахини катались по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивали как будто на пружинах.

Современный богослов Лабретон, которому случилось увидеть монахинь Лувье, дает нам следующее описание их беснований: "Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия странное отращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством. По несколько раз в день ими овладевают сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец. Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги, без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть ходит на воздухе, они долго остаются в таком положении и час то вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение 4-х часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо даже во время самых жарких летних дней. Несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно* обморок начинается с ними

в то время, когда их лицо наиболее взволнованно, а пульс значительно повышается. Во время обморока, продолжающегося полчаса и больше, у них не заметно ни малейшего признака дыхания. Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и сами ноги, а за ними — живот, грудь и шея, все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным, наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются странные корчи и конвульсии".

Запомните это описание. Нельзя нарисовать лучшей картины истерики, которая в настоящее время наблюдается у истеричных женщин в Сальпетриере.

В XVII в. конвульсии приписывали вмешательству демонов, и вот как доказывал их присутствие заклинатель Бороже, капуцинский монах из Руана, которому была поручена борьба против беснования в Лувье:

"Первое доказательство заключается в непрерывных, страшных и несправедливых богохульствах, изрекаемых против воли ежечасно и ежеминутно этими несчастными девушками. Они вызывают слезы жалости у лиц благочестивых и заставляют думать, что подобные ужасы следует непременно приписать постороннему влиянию. Безошибочно можно сказать, что это — дело рук дьявола, так как нельзя допустить, чтобы такое большое число благочестивых монахинь (18) могло осквернить свои уста столькими богохульствами. Глубоко ошибаются те, кто утверждает, что они делают это в припадках сумасшествия, так как беснующиеся обо всем рассуждают совершенно здраво".

"Вторым доказательством служат циничные речи, нередко произносимые ими и понятные только в устах развратных и погибших женщин; во всех других случаях они богохульствуют, как уже было сказано выше: ни один благоразумный человек не может допустить и мысли о том, чтобы столь благовоспитанные и набожные девушки могли сами произносить эти речи, их следует приписать действию чар и демонов, преследующих бедных монахинь. Во всем этом ясно выражаются козни дьявола".

"Третье доказательство. Какой вывод может сделать благомыслящий человек из их странных и обстоятельных описаний шабаша, козла и совершающихся там ужасов, как не тот, что демоны, вселившиеся в них, председательствовали на этих собраниях и сообщили им эти страшные сведения".

"Четвертое доказательство. Откуда появляется странное отвращение к Таинствам Исповеди и Причастия, вызывающих в монахинях бешенство, противодействие, судороги и богохульства? Чему следует приписать все эти бесчинства? Ведь не девушкам же, которые по прошествии нескольких минут после припадков молятся Богу, а, разумеется, — демону, врагу Св. Таинств".

"Пятое доказательство. В монахинях проявляются почти одновременно крайне противоречивые действия: то они восхваляют Бога, а через минуту богохульствуют, то говорят о священных предметах и затем тотчас же переходят к циничным и наглым речам. Часто, при прощании, эти девушки высказывали нам свое сожаление и сокрушение и при этом даже проливали слезы, но уже спустя минуту их уста изрекали проклятия и брань вроде следующих: "Чтоб дьявол свернул тебе шею, унес тебя в ад крошечный, погрузил во внутренности Вельзевула!" Чем объяснить столь противоречивые действия? — хорошими свойствами девушки и участием демона, так как невозможно допустить в нравственном отношении, чтобы один и тот же ум мог делать подобные скачки и переходить так быстро от одной крайности в другую. Лица, внимательно наблюдавшие эти переходы, без труда нашли, что одержимые монахини являются седалищем двух взаимно враждебных духов — человеческого и демонического, воплощавшихся в двух различных и даже противоположных родах действий".

"Шестое доказательство извлекается нами из ужасных внутренних действий демонов, невыносимых соблазнов всякого рода, безмерных душевных страданий, превосходящих пределы человеческого терпения, из непостижимых ухищрений, хитрых ловушек, сокрытия истины и навязывания бедным девушкам собственной злобы, из стараний уверить их всеми способами, что они сами совершали все те ужасы, которые демоны производили столь тонко и дьявольски ловко, и, наконец, из крайней агонии, которая охватывала их ум. Одним словом, на участие демонов указывает то страшное состояние, в которое они повергают монахинь своими обольщениями".

"Седьмое доказательство. Трудно допустить, чтобы такое большое число девушек, столь различных комплекций и вообще здоровых, могло бы подвергнуться одному и тому же недугу, общим признаком которого являлись бы богохульства и циничные речи, или же чтобы они страдали одной формой помешательства, здраво рассуждая обо всем остальном".

Из приведенного выше ясно видно, что мысль о сумасшествии все-таки появлялась у современников одержимости, но была отвергнута ими, поскольку предположение о вмешательстве злого духа казалось им более правдоподобным. Этому кажущемуся правдоподобию много способствовали также и те ужасные галлюцинации, которые постоянно тревожили одержимых. Так, одна из них видела всклокоченную черную голову без туловища, которая всю ночь не сводила с нее глаз; другую непрерывно преследовал демон, обольщавший ее и громко смеявшийся над всем, что она говорила или делала. Третья видела рядом с собой демона Бельфегора, а около него распятого Христа, который следовал за ней повсюду и спускался с креста, чтобы поцеловать ее всякий раз, как ей удавалось устоять против искушений дьявола.

Одна из этих несчастных галлюцинанток, сестра Мария, написала целую книгу о страданиях, которые ей пришлось вынести. Бороже сохранил нам ее в полной неприкосновенности. Привожу из нее несколько мест, которые очень важны для защиты моего положения.

"Священник Матюрэн Пикар, проходя однажды мимо меня, коснулся моей груди. После этого меня стали мучить тревожные мысли. В 9 часов вечера я легла спать и увидела, что на мое одеяло летели с пола крупные искры... Я очень испугалась... В другой раз у меня кто-то вырвал из рук лестовку (плеть), бросил мне ее в лицо и сильно толкнул. Однажды в лазарете меня 3 раза дернули за рукав, затушили мою свечу на чердаке и сбросили меня с самого верха. Помню также, что на мои плечи опустилась тяжеловесная масса, которая стала меня душить: я еле дотащилась до кельи настоятельницы, но здесь эта тяжесть с шумом свалилась, при этом, однако, я почувствовала такой удар, что у меня пошла кровь носом и горлом. Однажды ночью, около 10 часов, кто-то слегка постучался в дверь моей кельи — я произнесла Ave Maria, как подобает инокине, и увидела перед собой монахиню. Она довольно печальным голосом стала говорить мне: "Сестра, прошу вас не бояться меня, я — сестра Страстей Иисуса (Passion) и обречена оставаться в чистилище до тех пор, пока не удовлетворю Божественное Правосудие"... 27 и 28 февраля 1642 года, измученная всеми этими огорчениями, я стала засыпать около половины десятого. Когда прозвонили к заутрени, я еще спала, но вскоре проснулась. Смотрю — в мою келью входит священник в халате. Я пугаюсь и громко молю Бога о помощи, после чего призрак переменяет свой облик и раскрывает глубокую пасть, чтобы пожрать меня: "Ты принадлежишь мне, — закричал он, — посмотрим, кто окажется сильнее из нас двоих". Я трижды произнесла: "О, Господи! Сжался надо мной! Помоги мне!" Призрак немедленно стал изрыгать пламя и страшно проревел: "Делай, что хочешь, ты все-таки не уйдешь от меня, или же я перестану быть тем, что я есть". Под конец я так сильно

была избита, что не могла найти себе места. В конце мая, войдя в свою келью, я заметила на постели маленькую записку на латинском языке, которую тогда не могла разобрать. Дьявол, приняв облик Матери Успения Св. Богородицы, попросил дать ему эту записку для прочтения, что я и исполнила. После продолжительной беседы он вышел через окошко, бывшее в келье, но когда возвратился после того, то стал безжалостно меня терзать — щипал, колол, кусал...

62

Одна из наших сестер принесла белье в мою келью и тем избавила меня от этих жестоких мучений. Господин д'Эвре приехал на другой день и обошел всю обитель. В то время, когда он проходил мимо моей кельи, дьявол, приняв облик нашего духовника, подошел ко мне, держа в руках бумажку "Дочь моя, — сказал он, — вот записка, составленная мною для господина д'Эвре — вам необходимо подписаться под ней". Я зашла в это в соседнюю келью, так как в моей не было чернил, а он остановился у двери, как бы в ожидании моей подписи. "Мне надо уйти, — сказал дьявол, — так как если нас увидят одних, то пойдут тогда к вам прочту ее в другой раз, а пока храните ее". Он тотчас же скрылся, а я, сложив бумажку, положила ее себе на грудь и пошла в соседний дортуар, где ее тотчас же у меня забрали. Я очень из-за этого огорчилась и немедленно послала за нашим духовником, велела ему передать, что вызываю его по спешному делу в общую гостиную. Он стоял у решетки с епископом и отцом Бенуа. Я сказала духовнику, что у меня отняли бумажку и что я не знаю, кто ее взял. Епископ спросил Бенуа — в чем дело, но он ответил, что не знает. Тогда я рассказала, как все происходило. Епископ написал протест против всего, что дьявол мог обманчивым образом заставить меня сделать, потом он велел мне освятить себя крестным знаменем. Это, однако, несколько не помогало. Дьявол являлся ко мне ежедневно в страшном облике и по-прежнему отнимал бумажку. Дважды он брал меня за руки и пояс, что было в ней написано. То были ужасные богохульства против Бога, Иисуса Христа, Богородицы и Ангелов.

В другой раз дьявол прикинулся монахиней, выражавшей мне большое сочувствие, так как мы будто бы находились с ней в дружественных отношениях еще до пострижения. Он пришел ко мне во время молитвы и стал уверять, будто сочувствует моим страданиям и сожалеет, что я мучаюсь голодом. При этом он прибавит, что кто-то имеет желание довести меня до смерти или, по крайней мере, до сумасшествия. Дьявол несколько раз прикидывался сердобольной монахиней, чтобы обмануть меня, и приносил мне розы и гвоздику. Иногда эта монахиня показывала мне цветы ради развлечения, затем уводила в уединенное место и там подвергала разным истязаниям, била из всех сил и кусала, как собака. В другой раз, когда я обдумывала ужасное состояние, в котором очутилась вследствие таких частых обманов и мистификаций, дьявол, узнав, что духовник поручил матери-викарии иногда навещать меня в келье, воспользовался этим случаем, чтобы принять облик матери-викарии, и стал излагать передо мной лживое и еретическое учение. Подложная мать-викария говорила так убедительно, что я почувствовала к ней искреннюю симпатию и, надеясь при ее помощи найти верный путь к Богу, решила доверить ей свои дурные мысли. Около недели провела я с ней в этих беседах, наполненных богохульствами и заблуждениями. Однажды ночью, когда все спали, в моей келье появился молодой человек. Освятив себя крестным знаменем, я твердила: "Verbum caro factum est" — и спрыскивала келью святой водой. Но этот наглец насмеялся надо мной — он хотел помучить меня, тогда я прибегла к заступничеству Божьему и громко сказала: "Господи, я изнемогаю, дай мне сил".

Мать Успения Св. Богородицы спросила меня, что это значит. Я ей ничего не ответила и только кричала. Молодой человек приотворил мою дверь и направился

к печной трубе. Он тащил меня за собой, так как я хотела его задержать, и приподнял меня, по крайней мере, на два фута. Тогда я выпустила его и упала в свою комнату, где меня нашли с рукой, замазанной жиром, которым этот чародей был вымазан. Рука была вонючая и черная с красным оттенком. Мне вытерли руку белым полотенцем, которое потом бросили в огонь. Светозарный ангел, к которому я часто еще буду возвращаться, клялся мне, что монастырский духовник — настоящий чародей, что он влюблен в меня и скоро должен открыть мне свою страсть. После обедни я пошла в исповедальню и передала духовнику все, что говорил мне ангел. Он очень изумился и не знал, что отвечать, а только произнес: "Дочь моя, вам известно, кто я и кто мои родители, предоставляю вам рассудить, мог ли бы я вести себя столь недостойным образом. Вы знаете мою жизнь: были ли когда-нибудь на меня жалобы?"

Предполагаю, что чтение этого длинного показания уничтожит все сомнения, которые могли возникнуть в уме читателя. Какой странный ряд галлюцинаций! И то же самое происходит со всеми другими монахинями. Одной из них Дагон сообщает такую силу, что она разрывает, как соломинку, веревку, опоясывавшую ее стан. Другая, одержимая тем же демоном, тщетно пытается завладеть причастной облаткой во время возношения Св. Даров священником, но ей удается только ухватить зубами дискос и убежать с ним.

Дагон, Аккарон и Орфаксат приподнимают с земли 18 несчастных женщин, катают их по земле, заставляют бегать по крышам или по отвесным стенам, держат в дугообразном положении в течение нескольких часов — иногда над землей, а иногда и на верхних краях колодца. Все это происходит во время заклинаний, только усиливающих зло, до тех пор, пока одно знаменательное событие внезапно не меняет ход всего дела.

Во время одной церковной церемонии, в феврале 1643 года, когда заклинатель произносил проповедь, в которой восхвалял неизмеримое превосходство Божье над демоном, одна из монахинь, Мадлена Бавен, воскликнула: "Увидим еще, не удастся ли Сатане одолеть Его".

Епископ д'Эвре уже давно искал повод, чтобы начать следствие по делу о колдовстве. Он воспользовался этим случаем и велел допросить сестру Бавен, показавшую, что она отдалась дьяволу по предложению священника Пикара, на настояния которого она уже давно согласилась. Бавен была уличена в подписании договора с дьяволом собственной кровью, в краже причастной облатки, в принесении ее на шабаш, в приготовлении из нее злых чар и в убиении младенцев для приготовления снадобий из их трупов. Она была приговорена к пожизненному заключению в глубоком подземелье и к пище, состоящей исключительно из хлеба и воды.

Спустя несколько дней несчастная, которую разъедал рак на груди, проявила поразительное мужество. Разбив стакан на мелкие куски, она проглотила их. В то же время она вонзила себе в живот нож, вскрыла вены и перерезала горло. Кровь пошла из него ручьями, она заболела воспалением брюшины и, тем не менее... выздоровела.

Но она донесла на Пикара. Несчастного священника вырыли из могилы и мертвого судили одновременно с его преемником Булье, на которого та же монахиня указала как на его сообщника. Мертвец и живой человек одновременно предстали перед Нормандским Парламентом и были приговорены к сожжению за служение черной мессы на шабаше и за приготовление талисманов из причастных облаток. Приговор был приведен в исполнение следующим образом: Булье, прикованного к разложившемуся трупу Пикара, поволокли за ноги по улицам Руана и сожгли на той же площади, где погибла Жанна д'Арк. И это произошло не во времена

средневекового мрака, а в такую эпоху, когда другой уроженец Нормандии, Корнель, в первый раз поставил на сцене своего "Сида".

Таким образом, последний колдун погиб на том же месте, где некогда была сожжена первая чародейка.

Прекращением процессов по колдовству Франция обязана Людовику XIV. В знаменитом указе от 1662 года, отредактированном Кольбером, он практически отвергает существование колдунов и поручает рассмотрение дел этого рода общим судам. Вот почему в XVIII в. все дела о колдовстве или чудесах ведет полиция. Она же приводит в исполнение и королевский приказ о закрытии Сен-Ме-дарского кладбища и запрете совершать там чудеса.

Позднее великая революция (законом от 22 июля 1791 года) причислила одержимых к категории шарлатанов или больных и направляла их, в зависимости от случая, либо в лечебницы для душевнобольных, либо в суды исправительной полиции.

Итак, мы уже убедились, что колдуны в действительности были галлюцинатами и мономанами, подобно тем, что содержатся в современных психиатрических больницах. Но что в таком случае представляют собой одержимые? Исчезла ли одержимость и этот странный недуг с тех пор, как благоразумные люди перестали говорить о дьяволе?

Известно, что этого не произошло. Одержимость свирепствует и в наши дни, но мы называем ее по-другому, а именно: *истеротилепеия*. Позволю себе в нескольких словах набросать для читателя образ современной одержимой, т. е. *истеричной*.

Цель моего очерка истории колдовства — придти к этому выводу.

Внешне несчастную истеричную ничто не отличает от других, разве что некоторая вычурность в одежде. Истеричная питает пристрастие к ярким цветам, она покрывает себя мишурными украшениями, и, так как нарушение органа зрения позволяет ей видеть только наименее преломляемые цвета, она нередко выбирает одежду красных и кричащих расцветок. К старости она становится довольно нечистоплотной и неряшливой. Частые припадки, которые случаются с истеричной, не позволяют ей заботиться о физической стороне своей личности. Она живо напоминает собою образ, который демонологи обыкновено приписывают ведьмам.

У подавляющего большинства истеричных одна сторона тела лишена чувствительности — и левая чаще, чем правая. Их можно резать, колоть, жечь — они ничего не чувствуют.

Мало того, в этих совершенно нечувствительных точках их тела такое плохое кровоснабжение, что из них, в случае ранения, не вытекает ни капли крови.

Больные иногда очень гордятся этой безнаказанностью и забавляются тем, что прокалывают мягкие части ног и рук длинными иглами. Этот факт имеет для нас значение, так как освещает явление, называвшееся некогда "печатью дьявола" — это та нечувствительная точка, которую врач, вооруженный иглой, искал на обвиняемом и обнаружение которой неминуемо влекло за собой осуждение на смерть. Наряду со случаями *истерической получувствительности* (гемианестезии), часто встречаются и случаи *полной анестезии* всею тела. Мне однажды случилось видеть молодую 19-летнюю девушку, которая под влиянием огорчения выбросилась с 4 го этажа на мостовую. Она сломала себе обе ноги. Когда ее забирали в больницу, несчастная смеялась, лежа на носилках, и забавлялась тем, что шевелила обломки своих костей. Для любого другого человека это было бы страшной пыткой.

И в этом случае напрашивается сравнение с "колдуньей": припомним, что во время допроса она иногда не издавала ни единого звука; то было, как выражаются демонологи, *молчаливое очарование* — демон таким путем обертел ее от

страданий. В настоящее время мы говорим, что это случай *полной истерической анестезии*. Наконец, иногда у истеричных случаются припадки, во всем совпадающие с припадками у одержимых бесом.

Их предвестниками служат известные симптомы. Больной вдруг слышится звон колоколов, в ее голове что-то перекачивается, и все начинает вращаться вокруг нее. Это состояние головокружения может длиться подряд несколько часов, а иногда и дней. Потом начинаются *вздутия груди* и ощущения удушья, являющиеся следствием спазматических сокращений пищевода. У прежних одержимых тоже встречался этот признак. Заклинатели предполагали, что это было вызвано тем, что порча или сі лаз поднимались к горлу. Теперь мы это называем *истерическим шаром*.

Ощущая эти первоначальные симптомы, истеричные уже предвидят приближение припадка и предпринимают соответствующие меры. Они подготавливают известным образом свою постель и одежду, даже просят у надзирательниц аппараты, устроенные для их сдерживания, которые не позволят им разбиться о стены во время больших конвульсий.

Бесноватым, несомненно, были знакомы эти предупреждающие ощущения, так как они заранее предсказывали появление своего демона и время, когда начнется их недуг.

Истерический припадок представляет несколько фазисов. Профессору Шарко принадлежит заслуга их систематического описания, и я намерен коротко изложить здесь результаты его трудов. Первый фазис

припадка представляет *тетанический период*: истеричная, если она находилась в стоячем положении, начинает вращаться и тяжело падает на землю, издавая громкий крик. Ее члены напрягаются, глаза воспалены, все тело с головы до ног конвульсивно вздрагивает, причем изо рта идет пена. Обратите внимание на то, как ее руки сведены назад, и припомните изображение XVI в., приведенное мною выше. И здесь мы наблюдаем полную аналогию между прежней и нынешней колдуньей. Те-танический период, в свою очередь, подразделяется на два фазиса: в первом, т. е. в *тоническом периоде*, истеричная остается совершенно неподвижной, с открытым ртом и сведенными руками; сознание, как и на протяжении остальной части припадка, полностью отсутствует. Контрактура особенно легко может поразить тыльные мышцы туловища, вследствие чего тело выпячивается в виде дуги, так что больная касается постели только пятками и теменем. Припомните по этому поводу беснующихся в Лудене и Лувье.

Во время второго периода, названного "*клоническим*", больных поражают сильнейшие конвульсивные вздрагивания, но неизменно в одном и том же направлении. Физиономия принимает отвратительное выражение, вследствие вечно меняющихся подергиваний лицевых мускулов. Заклинатели говорили об этой стадии припадков, что в чертах беснующихся поочередно отражались образы всех демонов, вселившихся в них. *Титанический период* с двумя своими стадиями: тонической и клонической — как правило, непродолжителен. Дыхание больной задерживается, и ей угрожает асфиксия: вследствие этого происходит нечто вроде реакции. Истеричная без чувств падает на постель и громко вбирает в себя воздух. После нескольких минут покоя она начинает испускать резкие звуки. Тогда наступает второй акт, или *период больших движений*. Чтобы понять, что это за ужасное зрелище, надо непременно его видеть: что бы я о нем ни написал, это не даст читателю истинного представления об этой изумительной действительности. Истеричная внезапно приподымается, как бы толкаемая пружиной, причем все ее тело отделяется от земли, ее подбрасывает вверх, затем она падает, затем снова подскакивает, и эти движения безостановочно повторяются более 20 раз.

Этот период больших движений встречался и у одержимых. Заклинатели упоминают о том, что демоны приподнимали их от земли несколько раз подряд и гут же опять бросали на пол. Не трудно понять, что при такой затрате сил период больших движений не может быть продолжительным. По прошествии минуты, истеричная падает на постель в полном изнеможении и совершенно разбитая. Она остается в этом спокойном, неподвижном и бессознательном состоянии в течение нескольких мгновений. Затем следует, но не всегда, нечто вроде перерыва, во время которого происходят явления, представляющие для нас большой интерес: это контрактуры.

Они весьма разнообразны. Рассмотрим некоторые из них. Иногда вдруг с постели поднимается средняя часть тела больной; ее ноги приближаются к голове, так что больная принимает вид дуги и остается в такой позе на протяжении нескольких часов. Известно, что в Лудене у г-жи де-Бельсьель часто наблюдались контрактуры. В других случаях истеричная лежит на животе, а ее тело так изгибается, что пятки ударяются об затылок: это была любимая поза беснующихся во время ползания перед заклинателем.

Контрактура может быть и более локализованной и иногда рас пространяется только на одну половину тела, которое тогда сгибается внутрь сбоку. В этом случае контрактура может распространяться лишь на одни верхние и нижние конечности. Внимательно изучая сочинения демонологов, можно встретить все упомянутые формы контрактур. Наконец, часто наблюдается локализованная контрактура языка и тшца. Физиономия истеричной принимает отталкивающий вид. Лицевые мышцы подергиваются, а черный высохший язык высовывается изо рта. Заклинатели не преминули занести этот факт в свои повествования.

Особенно любопытна контрактура, затрагивающая верхние конечности и придающая больной вид распятой на кресте. Иногда она наблюдается у беснующихся, но чаще встречалась у теоманов, экстатиков и конвульсионеров. После контрактур или же сразу вслед за "большими движениями", если контрактур не было, начинается период галлюцинаций и психических поз. Это наиболее интересный момент припадков. После нескольких минут покоя больная встает — она находится в бессознательном состоянии, ничего не видит и не слышит. Тогда начинается бред, прерываемый галлюцинациями, всегда одинаковыми у одной и той же больной. Эти галлюцинации связаны с ее обычными занятиями или воспоминаниями. Именно в этот период в прежние времена беснующейся являлся ее демон. Современные истеричные тоже видят своего демона, но он лишь изменил свое название: больные в Сальпетриере — не монахини, а жительницы пригорода. Их демон не Бегемот и не Асмодеи, а идет в ногу со временем и дважды, насколько мне известно, носил имя Альфонса. Обратим внимание на один такой странный бред: перед нами больная Б. Сразу же после периода контрактур, она бросается на постель и, вскрикивая, зарывается лицом в подушки. Она говорит, что ее преследует черный человек, — и зовет на помощь. Какой страх написан на ее лице. Она яростно отталкивает своего врага. Потом сцена внезапно меняется, когда приходит другой демон. Он удостоивается лучшего приема. В то же время в ушах одержимой раздается нежная мелодия, и она издевается над своим прежним врачом. Период галлюцинации завершается каким-то восхитительным экстазом, который продолжается несколько минут.

У Селины М. начало галлюцинации тоже носит грустный характер — она видит нефитянку, которую душат и хотят оскальпировать разбойники. На фотографии видно, какое ужасное выражение принимает ее лицо. Она зовет на помощь, но никто не приходит — выражение лица меняется вместе с галлюцинацией. Затем на ее лице появляется выражение счастья, сопровождающееся экстазом, как и в предшествующем случае.

У беснующихся и одержимых припадков, который только что окончится, может немедленно возобновиться и повторяться много раз с измениями или без них. Впоследствии у них нередко появляется бред, очень похожий на тот, которому были подвержены колдуньи и одержимые, и не только во время припадков Истеричная забирается в какой нибудь темный угол и проводит там целые дни или же растрепанная и полунагая бежит по больничным палатам и коридорам, издавая рев и пророчествуя.

Таким образом, здесь повторяется то же, что мы видели у колдуний и у беснующихся.

Истерические припадки могут проявляться в виде эпидемии, когда несколько истеричных находятся в одной палате и у одной из них вдруг начинается припадок, он действует подобно взрыву пороха. Припадок начинается у всех больных, как это наблюдалось прежде в монастырях. Даже находится свой чародей. Не так давно в Сальпетриере находилась истеричная, уверявшая, что каждую ночь один из главных врачей вместе с автором этой книги проходят сквозь стены и проникают в палаты.

Весьма вероятно, что 200 лет тому назад нам обоим пришлось бы изведать все прелести сожжения. К счастью, теперь все очень изменилось и никто больше не верит ни в бесноватых, ни в чародеев, и даже лица, носящие в числе своих официальных званий звание заклинателей, обходят этот предмет молчанием, весьма близким к согласию с научными воззрениями на нее.

В заключение позволю себе повторить сказанное мною в самом начале С истинным ужасом и глубоким отвращением приходится знакомиться и излагать историю колдовства Но поневоле черпаете утешение в том факте, что современная наука, на каждом шагу объясняя эти таинственные явления, вместе с тем приносит и настоящие благодеяния

Громы небесные перешли в людские руки в виде электричества, из которого добывают свет и тепло, посылают при их содействии письма и извлекают из них даже музыку В наше время медицина и физиология лишили демонопаток их адских доспехов костер заменен гидротерапевтическим душем, а палач превратился в невозмутимого врача

Восемнадцатый век. Сен-Медарские явления

В предыдущей главе мы дали лишь неполный очерк истерии, но и того, что уже было изложено, достаточно, чтобы выделить реальный элемент великих эпидемий конвульсионеров, наблюдавшихся в XVI и XVII веках. Конвульсии, впрочем, были не единственным проявлением этой любопытной болезни, которая была известна в древности под названием *протей*. В настоящее время все уже знают, что эта болезнь всегда повторяется с теми же признаками. Истерия играла в жизни человечества такую значительную роль, что мне придется познакомить вас с ней подробно. Она объясняет нам многие явления, оставшиеся загадочными до последнего времени.

До сих пор я описывал истеричную только в действии, во время ее интенсивных припадков. Но мы еще не закончили наши наблюдения и потому вновь встретимся с ней. Необходимо при этом заметить, что в XVIII в. одержимость принимает другой характер. Общественное мнение теперь иначе толкует необычайное зрелище, которое представляет собой "ведьма". Недуг не изменился, его проявления остались теми же, но изменился способ толкования этих явлений. Вместо того чтобы начинать с разбора фактов и проводить аналогии с тем, что наблюдаем мы теперь, я предпочитаю, когда нам уже известна некоторая доля

истины, сообщить читателю некоторые патологические сведения, которые нам потом будет легче сблизить с историческими сведениями, сохранившимися у различных авторов.

Истеричная не всегда находится в припадочном состоянии. Она впадает в него время от времени, а затем остается относительно здоровой в течение промежутков времени, весьма различных по своей продолжительности. В основном, причиной, вызывающей начало припадка, бывает какое-нибудь сильное душевное волнение, страх, досада, горе или злость. Встречаются истеричные, у которых в течение всей жизни случалось не более одного или двух настоящих припадков. Все остальное время они были просто нервными женщинами с тяжелым характером. В других случаях, гораздо более редких, чем-то принято считать, у них наблюдается склонность слишком легко любить людей или вещи.

Многие из них, по всей вероятности даже большинство, этим и ограничиваются: они испытывают несколько припадков, отличаются странностью характера — вот и все. Но есть и такие, у которых обнаруживаются непрерывные болезненные проявления без всякого умственного расстройства, и это, разумеется, одна из самых любопытных сторон их болезни.

Во главе таких явлений мы поставим *истерический паралич*, который может поражать иногда двигательную способность, иногда чувствительную, а иногда и обе эти функции одновременно. Нам уже известно, как обычно начинается паралич. У человека, достигшего определенного возраста, вдруг случается припадок, т. е. больной внезапно падает, как пораженный громом, среди своих занятий или за столом. Он остается в течение некоторого времени без чувств, в состоянии глубокого сна, из которого его ничто не может вывести. Потом он постепенно приходит в себя и, пытаясь подняться, замечает, что не способен пошевелить ни рукой, ни ногой, а иногда и всей половиной тела. Такое состояние иногда постепенно проходит, но очень часто оно остается неизменным. В последнем случае происходит апоплексическое кровоизлияние в области мозга или же острое размягчение небольшой части этого органа — поражение, которое будет обнаружено в день вскрытия трупа. В других, более редких случаях, у человека под влиянием холода может отняться та или другая часть тела.

Это случается с людьми, которые рискуют спать при открытых окнах, или же с теми, кто имеет обыкновение прислоняться ночью, во время сна, к оконным рамам в вагонах железных дорог.

Нередко случается, что, проснувшись на следующий день, они обнаруживают, что часть их лица парализована. Это очень грустно, но вместе с тем и комично. Такая форма паралича длится, как правило, недолго. Понемногу она исчезает, пока, наконец, в один прекрасный день обе половины тела не придут сами собой к одному к тому же нормальному состоянию. Нередко встречаются внезапные параличи и у детей, вследствие еще более мелких причин. Прорезывания зуба, расстройства кишечника из-за глистов может быть достаточно, чтобы случился паралич какого-нибудь органа, который пройдет спустя некоторое время.

Но наряду с этими формами, столь разнообразными как по вызвавшим их причинам, так и по своей серьезности и последствиям, существует еще одна, весьма обыкновенная, которую я назвал *истерическим параличом*. Женщина средних лет просыпается в одно прекрасное утро с совершенно парализованной половиной тела, иногда с параличом одного члена, а иногда и обеих нижних конечностей. Она не может пошевелиться, мышцы ее ослаблены, но больная совсем не страдает. Также внезапно в какой-нибудь день парализованная почувствует, что все закончилось и что она полностью выздоровела. Недуг этот может длиться от нескольких часов до многих лет. Мне приходилось наблюдать истерический паралич, длившийся девять лет, в тот день, когда он прекратился.

Излечение может быть самопроизвольным, но может быть вызвано и лечением. Науке известно много случаев успешного применения гидротерапии и электрических токов для лечения таких больных. Но одно из самых обыкновенных и наиболее действительных средств от истерического паралича — это сильное волнение.

Многие еще помнят одного зуава, который лет десять тому назад удивлял весь Париж своей храбростью и, можно сказать, своими замечательными удачами. Этот человек, не обладавший ни малейшими медицинскими познаниями, тем не менее, успешно лечил паралитиков. Он становился с вдохновенным видом перед больным и говорил ему: "Встаньте и идите!" Очень часто несчастный пациент тщетно пытался приподняться, но иногда случалось так, что больной действительно вставал и уходил, оставляя зуаву свои костыли или тележку на память о чудесном исцелении. Молва о зуаве распространилась так широко, что даже маршал Франции, уже давно разбитый параличом, захотел попробовать на себе его лечение. Простой солдат скомандовал ему: "Марш!", — но начальник остался прикованным к своему стулу: он страдал апоплексическим односторонним онемением, между тем как зуав Жак мог излечивать только при помощи волнения, которое вызывал у больного он сам и подобранная им для этой цели обстановка. Я припоминаю еще одну больную, которая в течение многих лет лежала на одной из коек в Сальпетриере. Она страдала параличом нижней половины тела, но его истерический характер был под сомнением, однако факты подтвердили это предположение. Однажды несчастная под влиянием необъяснимого побуждения украла у своей соседки какой-то предмет. Она сделала это до того неискусно, что все заметили, как ее рука тянулась за предметом, лежавшим на ночном столике. В отделении подняли шум и сообщили об этом факте в полицию. В палату пришел полицейский комиссар, опоясанный служебным шарфом, в сопровождении полицейского агента. На несчастную воровку нашел такой ужас, что она вскочила и побежала так быстро, что ее с трудом удалось вернуть назад — волнение вызвало немедленное излечение. Важным пунктом, на который следует обратить внимание, является то, что эти параличи часто проходят после конвульсивных припадков, хотя и наоборот, они могут быть вызваны последними.

То, что справедливо по отношению к истерическому параличу движений, также верно и относительно паралича чувствительности. Я уже подробно останавливался на параличе осязания, т. е. на *истерической анестезии*, чтобы вновь возвращаться к этому предмету. Достаточно будет сказать, что, в то время как двигательные параличи преходящи, параличи чувствительности, как правило, постоянны или, по крайней мере, намного чаще вновь появляются после излечения.

Чаще всего из этих анестезий, после анестезии кожи, встречаются, разумеется, зрительные. Они бывают полными и неполными. В первом случае наблюдается так называемый *истерический амавроз*, или *истерическая темная вода* (временная потеря зрения). Молодая женщина вдруг слепнет. Для больной ничто не может быть ужаснее этого. Спустя немного времени, под влиянием причин, сходных с теми, о которых я уже говорил, к ней возвращается зрение, и она моментально исцеляется. Этот факт встречается в наших больницах реже, чем случаи исцеления двигательных параличей, но каждому знающему врачу, наверно, приходилось когда-либо быть свидетелем этого. Гораздо чаще встречается неполная слепота, *истерическая амблиопия*. Большинство наших больных действительно плохо видят, их глаза словно застилает облако, и, удивительное дело, они очень плохо различают цвета, за исключением красного — все остальное в их глазах приобретает серый оттенок или синий цвет. Электрический ток, пропущенный по коже, или приближение магнита сразу прекращают это состояние, без всякого сверхъестественного вмешательства. Выздоровление, полученное таким путем,

бывает иногда окончательным, но иногда недуг вскоре возвращается. Рядом с истерической *темной водой* мы поставим *глухоту* такого же характера. Ее, разумеется, приходится наблюдать реже, и ее особенность заключается в том, что она не всегда сопровождается немотой. Часто она появляется в детстве и проходит очень медленно, впрочем, волнение или припадок могут уничтожить ее мгновенно. Я подразумеваю абсолютную глухоту, но с этим недугом случается то же, что и с амаврозом: он бывает и неполный. Желле доказал, что у всех истеричных вместе с анестезией кожи, на одной и той же стороне наблюдается амавроз и относительная глухота.

Среди форм паралича, внезапно поражающих истеричных, следует отметить еще одну, весьма любопытную: это паралич мускульных волокон, сокращающих наш кишечник. Вследствие их более или менее постоянного поражения пища плохо циркулирует в кишечнике больных, за пищевой массой скапливаются газы, при этом сильно растягивая пищеварительный канал, и животы несчастных кажутся раздутыми, как бурдюки, что вызывает также затруднение дыхания. Это состояние, называемое *истерическим метеоризмом*, встречается довольно часто, но в большинстве случаев оно быстро проходит. У некоторых лиц оно выражается так явно, что невольно поражает наблюдателя, а так как в представлениях большинства увеличение живота связано с водянкой, то очень часто этих больных принимают за страдающих водяной болезнью. Выздоровление, как правило, происходит неожиданно и иногда вследствие простого всасывания и поглощения. Подобно другим формам паралича, метеоризм может появляться после припадка и исчезать вместе с ним. Истерический протей вызывает не только параличи, но очень часто и одновременно с ними или после них появляются контрактуры. Это то, что врачи древности и даже современные путают с анкилозом (неподвижность суставов). Если при параличе пораженный член, вследствие своего бессилия и вялости, висит неподвижно вдоль тела, то при контрактуре он, наоборот, застывает в неподвижном состоянии вследствие общей напряженности всех управляющих им мышц. Случается, что контрактура поражает целиком половину тела и гораздо реже сразу обе половины. Порой в подобном состоянии больной так сильно сжимает кулак, что ногти впиваются в ладонь, оставляя раны.

У других больных контрактура образуется па бедре, и при этом столь сильная, что истеричный может симулировать коксальгию бедра (сведение и укорочение его мышц) столь искусно, что проведет даже самых опытных врачей. Теперь уже известно, что многие коксаль-гии у молодых девушек суть не что иное, как истерические контрактуры, и каждый практикующий врач, наверно, сталкивался с ними в своей практике.

Если контрактурой поражены мышцы ступни, то она выворачивается (*tourne*) внутрь или наружу точно так же, как это бывает при врожденном укорочении мышц, и тогда мы имеем перед собой *истерическую стопу (pied bol)*. Это явление широко известно в настоящее время.

Сведение шеи в сторону (*torticolis*), истерическое сведение челюсти, в сущности, тоже представляют собой конвульсивные сокращения шейных и челюстных мышц. Повторю еще раз, что все эти поражения различных органов могут возникнуть самопроизвольно или же вследствие сильного потрясения, они могут исчезнуть медленно или же под влиянием неожиданного волнения, как и паралич.

Необычная форма истерической контрактуры поражает сфинктер (сжимающую мышцу) мочевого пузыря. У больных, пораженных этим недугом, прекращается мочеиспускание даже при помощи катетера, и если болезнь затягивается, то моча вообще перестает выделяться. У больных начинается рвота, и в этих выделениях, благодаря смешению, нередко встречающемуся в физиологии, мы находим

мочевину, которая должна бы была выйти через почки, которые уже перестали работать.

В 1875 году в Сальпетриере можно было наблюдать один из самых поразительных случаев этого состояния, и так как мне довелось вместе с доктором Бурневиллем напечатать его подробное описание, то я попрошу позволения привести его здесь вкратце. Больная была женщиной лет около сорока. Она лежала на больничной койке уже в течение 9 лет, страдая сильной контрактурой левой руки и ноги. Поверхностному наблюдателю ее болезнь представлялась тем, что прежде называлось неподвижностью суставов локтя, коксальгией и истерической стопой. Кроме того, она страдала контрактурой языка и не могла произнести ни звука, таким образом, она была еще и немой. Несчастливая различала свет только одним левым глазом. Для довершения жалкого состояния, у этой больной была еще контрактура пищевода, не позволявшая ей есть. Каждый день при помощи зонда ей в желудок вводили яйцо и немного вина. Но, помимо этого, она страдала еще такой контрактурой шейки мочевого пузыря, что у нее наблюдалось полное задержание мочи, так что в течение трех месяцев она мочилась всего два раза. Ее рвало, и в этих извержениях мы констатировали присутствие мочевины. В 1872 году Шарко, демонстрируя ее публично на лекции, говорил, что ни одно лечение не дало результата ввиду столь сложной болезни, но что в один прекрасный день может произойти нечто, что вызовет немедленное выздоровление. Это предсказание тогда было занесено в один медицинский журнал и напечатано.

Три года спустя, во время одной римско-католической религиозной процессии, больная совершенно исцелилась: контрактуры, истерическая стопа, коксальгия, амавроз, немота — все исчезло. Этот случай получил большую огласку, и только благодаря осторожности архиепископа Парижского его не использовали неподобающим образом. Бывшая больная начала работать больничной сиделкой и исполняет свои обязанности самым тщательным образом.

Чтобы закончить с истерией, я укажу на весьма странный факт, открытый Шарко. У большинства истеричных в той части живота, которую анатомы называют подвздошной областью, находится болезненная точка, на боль в которой они постоянно жалуются и на которую сами нажимают, чтобы облегчить свои страдания. Предполагают, впрочем не имея окончательной уверенности, что эта болезненная точка находится в яичнике, и про таких больных говорят, что они страдают правым или левым яичником.

Удивление вызывает тот факт, что если у истеричной случается припадок, то для моментальной приостановки конвульсий бывает достаточно резкого нажатия на эту точку. Как только нажатие прекратилось, припадок тотчас же возобновляется с той самой ступени, на которой он был остановлен, и продолжается без малейшего изменения. Таким образом, можно остановить припадок и потом двадцать раз подряд возобновлять его по желанию. Если бы средневековым инквизиторам пришлось в голову надавить на яичники колдуний, то они внезапно бы изгнали из бесноватых их демона. К сожалению, этот факт обнаружился лишь сто лет спустя на Сен-Медарском кладбище.

Если выздоровления истеричных происходит так внезапно, а заболевания так часты, то это связано с тем, что истеричность предполагает только функциональные нарушения органов.

При вскрытии истеричной не обнаруживают никаких аномалий, кроме изменений, вызванных болезнью, ставшей причиной смерти, но ни в мозге, ни в каком-то другом органе истерика не наблюдается никаких повреждений. Мне необходимо было сообщить все эти сведения, чтобы осмыслить вместе с читателем события, происходившие между 1728 и 1739 годами на могиле дьякона Пари.

В 1690 году в дворянской семье родился ребенок, названный Франсуа де Пари. Его отец занимал в то время должность советника Парламента. В семь лет его отправили в пансион, где он отличался большой и, можно даже сказать, чрезмерной для ребенка его возраста набожностью. Это, однако, не помешало ему вместе с товарищами составить план поджога училища. Но заговорщики не привели свой замысел в исполнение, или, по крайней мере, пучок соломы, который им удалось зажечь, только слегка опалил стену. Однако это столь незначительное, по-видимому, событие оказало решающее влияние на всю дальнейшую жизнь молодого Пари. Его стали преследовать такие ужасные угрызения совести, что он, несмотря на свой детский возраст, стоял на епитимье, рыдал и выкликал разные изречения из книги Иова.

Когда Пари исполнилось двадцать лет, родственники пытались заставить его принять должность советника, принадлежавшую его отцу, но он упорно отказывался, так как чувствовал в себе другое призвание. Все попытки, предпринятые с целью побудить молодого человека принять участие в светской жизни, остались безуспешными. Наконец в 1713 году он получил от своего отца разрешение поступить в семинарию, где его больше привлекал аскетизм, чем наука.

Примерно в это же время Пари лишился отца, после чего раздал бедным свою долю наследства. Он не мог или не захотел добиваться продвижения по службе и так и остался дьяконом.

Иногда он отправлялся пешком в деревню, чтобы посетить некоторых своих друзей-монахов. После знакомства с их жизнью Пари окончательно отказался от мысли уйти в монастырь и поселился в маленькой комнате на улице Arbalete в квартале бедняков, называвших его мосье Франсуа. Его пища состояла только из нескольких крутых яиц, которые он варил сам, и из супа, который готовила соседка. В обмен за это дьякон носил ей каждое утро воду. Но отшельник сменил и это жилище. Добровольные лишения, которым он себя подвергал, не имели пределов. При таком образе жизни болезнь не замедлила появиться. Судя по описанию постигшего его недуга, можно заключить, что это была костоеда и что он умер вследствие непрерывных нагноений и от отсутствия ухода.

Он скончался вечером первого мая 1727 года в возрасте 37 лет.

Дьякона похоронили третьего мая на маленьком кладбище Сен-Ме-дар. В тот же самый день одна мотальщица шелка по имени Мадлен Бен-ьи, страдавшая параличом левой руки, пришла в дом, где жил дьякон, на улице Бургонь в 8 часов утра и видела, как принесли гроб, в который должны были положить покойника. Как только гроб поставили, больная немного нагнулась, чтобы потереть руку о гроб, прежде чем на него возложат покров. Затем пришли священники, чтобы забрать тело, а больная отправилась к себе домой. Когда она вошла в свою комнату, то сразу принялась разматывать шелк обеими руками. Ее болезнь прошла окончательно и бесповоротно.

Все сказанное мною об истерическом параличе и способе его исчезновения не может оставить в уме читателя и тени сомнений. Выздоровление Мадлены Бен-ьи получило большую огласку. Многие обитатели квартала, знавшие лично Пари, отправлялись на его могилу и затем уверяли, что выздоровели от своих болезней или получили облегчение страданий.

Советник Парламента Карре де-Монжерон стал летописцем этих исцелений.

Благодаря трем большим томам, которые он напечатал, мы в настоящее время можем восстановить эти явления во всех подробностях. Первым случаем подобного рода, получившим некоторую известность, было исцеление молодого испанца Альфонса де-Палачиос. Этот молодой человек, сын испанского посланника, так страдал от болезни глаз, что почти ослеп.

Подробное описание его болезни дает нам повод предполагать, что у него было воспаление роговой оболочки обоих глаз, т. е. двойной кератит. Его лечил знаменитый в то время врач Жандрон. Доведенный до отчаяния медленным действием лекарств, и услышав о том, что творится в Сен-Ме даре, больной решил туда отправиться. Послушайте, каким образом Карре де-Монжерон описывает нам его чудесное исцеление:

"Исцеление начинается под покровом тишины и сна. В три часа утра дон Альфонс просыпается. Он изумлен — ему кажется, что он видит сон, потому что все его боли утихли, да что я говорю? — он чувствует, что совершенно избавлен от них. Его страдания исчезли, мрак рассеялся, источник недуга иссякнул — одним словом, глаз у него восстановлен".

Глаз, который еще накануне вечером был воспален, болел и был уродлив, теперь казался красивым, оживленным и блестящим. Дон Альфонс выносит, не мигая, самый яркий свет солнечных лучей и пыль, поднимаемую толпой вокруг могилы". Не успел прозревший вернуться домой, как заметил, что другим глазом он видит несравненно лучше, чем видел до потери зрения. Он так оживляется, что никак не может удовлетворить свою жажду воспользоваться вновь дарованным ему чувством, и тут же производит над собой опыт — спешит читать и писать; все удивляются легкости, с которой он это делает.

Приходит учитель рисования и показывает ему этюды такой необыкновенной тонкости, что их трудно даже хорошо рассмотреть; но, к всеобщему удивлению, он разбирает их лучше и быстрее, чем кто-либо из окружающих. Его зрение, наконец, так превосходно, что он проводит весь остальной день и часть ночи с пером в руках, и это занятие, требующее большого внимания, несколько его не утомляет. Два дня спустя он отправляется к Жандрону в Отейль. Жандрон, находившийся в саду, уже издали заметил его и увидел, что тот идет без проводника, без повязки, с открытыми глазами и что солнечные лучи, ударяя ему прямо в лицо, несколько его не беспокоят. Он изумляется и, не веря своим глазам, бросается к нему навстречу, выкрикивая на бегу: "Что сделали вы со своим глазом? Он, кажется, поправился". Дон Альфонс сообщает ему о происшедшем. Тогда Жандрон подвергнул его глаз самому тщательному исследованию и нашел зрение его вполне нормальным".

Второй случай касается госпожи Тибо. Эту девушку страшно разнесло вследствие вздутости живота. Карре де-Монжерон утверждает, что она страдала водянкой. Ее верхние конечности были так сильно сведены, что она не могла пошевелить пальцами, так как они конвульсивно прижимались к ладони и даже вызвали раны и нагноения. С точки зрения современной медицины это был случай *метеоризма* в связи с *истерической контрактурой*, что лучше всего доказывает способ его исцеления. В этом состоянии умирающую, дошедшую до последней крайности и отчаявшуюся во всех светилах науки девушку несут на кладбище Сен Медар спустя четверть часа ее парализованные рука живот и ноги утрачивают свою вздутость на глазах у зрителей, и она встает.

Это уже вовсе не та женщина, страдавшая водянкой, все члены кото рой расплывались, достигая чудовищных размеров. Паралич прошел, и она теперь ходит, двигает руками, становится на колени встает и возвращаясь к себе домой, поднимается по крутой лестнице В первые же дни она избавилась от ран и нагноений а через неделю была более здо рова, чем до начала всех этих страданий. Через несколько дней после исцеления госпожи Тибо в Сен-Медаре произошел другой похожий случай, но гораздо более громкий Он касался одной служанки, Анны Куроно, которую в конце 1730 года поразил неполный паралич левой части тела Так как больная во что бы то ни стало хотела снова ходить, то она придумала очень остро умный механизм, описанный и изображенный с большими подробностями нашим историком Куроно сделала из тесемки стремя, которое

поддерживаю на весу ее параличную ногу. Это стремя она по средством охватывавших ее плечи помочей прикрепила к своему кушаку и таким образом поддерживала свою левую ногу, а все ее тело покоилось на двух костылях. Но так как и этого было недостаточно, то Куроно прибавила к своему импровизированному механизму другую тесемку, придерживавшую ее левую ногу и прикрепленную к правой руке при помощи которой она изо всех сил тянула ее вперед и подвша т свое тело сильными толчками. Чтобы передвигаться та ким способом, ей приходилось перегибаться назад и делать такие ужасные кривляния и гримасы, что она вызывала ужас у всех, кто ее только видел. Движимая сильным желанием выздороветь, Анна Куроно ходит в Сен Медар несколько раз. В последний раз она с большим усилием дотащилась до кладбища.

"Вдруг она чувствует как бы судорогу и движение в пятке своей парализованной ноги. Анна Куроно, так же как и все окружающие, замечает его. Это движение было чисто механическим и поразило всех присутствующих. Бедная больная, вместо того чтобы предаваться радости, волнуется при мысли, что услышанные ей движение и шум произошли вследствие разрыва тесемок, без которых ей невозможно двигаться. В это время ее стаскивают с могильной плиты и отрывают как бы против ее воли ?т могилы Пари, чтобы поставить на костыли, в которых она, по видимому, могла еще нуждаться.

Не успела она сделать несколько шагов, как почувствовала необычайную легкость в теле, сопровождавшуюся вздрагиваниями во всей парализованной части. Сначала это приводит ее в изумление.

Вскоре после того она замечает, что опирается на парализованную ногу, которая обрела свою прежнюю силу и подвижность. Тогда Куроно подымает в воздух костыли и двигается вперед крупными шагами; она идет так быстро, что могла бы догнать карету, и очень скоро подходит к дому, где живет ее госпожа. Счастливица так взволнованна, что совершенно теряется и не может понять, как она прошла за столь короткое время такой длинный путь. Она уже больше не та немощная женщина, которой приходилось прилагать всевозможные усилия и страшно напрягать одну половину своего тела, чтобы двигать другую; теперь это сильная и крепкая женщина, передвигающаяся, несмотря на свой преклонный возраст, с необычайной быстротой — она превратилась в новое существо. Ее язык, который мог только лепетать, теперь говорит вполне свободно; ее рука, совершенно лишенная чувствительности и почти недвижимая, действует теперь свободно и энергично; ее бедро, голень и стопа, обременявшие ее, как тяжелые гири, и в течение шести месяцев более походившие на члены трупа, чем на части живого тела, мгновенно приобретают силы, обычно свойственные людям ее возраста, которыми она обладала до своей болезни. Вот почему эта параличная, прежде передвигавшаяся лишь при помощи пружин и искусственных приемов, теперь идет твердой поступью, быстро и непринужденно. Та, которой прежде требовалось четыре или пять часов, чтобы придти из дома в Сен-Медар, теперь проходит этот путь чуть ли не за минуту. Женщина, которая не могла сделать и шага без помощи сложного механизма, теперь радостно несет в воздухе своими костылями".

Такой же поразительный пример моментального исцеления представляет собой и случай Маргариты Дюшен. Она страдала метеоризмом, истерическим шаром, параличом, сильными конвульсивными припадками, продолжительной летаргией — одним словом, у нее было все, что позволяет определить несомненную истеричность. Послушаем лучше, что говорит о ней Карре де-Монжерон: "Перед нами странная и вместе с тем непонятная болезнь, как по сложности и силе, так и по ее продолжительности. Маргарита Дюшен страдает ужасными головными болями и разрывом желудочных кровяных сосудов, что не позволяет ей принимать пищу. Она ощущает смертельную слабость и похожа скорее на покойницу, чем на

живого человека. Прибавьте к этому удушье от водянки и сильнейшие ежемесячные припадки, после которых она часто остается в летаргическом состоянии в течение нескольких дней.

Это ужасное состояние исчезло после путешествия в Сен-Медар.

16 июля 1831 года, едва она успела добраться до кладбища, как ее пораженные параличом члены уже приходят в движение под влиянием непонятной силы, в это же время ее навсегда покидает головная боль, которая беспрерывно мучила страдальцу в течение последних пяти лет, порванные сосуды в груди и желудке, в течение трех лет вызывавшие почти ежедневную кровавую рвоту, вновь соединились и возродились, после чего и лихорадка, не оставлявшая ее в покое ни на минуту, совершенно проходит.

17-го она ощущает то же волнение, что и накануне, и результат не менее достоин удивления: ее грудь, необыкновенно опухшая, принимает нормальный вид, а голос, который она почти потеряла, восстанавливает свою силу.

18-го, после испытанных ею на могиле Пари сильных волнений, она перестает чувствовать боль в боку, постоянно терзавшую ее в течение продолжительного времени: опухоль, которая причиняла эти страдания, исчезла, не оставив после себя никаких следов.

19-го наблюдается поразительное выпотевание во всех ее членах, достигавших чудовищных размеров. Они утрачивают вздутость на глазах у зрителей, и водянка исчезает.

20-го прекращается паралич".

После этого число исцелений начинает резко увеличиваться. Филипп Сержан избавился от паралича, а Готье де-Пезена — от глазной болезни. Мадмуазель Моссарон и Анна Лефран, обе страдавшие от паралича, тоже возвращаются с Сен-Медарского кладбища здоровыми.

Из всех этих случаев, чтобы не утомить читателя повторениями, я приведу только два, наиболее соответствующих рамкам нашего изложения, так как их подробности известны лучше всего.

Первый касается мадмуазель Коарен — еще молодой женщины, прикованной параличом к постели Кроме того, у нее уже в течение пятнадцати лет на левой груди была опухоль, которая постоянно гноилась Карре де Монжерон, разумеется, называет ее ра

ком, но я позволю себе усомниться в том, чтобы подобный недуг мог длиться у молодой женщины пятнадцать лет Вероятно, это был нарыв, сопровождавшийся фистулой.

Итак, эта женщина уже давно была прикована к постели и отчаялась в своем выздоровлении, как вдруг ей в голову пришла мысль посетить Сен Медар Будучи не в силах совершить туда путешествие, она поручила соседке принести ей земли с могилы Пари и подержать некоторое время ее рубашку на могильной плите дьякона Все было исполнено в точности, и больная с нетерпением ожидала возвращения соседки Наконец та явилась с землей и рубашкой.

На этот раз выздоровление произошло моментально Вот как рассказывает об этом Карре де Монжерон

"Не успела умирающая надеть на себя рубашку, прикасавшуюся к могиле, как она уже почувствовала на себе ее благотворное воздействие Эта страдальца, которая с самого начала своего паралича постоянно лежала на спине, будучи не в состоянии изменить положение, внезапно приобретает столько сил, что поворачивается в постели. На следующий день больная прикладывает к раку, источнику всех ее страданий, ИСМ по лежавшую невдалеке от могилы дьякона Пари, и тотчас же с восторгом отмечает, что глубокое отверстие на ее груди из которого постоянно в течение 12 лет выходило зловонное вещество, начало затя]

иваться и проходить В еле vyionjjiо ночь выстррорте ние подвинулось еще дальше Ее парализованные члены, на протяжении нии стольких лет напоминавшие члены мертвеца из за свойственного им ле нзнящею хо года, неподвижности, страшной х\добы и сведения, неожиданно оживают Вот уже рука ожила и стала двигаться, сведен ная и высохшая нога разгибается и выпрямляется, яма, образовавшаяся от сі ратном худобы в бедре наполняется и исчезает Больная пробует двигать своими вновь вернувшимися к жизни органами, ху доба которых все еще носит печать мертвенности Она встает без по сторонней помощи опираясь на носок той ноги, которая уже давно стала короче друной свободно пользуется левой рукой, самостоятель но одевается и чешется. С той минуты каждый день с ней происходят все новые неожиданности 14 го больная передвигается еще иегче, чем в предыдущие дни 19 го числа того же месяца она спускается в помещение своей матери, которую продо 1жительная болезнь прико вала к постели Оба ее брата, занимавшие придворные должности, прибегают в тот же день, чтобы вз!януть на нее Она их приветству ет, встает с постели и идет им навстречу Наша исцелившаяся вскоревыступит перед мноючисленными зрителями. 24 августа Коарен отправляется пешком в свою приходскую церковь, куда в течение мно гих лет ее не могли перенести даже на кресле. У нее даже хватает сил, чтобы встать на колени. Она возвращается из церкви еще более легко, чем шла туда".

Случай с госпожой Гардуэн тоже не представляет сомнений. Истерия проявляется у нее еще более ясно, чем у других, потому что она выздоравливает во время одного из тех конвульсивных припадков, которые мы наблюдаем у современных истеричных. К тому же у нее постоянно случаются онемения, которые носят характер истерического паралича как по своему началу, так и по завершению. Наш повествователь так передает нам это событие:

"Во время самого отчаянного состояния, после того как больная совсем лишилась сил и когда она уже ждала только момента, который должен освободить ее от всех земных печалей, в это самое время одна женщина предлагает ей позволить перенести себя на могилу дьякона.

Больная собирает все свои силы, чтоб написать, что она желает быть перенесенной в Сен-Медар. Опекун госпожи Гардуэн сначала отказывается исполнить ее просьбу, опасаясь, что она может умереть в дороге, тем не менее, он готов посоветоваться на этот счет с врачом. Врач, до которого уже дошли слухи о Сеп-Медаре, посчитал интересным произвести опыт и, полагая, что в отчаянных случаях все средства допустимы, объявил, что он не только не препятствует желанию больной, но даже был бы доволен, если бы его пациентку перенесли в Сен-Медар.

Для этой цели выбрали 2 августа. Носильщики, приглашенные для ее переноски, засомневались, увидев жалкое, бледное и неподвижное тело больной, которая утратила даже способность речи. Они не уверены даже насчет того, труп или умирающую им велят перенести с третьего этажа на улицу. Тем не менее носильщики поднимают ее вместе с креслом, но обморок, в который она впадает, как только ее понесли, еще больше увеличивает их страх. Эти закаленные и привычные к переноске больных люди каждую минуту опасаются, что она скончается у них на руках. В таком состоянии ее приносят в Сен-Медар и кладут на могилу дьякона.

Но едва только скорченное тело этой злосчастной умирающей коснулось могилы, как тотчас ее парализованные члены пришли в крайнюю подвижность. Эти поразительные вздрагивания, охватившие ее тело, были похожи на борьбу жизни со смертью. Но смерть на этот раз была вынуждена уступить. Она скрывается и исчезает. Движение, теплота и сила уже во время борьбы пришли на смену неподвижности, холоду и бессилию. Боли прекратились, цвет лица оживился, и

здоровье вернулось к больной со всеми своими атрибутами. Она встает, ходит, хотя и с поддержкой, но уже довольно твердой и свободной поступью и возвращается к своим носилкам, вызывая слезы и радостные восклицания зрителей, толпой следующих за ней.

Вернувшись на свою улицу, Гардуэн встает с носилок, идет твердой поступью, с легкостью поднимается на третий этаж и наконец входит в комнату, где ее встречает толпа людей разных званий и положений, которые наперебой пытаются выразить свой восторг по поводу столь быстрого и полного ее исцеления. Тысячи людей были свидетелями страданий бедной девушки в течение 6 лет, все скорбели о ее жалком состоянии и многие из наблюдавших, как ее переносили в беспомощности в Сен-Медар, предполагали, что для нее больше ничего не остается, кроме усердных молитв о прекращении страданий и вечном успокоении. Как велико было теперь их изумление при виде той, которая в течение 19 месяцев не могла пошевелить ни одним членом, а затем даже лишилась речи — при виде того, как она ходит, говорит и действует будто человек, который никогда и не болел. С первого же дня ее здоровье стало таким цветущим, что многие не хотели верить, чтобы прежде она была парализована".

Как справедливо замечает Матье, случай с госпожой Гардуэн может служить связующим звеном между обыкновенными случаями и случаями, сопровождавшимися конвульсиями большого истерического припадка. Мы просим читателя припомнить то, что было сказано при описании последнего. Тогда перед ним предстанет точная картина событий, ежедневно происходивших с 1731 года на Сен-Медарском кладбище.

Вскоре после исцеления госпожи Гардуэн констатировали другое исцеление, наделавшее много шума. Оно касалось некой Биго, давно потерявшей слух. Карре де-Монжерон уверяет, что она была глухонемой от рождения, но это мнение не разделяют его противники. Во всяком случае, Биго была настолько глуха, что над ее ухом можно было стрелять из пистолета и она ничего не слышала.

"Как только ее положили на могилу Пари 27 августа, в 7 часов утра, ее лицо тотчас же покрылось мертвенной бледностью, она лишилась чувств, и вскоре у нее начинаются такие сильные конвульсивные припадки, что ее с трудом удается удерживать. Она показывает знаками, что испытывает страшные боли в голове, ушах и горле. Ее голова вращается то в одну, то в другую сторону с такой поразительной быстротой, что нельзя различить черты ее лица. Провожатые больной, не подготовленные к такому зрелищу, снимают ее с могилы, но глухонемая через минуту просит знаками, чтобы ее положили обратно.

Не успели исполнить ее просьбу, как конвульсии, сопровождаемые сильнейшими страданиями, возобновились с еще большей силой, но, в конце концов, к утру 31 августа больная совершенно выздоровела и приобрела такой тонкий слух, что ей завидовали все окружающие".

К этому же времени относится еще один случай, представляющий для нас большой интерес. Он касается исцеления Жанны Фуркруа.

Эта молодая особа, дочь бакалейщика, по словам Карре де Монже рона, поражала всем своим редким безобразием и странными болезнями. Но самым удивительным был анкилоз, разъедающий и жгучий. которого уже более года как стянул Ахиллесово сухо-

жилие ее левой ноги и, приподняв пятку юраздо выше обыкновенного, перевернул стопу почти задом наперед, вследствие чего нога выглядела отвратительно обезображенной, а госпожа Фуркруа совершенно лишилась возможности ею пользоваться. Вдруг, во время одной из конвульсии, кости левой стопы приходят в нормальное состояние, переворачиваются и принимают свое обычное положение. Ахиллесово сухожилие размягчается, вытягивается и становится эластичным.

Большая опухоль, образовавшаяся около щиколотки, исчезает. Вся нога, прежде так ужасно обезображенная, мгновенно приобретает естественный вид, и госпожа Фуркруа начинает легко и свободно ходить".

Трудно дать лучшее описание истерической стопы, и для большой наглядности Карре де Монжерон приводит в своей книге гравюру, отчетливо демонстрирующую положение больной. Я обращаюсь к каждому врачу, который прочтет эти строки, можно ли сомневаться в характере описанного здесь недуга и в причине его исцеления. Впрочем, мнение, которое теперь защищаю я, уже победоносно отстаивал проф. Шарко на своих лекциях в Сальпетриере, где очень часто приводились случаи, аналогичные с болезнью юспожи Фуркруа. Для уточнения следует до бавшь, что ее выздоровление произошло во время сильнейшей припадка, которому девушка подверглась под влиянием подражания — слыша и видя беспоря- дочные движения других конвульсионеров.

Сен-Медарское кладбище превратилось в 1732 году в место сбора истеричных со всего Парижа.

Известный популяризатор Луи Фшье, опираясь на современных авторов, описывает его следующим образом "Конвульсии Жанны по служили сигналом для новой пляски св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в, с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой. Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляньях и подергиваниях. Здоровые и больные — все уверяли, что конвульсионеры и конвульсионировали по своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Всю площадь Сен Медарскою кладбища и соседних улиц занимала масса девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионеров как бы наперегонки друг перед другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие, немного дальше, глотают камешки, кусочки счекла и даже горящие угли, там женщины ходят на голове с той степенью скромности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударить их по животу и остаются довольны только тогда, когда одновременно 10 или 12 мужчин обрушиваются на них всей своей тяжестью. Люди корчатся, извиваются и двигаются на тысячу различных ладов... Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие нибудь религиозные мистерии, особенно сцены страданий Спасителя.

Среди всего этою нестройного шаша слышатся только стоны, пение, рев, свист, декламация, пророчества и мяуканье. Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешеран, который, чтобы быть на виду у всех, стоит на могиле. Здесь он ежедневно совершает с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое па — знаменитый скачок карпа (saut de carpe), неизменно вызывающий восторг у зрителей".

Аббат Бешеран принадлежал к школе конвульсионеров, считавшейся тогда уже устаревшей. У него одна нога была короче другой на 14 дюймов, но этот недуг не должен был служить помехой для успешности его любимую танца. Он уверял, что каждые три месяца его нога удлинялась на одну точку. Один математик высчитал продолжительность времени, необходимого для его полного исцеления, в итоге у него получилось 35 лет.

Эти вакханалии погубили все дело: король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище. Однако эта мера не положила конец безумным выходкам конвульсионеров.

Так как публично конвульсионировать было запрещено, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах, и зло от того только усилилось: Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу, а его закрытие послужило сигналом для ее рассеивания. Всюду во дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный. Его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию. Зло приняло такие огромные размеры, что король издал другой указ, по которому всякий конвульсионированный предавался суду, специально учрежденному при Арсенале, и приговаривался к тюремному заключению.

После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не исчезли. Среди них особенно выделяются два субъекта, припадки которых были столь необычайны, что, хотя они были душевнобольными, а не истеричными, мы позволим себе рассказать их истории. Речь идет о Фонтене, придворном секретаре короля Людовика XV.

С 1732 года Фонтен, по словам де-Монжерона, стал испытывать такую слабость в ногах, что временами не мог даже стоять. Сначала он смотрел на эти припадки слабости как на простую болезнь, но последствия доказали, что это были предвестники страшных конвульсий. В 1733 году на многочисленной обеде он вдруг почувствовал непреодолимое стремление кружиться на одной ноге и продолжал свой импровизированный вальс без перерыва более часа. С самого начала этой странной конвульсии он инстинктивно, повинаясь голосу свыше, попросил дать ему книгу. Ему дали первое попавшееся сочинение: это был том "Нравственных размышлений" Кенеля, и хотя Фонтен не прекратил своих поразительно быстрых вращательных движений, он, тем не менее, стал громко читать книгу и продолжал чтение во все время припадка.

Если бы этот факт не упоминался более 300 раз в разных сочинениях и не был засвидетельствован массой вполне надежных свидетелей, я бы не решился его здесь привести. В таком виде конвульсии продолжались более шести месяцев. Они даже приобрели известную регулярность, повторяясь два раза в день, и покинули Фонтена лишь 6 августа 1733 года, когда он закончил чтение восьми томов "Размышлений отца Кенеля".

Утренние вращательные движения начинались точно в 9 часов и продолжались от часа до полутора и двух часов подряд. Послеобеденные конвульсии возобновлялись в 3 часа и длились столь же долго, как и утренние. Каждый день, пытаясь подняться, Фонтен ощущал такую слабость в ногах, что не мог стоять. Это продолжалось до 9 часов, когда у него начинались обычные конвульсии. Тогда его тело опиралось на одну ногу, которая во все время двухчасового вращения оставалась в центре, другая же описывала в это время круг с невообразимой скоростью, почти все время находясь на отлете и лишь изредка слегка касаясь пола. Его тело вращалось с такой изумительной быстротой, что многие из присутствующих насчитывали до 60 вращений в минуту, и, по их расчетам, выходило, что если сложить количество вращений, совершенных ногой Фонтена во время только одного припадка, то получилось бы расстояние от двух до трех миль. По окончании утренних вращательных конвульсий Фонтен с трудом мог держаться на ногах и только после полудня чувствовал себя сильным и вполне здоровым до следующего утра.

"Но Фонтен не удовольствовался этим безумием дервиша и, желая загладить свои прежние грехи, предался необычайному посту".

19 апреля он объявил, что сорок дней подряд будет обходиться без пищи, но не указал точного времени, когда начнется этот ужасный иску-

На следующий день Фонтен почувствовал, что не в состоянии ничего положить себе в рот. Это навело его на мысль, что наступило время для совершения великого

поста, по он ошибся, этот пост, длившийся всего 18 дней, был только подготовительным. Тем не менее если принять во внимание все, что приходилось ему совершать во время этого страшного голодания, то окажется, что оно настолько же сверхъестественно, как и сорокадневный пост, но гораздо суровее по последствиям".

Рядом с Фонте следует назвать другого знаменитого конвульсионера: я подразумеваю комментатора Полибия, кавалера Фолара. Он отличался большой храбростью, был ранен при Кассано и, наконец, взят в плен. Его сочинения о военной тактике очень ценились в свое время. К сожалению, несмотря на свои выдающиеся способности, он стал жертвой умственной эпидемии той эпохи. Проведя бурно молодость, Фолар под старость сделался страшно набожен. Вот что сообщает о нем пастор Иордан, которого в своей книге процитировал Матье: "Кавалер Фолар постоянно молится и ежедневно читает вечерню. Но, дойдя до *Magnificat*, он никак не может приступить к его чтению и немедленно впадает в конвульсивное состояние. Он внезапно падает, простирая руки в виде креста, и остается неподвижным. Фолар часто поет. Это песнопение бывает нелегко разобрать. Он иногда говорит такую тарабарщину, в которой никто не понимает ни слова.

Больной часто ударяет в ладоши. Открывая глаза, он уверяет, что погружен во мрак, закрывая же их, говорит, что окружен резким светом, и радостно вздрагивает от удовольствия. Когда дамы просят Фолара помолиться за них, он концом их платья трет себе область сердца поверх своей одежды. Если же с той же просьбой к нему обращаются духовные лица, то он трет себе кончиком подрясника не только сердце, но также уши и другие части тела.

Следует также обратить внимание, что все это он проделывает бессознательно, ничего не видя и не слыша".

Из моего рассказа нельзя не заметить, что эпидемия принимает все более и более серьезный характер. От простого чуда мы доходим до самого сильного религиозного помешательства. Не думайте, однако, что это конец. Мне еще предстоит рассказать о столь удивительных и неправдоподобных вещах, что я прошу лиц, подозревающих меня в умышленных преувеличениях, обратиться к подлинным текстам Карре де-Монжерона и автора "*Convulsions de temps*". Сразу после истории Фолара там рассказывается история госпожи Соне, наделавшая много шума в свое время и вполне заслуживающая внимания читателя. Госпожа Соне получила прозвище *Саламандры*, так как после припадков проделывала следующую вещь: с видом пророчицы она кричала: "Табу, Табу!" Тогда приносили два высоких табурета, на которые она становилась, образуя дугу, что делают все истеричные и многие загипнотизированные девушки. Затем под ней разводили небольшое пламя, и она делала вид, что поджаривается на медленном огне, оставаясь несколько минут в таком положении. Нужно ли говорить о том, что мы имеем в данном случае дело с одной из тех анестезированных женщин, о которых уже было сказано много раз.

Госпожа Соне, впрочем, умела удивлять зрителей многими способами. Иногда она кричала: "Леденец! Леденец!" Когда его приносили, то оказывалось, что это была заостренная на конце палка, которую ей подкладывали под поясницу, острием вверх. Тогда истеричная кричала: "Бисквит! Бисквит!" Бисквит появлялся: это был большой булжчик, который ей бросали на живот. Госпожа Лакорт специализировалась на другом — она перевязывала раны, высасывая и облизывая их. То, что мне теперь придется поведать читателю, так ужасно, что я прошу брезгливых людей перевернуть страницу, не читая ее. Я долго колебался, прежде чем решиться изложить эти подробности, но, в конце концов, я счел невозможным

умолчать о них, так как они принадлежат истории. Предоставляю и в этом случае слово де-Монжерону и Понсе:

"Конвульсионеры, — говорит Понсе, — перевязывают открытые раны, полные гноя и отвратительные на вид. Они их лижут и сосут до тех пор, пока полностью не очистят от гноя, который совершенно спокойно проглатывают. Мало того, они стирают тряпки, служившие для перевязывания ран, и потом пьют эту воду.

Больше всего удивляет то, что среди них встречаются те, кто, прежде чем приступить к этому ужасному перевязыванию, испытывают перед ним точно такое же отвращение, какое мы сами ощутили бы в их положении, но это отвращение немедленно проходит, после того как они решили повиноваться "высшей силе".

Карре де-Монжерон рассказывает еще более подробно: "К ногам конвульсионерки приносят маленькую девочку, бледную, малокровную, почти умирающую. Как только конвульсионерка заметила ее, лицо ее осветилось радостью. Внутренний голос внушает ей, что у этой девочки сгнившая нога, и она сообщает об этом присутствующим. Истеричная порывисто берет ногу девочки, снимает с нее все повязки и, наконец, последнюю, всю пропитанную красноватым и липким гноем, непрерывно вытекающим из большого числа отверстий, образовавшихся в больной ноге. Многие из них так широки и глубоки, что позволяют видеть насквозь кость, черная окраска которой прямо указывает на то, что она разложилась, как и мягкие части. Тотчас же вся атмосфера комнаты наполнилась невыносимым зловонием: тошнота одолевает всех присутствующих. Всем кажется, что эта нога скорее принадлежит трупам, чем живому телу".

"Сама конвульсионерка бледнеет при виде столь ужасного и отвратительного предмета и отступает в ужасе. Все ее тело дрожит и трепещет при одной мысли, что ей придется высосать все эти раны. Она как будто сомневается, хватит ли у нее сил подчиниться этому требованию, из ее глаз льются слезы. В ней происходит внутренняя борьба, которая заканчивается тем, что она приближается к омертвевшей ноге с отваливающимися кусками мяса и прикладывает к ней рот, но вскоре отдергивает его. Она еще не вполне владеет собой и устремляет несколько взглядов на небо. Наконец, чтобы побороть внутренний протест, она вдруг бросается с открытым ртом на самую большую рану. Как только она принялась сосать ее, то делала это уже без труда".

Но оставим эти омерзительные подробности и перейдем к большим конвульсиям в том виде, как они происходили тогда и как они происходят и поныне в истеричных припадках. Я и здесь, как и везде, уступаю место современным авторам-очевидцам и свидетелям. Вот большой отрывок, заимствованный у Луи Дебоннера. Его описание так отчетливо и полно, что оно как будто составлено для медицинских целей. Вот почему я не считаю возможным что-либо из него выбросить.

"Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после легких предчувствий, внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту, они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки. Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзаются и бьют себя, их голова быстро вращается во все стороны, глаза то закатываются, то закрываются, язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку, желудок и нижняя часть живота Ездуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи. Страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят, по всем членам у них пробегают судороги, они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую, начинают кувыркаться и совершают движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении часы и даже целые дни. Они на время становятся слепыми, немыми, парализованными и ничего не чувствуют. Есть среди них

и такие, у кого конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений".

"Одна из них, например, изображает сцены из жизни дьякона Пари.

Конвульсионерка накрывает на стол, придвигает стулья, выбирает двух сотрапезников, которых усаживает рядом с собой, и, хотя на столе нет никакого кушанья, она, тем не менее, подносит ложку ко рту и делает вид, что ест. Вслед за этим девушка приближается к зеркалу и проводит тупой стороной ножа по лицу, изображая действия бреющегося мужчины, после чего заканчивает представление уроком катехизиса. Рассадив присутствующих, она задает им вопросы и останавливает, когда они дают неправильные ответы.

Другая конвульсионерка посреди ночи подходит на несколько минут к окну, закрывает его, зажигает свечу и дает кому-нибудь из присутствующих книгу, но скоро отнимает ее и начинает громко насмехаться над читавшим. Третья конвульсионерка принимает пищу только по вечерам, и если ей предлагают какое-нибудь кушанье до наступления сумерек, то она приходит в ужас. За ужином больная ест с жадностью, но как только ее организм принял требуемую пищу, как тотчас ее рот кривится на сторону, как бы предупреждая ее, чтобы она больше не ела. Она изображает таким образом древние посты христиан.

"Некоторые из конвульсионерок вешаются или велят другим вешать себя, то за шею, то за ноги. Они берут сабли или другое оружие, заносят руку для удара и этим указывают на разнородные страдания, которые ожидают людей в будущем: священники будут тогда низложены и они их низлагают и т. п. Эти конвульсионерки относятся к категории *фигуративных*.

Ясновидицы видят сны наяву: в виде разных образов перед ними проходят преследования, которым подвергают конвульсионеров, они получают вполне внятные предвещения и узнают в них голос дьякона Пари, несмотря на то, что никогда не имели счастья ни видеть, ни слышать его.

Перейдем теперь к тем, кто творит *чудеса*. Они воображают или хотят в том убедить других, что вместе с конвульсиями у них появляется великий дар. Чтобы убедить в этом окружающих, они выпрямляют горбы, вправляют руки детям со сведенными суставами и т. д."

"За ними следуют *священники*, они исполняют различные обряды церковной службы. Во время совершения этих обрядов они говорят на каком-то неведомом языке, который непонятен даже им самим".

"Среди конвульсионерок встречались прорицательницы, дававшие толкования великим истинам, открывавшие вещи, скрытые от людей, они узнавали прошлое и предчувствовали будущее, и произносили иногда длинные и прекрасные речи, далеко превосходившие их обычные способности. Некоторые даже сообщали, что у них необычайные взгляды на душевные недуги и что они глубже вдумались и возвышеннее отнеслись к ним, чем ученые. Они заглядывают в глубину человеческого сердца, обнаруживают грехи, внушают раскаяние и обращают тяжких грешников. Они способны отличить вещи, принадлежавшие дьякону Пари, от всего, что походит на них, и волнуются еще больше, когда к ним прикладывают эти предметы без их ведома. То же самое с ними происходит, когда на них кладут ясенитские книги и рукописи. Они узнают конвульсионеров при первой встрече, сразу называют по имени людей, которых до этого никогда не видели, рассказывают некоторым лицам всю их биографию, сообщая об их тайных привычках и открывая им то, что произошло или должно произойти в их семьях. Некоторым они сообщают, что те будут повешены, колесованы или обезглавлены, другим сулят способность впадать в конвульсии, и эта способность действительно у них появляется, они предвещают собственные припадки и выздоровление, как и выздоровление других конвульсионерок или лиц, служащих с этой целью мессы.

Мало того, они с точностью указывают даже день и час, когда должно произойти излечение и, при этом совершают некоторые странности, вроде, например, глотания горящих углей и т. п.

Во время этого состояния конвульсионерки находятся как бы в помешательстве: они не знают и не помнят, что говорили. Впрочем, иногда наблюдается связь между их действиями и пророчествами. Это почти все, что представляет собой красивая сторона медали".

"Переверните ее — и вы увидите вещи гораздо более скандальные. Представьте себе девушку, которая садится рядом с мужчиной спиной к спине, причем ноги его для большей силы привязывают к какой-нибудь устойчивой точке опоры. Тогда трое мужчин изо всех сил давят на нее спереди, и она все-таки встает, затем шестеро мужчин изо всех сил сжимают ее — трое спереди и трое сзади, после чего девять здоровенных детей начинают растягивать ее изо всех сил в длину на постели, по два за каждую ногу и руку и один за голову. Некоторые конвульсионерки велят как бы четвертовать себя в воздухе. Иногда они ложатся на живот, причем двое мужчин бьют их ладонями по пояснице, поочередно сменяя друг друга, и такое истязание продолжается порой несколько часов кряду. Некоторые требуют, чтобы их подбрасывали на простыне. Иные же, стоя на одной ноге, велят раскачивать себя между двумя скатертями, вследствие чего они то падают вперед, то приподнимаются. В других случаях заранее готовят тюфяк с поперечными ремнями, на который ложится конвульсионерка. Во время сильных волнений на ней затягиваются ремни от нижней части живота до рук, и затем таким же ремнем сильно дергают за подбородок".

"Это еще не все: многие из девушек появляются в свободных одеждах — без кушака, башмаков, чулок и чепца, причем все остальное у них плохо прикрыто. Есть и такие конвульсионерки, на которых одеты только короткие кофточки и широкие кальсоны — это и есть так называемое платье конвульсионерки. В этих нескромных костюмах они и совершают свои прыжки, скачки, кувыркания и кривляния. Мужчины становятся ногами к ним на руки, на ноги, на поясницу, на живот, на грудь и даже на глаза, они таскают их за ноги, привязанные к веревкам, причем их растрепанные головы то вращаются, то падают, то висят некоторое время, оставаясь неподвижными".

Таким образом, мы дошли в нашем изложении до знаменитых содействий (*secours*), которые широко прославились во время Сен-Медарской эпидемии. Они заключались в совершении ряда насилий, приводивших в конце концов к давлению на живот. Вспомните, что было сказано в начале этой главы об истеричных и их зависимости от яичников (*hysteriques ovariennes*), т. е. о больных, припадками которых мы в настоящее время немедленно приостанавливаем нажатием на известную часть живота. Их конвульсии останавливаются на то время, пока продолжается давление или содействие (*secours*), как выражались в XVIII веке. Уже в ту эпоху подозревали о целесообразности этого средства. Страдания больных и интуитивные прозрения привели к открытию средства, которое в настоящее время наука использует для успокоения истеричных; но мистические идеи, окружавшие эту болезнь, совершенно сбили с толку современную медицину. Прочтем из "*Convulsions de temps*" историю сестры Марго и посмотрим, к каким средствам прибегали во время ее припадков.

"Начинались они с так называемых помочей, причем вокруг тела конвульсионерки пропускалась веревка, оба конца которой за ее спиной держал один человек; два других держали ее за руки и поочередно тянули в свою сторону. Если же вместо руки ее дергали за кисть, то она кричала и жаловалась. В другом месте это упражнение называется *качанием*, и действительно эти действия напоминают раскачивание.

Далее шли *удары кулаком в грудь*. Чтобы принимать их, сестра Марго садилась, а мужчина, наносивший их, становился перед ней на колени. Надо было ударять именно в то место, на которое указывала сестра, под самыми сосками, а иначе она жаловалась на боль. Чем быстрее наносились удары, тем большее облегчение она чувствовала. Таким образом, Марго иногда получала до 3000 ударов подряд. Это мне стало известно от очевидца, считавшего удары.

После того переходили к *ударам по голове*. Для успешного исполнения этой операции требовалось не менее четырех человек. Они становились вокруг головы конвульсионерки и, нанося ей удары, придерживались известного ритма, пятый же ударял кулаком по маковке. Ударять следовало не слишком сильно, но быстро и легко. Это упражнение очень нравилось конвульсионерке.

Потом ей *надавливали на живот*. С этой целью сестра Марго садилась на стул, а мужчина обоими кулаками сильно давил ей живот. Три, четыре, а иногда пять человек напирали на него сзади, чтобы он мог сильнее сдвинуть живот Марго. Это продолжалось до тех пор, пока она не брала за руку одного из братьев, и тот немедленно кричал: "Довольно!" Все участники опыта прекращали свои усилия, чтобы по первому зову вновь приняться за работу.

Необходимо заметить, что для участия в этих опытах непременно требуются мужчины. Затем *сжимали кисть руки*. Эта незначительная операция, кажется, была необходима только для того, чтобы дать конвульсионерке время прийти в себя. В это время в ее руке чувствовалось сильное движение, похожее на быстрое течение воды.

После этого приступали к *сжиманию головы*. Один из братьев обматывал ей голову полотенцем и завязывал его сзади таким образом, чтобы между полотенцем и головой можно было просунуть палку, при помощи которой затем изо всех сил закручивали полотенце до тех пор, пока конвульсионерка не говорила: "Довольно". Это называлось *венчать терниями*, что, впрочем, не мешало некоторым братьям во время "венчания" отпускать шуточки, очень смешившие сестру Марго.

Все это служило прелюдией к более значительным и рискованным испытаниям. Они начинались *удушением*. Для этого конвульсионерку помещали между двумя табуретами, а на подбородок ей клали полотенце, оба конца которого стягивали назад. Затем на табуреты становились двое мужчин. Правой рукой они держали концы полотенца, а левую опускали на подбородок конвульсионерки, после чего соединяли головы и, опираясь на плечи друг друга, приподнимали ее. Другие в это же время тащили ее вниз, между тем как третьи надавливали рукой на глотку, что и составляло собственно удушение. Все эти приемы сильно утомляли трудившихся братьев.

После удушения весьма кстати шло встряхивание. Как и в первом случае на подбородок конвульсионерки клали полотенце, оба конца которого стягивали назад. Тогда какой-нибудь драбант брал их в руки, становился на табурете и, подняв конвульсионерку на некоторое расстояние от земли, встряхивал ее в течение некоторого времени, как палач вздергивает повешенного.

После встряхивания на очереди было *бросание на пол*. Это делалось при помощи двух веревок, проведенных по телу конвульсионерки. Один из братьев держал веревку сзади, другой — спереди, двое других мужчин держали ее под мышками с двух сторон. После этих подготовительных операций все четверо одновременно поднимали ее как можно выше и сбрасывали на пол, но так, чтобы она могла встать на ноги. Это повторялось до 20 раз подряд, после чего братья прерывались на отдых, в котором они весьма нуждались, так как если эта процедура и могла служить развлечением для сестры Марго, то для братьев она была весьма утомительна.

Затем шло *дерганье при помощи четырех веревок*. Его производили следующим образом: Марго сажали на табурет и обматывали четырьмя веревками. Четверо мужчин держали их за концы, сидя на одинаковом расстоянии от конвульсионерки. Сидящий сзади брат упирался ногами ей в спину; сидящий спереди — в грудь пониже сосков, предварительно сняв обувь, что, впрочем, нередко вызывало у Марго боль. Наконец братья, сидевшие по бокам, упирались таким же образом в ее подмышки. После этого все четверо тянули веревки изо всех сил и сдавливали конвульсионерку, пока несчастная сама не делала знак остановиться. Обычно она произносила: "Благодарю вас".

Это было подготовительным этапом к *четвертованию*, происходившему следующим образом: Марго клали спиной на два табурета, после чего ее привязывали к одному из них веревкой. Кто-то из братьев держал ее за голову, а четверо других тянули за руки и ноги. Те, кто тянул за ноги, сидели на полу и для большей силы упирались ногами в дере вянный брус, положенный под табуретом; тянувшие же за руки упирались в сам табурет. Это испытание было одним из самых сильных, и очевидец, со слов которого я пишу, не смог выдержать его до конца, услышав, как трещат кости бедной Марго.

За четвертованием следовали различные способы *костоломов*. Первый и самый легкий заключался в том, что по шее Марго ударяли кулаком, вроде того, как ударяют по ушам кролика, которого хотят убить, но этот удар не наносил Марго ни малейшего вреда. Второй способ был серьезнее: брали деревянный брус, концы которого клали на два табурета. На них садились два человека, чтобы удержать брус в первоначальном положении. Тогда какой-нибудь сильный мужчина хватал Марго и, сильно толкая истеричную, ударял ее поясницей о брус. От другого способа дрожь пробегает по телу: на кровать ставили стул и сажали на него конвульсионерку, ко торую привязывали к нему веревками, два сильных человека хватали согнутую ногу Марго и прикладывали все усилия, чтобы придать ей горизонтальное положение и притянуть к концу кровати.

Но ?главное испытание состояло в *избиении поленьями*. Его осуществляли разными способами. Иногда конвульсионерка ложилась на живот и ее ударяли по спине, иногда она ложилась на спину и ее били по животу, случалось же, что удары сыпались поочередно — то по одному боку, то по другому Орудием для этою сурового испытания служило ду-

бовое полено. Для облегчения труда братьев один конец полена имел нечто вроде ручки, другой же конец, которым наносились удары, был го раздо шире, так что получалось нечто вроде дубины. Очевидец, со слов которою я пишу, сосчитал, что на бедную Марго пало до 2000 ударов, причем она указывала на место, по которому следовало бить"

"К сказанному выше прибавлю еще несколько деталей, касающихся этой конвульсионерки Одна из них — это *конву wenn посоха* (косты ля) Производилась она следующим образом Марю садилась на пол, опираясь спиной на одну из присутствующих, тоже сидящего на полу и ногами — на с г) пни друую человека, находящегося в таком же поло женин Тоі да третий субъект, опираясь на плечи сидящих на полу, вставал на ноги конвульсионерки, продолжая изо всех сил надавливать на них до тех пор, пока она не предупредила, что чувствует боль. В другой раз она стала бить себя по лицу, словно испытывая какое то желание, о котором не могла сказать Тогда один из братьев спросил ее, не желает ли она, чтобы ее потаскали лицом по земле Получив утвер дительный ответ, братья тотчас же схватили несчастную за ноги и, во лоча ее лицом вниз, 136 раз протащили вокруг! комнаты длиной в 10 ар шин Ее подбородок был исцарапан камнем, попавшимся на пути, но никаких других дурных последствий это упражнение не имело"

Одновременно с сестрой Марго такие же конвульсии наблюдались и у сестры Низетты Она приказывала вешать себя, колесовать и особенно часто распинать Такая форма часто наблюдается у истеричных и без какой бы то ни было религиозной идеи. Контрактура, появляющаяся у них во время припадка, часто принимает эту форму в "Фотографической иконографии" Сальпетриера можно найти много подобных примеров. Мы извлекли оттуда рисунок, скопированный с фотографии девушки, лишенной всякой религиозности.

Истязания, которые придумывали несчастные конвульсионеры, отличаются бесконечным разнообразием, но мне приходится быть кратким. Молодая девушка 22 или 23 лет становится у стены, а какой ни будь атлет берет тяжелую гирию весом в 30 фунтов и наносит ей изо всех сил удары этой "соломинкой" по животу. Насчитывали до 100 таких ударов и больше Один из братьев нанес ей однажды 60 подобных ударов и после этого попробовал бить той же гирей по стене Присутствовавшие там уверяют, что после 25 ударов в стене образовалось отверстие".

Катерина Тюрпен заставляет бить себя по животу дубовым поленом, маленькая Обиган выправляет свою короткую ногу сильными ударами валька. Сестра Жанна Моле приказывает воткнуть себе в живот громадный ключ, сестра Габриель Молер требует, чтобы ей нажимали на эту область двумя большими лопатами с очень острыми краями, она сама направляет железный прут, которым братья наносят ей сотни ударов по животу Вместе с сестрой Диной, Фелисше и Мадленой она велит втыкать ей в тело кинжалы, причем кровь не показывается.

Приняв во внимание неслыханные преувеличения, которыми наполнена книга Карре де-Монжерона, мы, тем не менее, находим в ней изображения наших современных истеричных, торжествующих, когда им удается покалываться перед зрителями и удивлять их.

Король, которому наскучил шум и огласка, производимые конвульсионерами, решил прекратить эпидемию и приказал отправить в госпиталь знаменитейших акробатов и их сподвижников. Советник Карре де-Монжерон, посвятивший этой эпидемии свое трехтомное сочинение, которое мы только что разобрали, был посажен в Бастилию.

Тем не менее время от времени еще происходили тайные демонстрации конвульсионеров, но они действовали все менее и менее заразительно, а в 1762 году мы видим уже последние "чудеса". У янсенистов больше не нашлось сторонников, а их враги иезуиты только что были изгнаны из Франции при Людовике XV. Борьба, таким образом, закончилась вследствие отсутствия борцов. Однако XVIII век не был еще окончательно избавлен от умственных эпидемий.

Вскоре он попадет под власть магнетизма.

Заканчивая историю Сен-Медарских явлений, позволим себе маленькое размышление.

Наше злосчастное человечество как будто обречено вечно ходить по заколдованному кругу. В настоящее время конвульсионеров уже нет нигде, кроме госпиталей, но "чудеса" все еще продолжают совершаться: нетрудно было бы назвать некоторые местности, где параличи, сращения членов и водянка вылечиваются как бы по волшебству. Там, подобно могиле дьякона Пари, можно было бы найти много брошенных костылей. Там по-прежнему раздаются восторженные крики толпы, а 150 лет научных трудов и открытий не вызвали никакой перемены. Одна часть общества опять вернулась к старым заблуждениям, льстящим ее вкусам.

Восемнадцатый и девятнадцатый век. Сон и сомнамбулизм

Когда Мильн-Эдвардс, председатель Научной Французской Ассоциации, предложил мне прочитать лекцию о сомнамбулизме, то, сознаюсь, я долго колебался, прежде чем принять это предложение. В науке, по-видимому, встречаются предметы, от изложения которых осторожный человек всегда воздерживается, и опасные вопросы, занятия которыми никогда не приносят пользы. Сомнамбулизм, или, как неточно продолжают его называть некоторые люди, животный магнетизм, несомненно, принадлежит к этой категории. Таинственный по своей сущности, известный нам лишь по своим результатам, он настраивает против себя еще и своими последователями, в числе которых до последнего времени встречались лишь одуроченные люди, принимавшие все на веру, и шарлатаны.

Я долго наедине с собой раздумывал над этим вопросом, так как не хотел попасть ни в ту, ни в другую категорию. Но одно обстоятельство заставило меня решиться: я знал, что буду иметь дело с аудиторией, привыкшей к научным беседам и к анализу фактов, я знал, что великие и недавние открытия в области физики научили ее ничему не удивляться и ничего не отвергать априори в сфере точных наук. А следовательно, подумал я, и по отношению к физиологии она должна быть настроена таким же образом.

Я постараюсь познакомить читателя с тем, что понимают просвещенные и заслуживающие доверия люди под странной нервной болезнью, именуемой сомнамбулизмом.

Незабвенный Мольер в одном из своих произведений сказал, что от опиума засыпают вследствие того, что он обладает снотворным свойством. Эта фраза, заключающая в себе, по-видимому, горькую критику на медицину, на самом деле служит самым определенным, точным и полным объяснением научного факта: опиум усыпляет, потому что обладает снотворным действием. Невозможно и в настоящее время что-либо прибавить к этому определению, и если бы мы сказали, что он усыпляет, потому что воспаляет мозг, то нам пришлось бы все-таки прибавить, что он воспаляет мозг вследствие своего воспалительного свойства. Но это только отодвинуло бы задачу, а не решило ее.

Мне необходимо было предпослать лекции эту ораторскую предосторожность, чтобы лучше обозначить ее дух и цель. Я буду указывать читателю на факты, излагать перед ним опыты и надеюсь убедить его при помощи доказательств, но воздержусь от всяких объяснений. Роль науки исчерпывается констатированием фактов и определением условий, при которых они совершаются, но она не в состоянии указать на их причину. Почему тело, предоставленное самому себе, притягивается землей? Почему земля тяготеет к солнцу? Почему кислород и водород соединяются? Почему кусок железа, вокруг которого циркулирует ток, получает способность притягивать железо? Все это нам неизвестно. Мы только знаем, что это так, мы констатируем, но не объясняем.

Почему же нам не отнестись точно так же и к вопросам, касающимся сомнамбулизма? Следствия, производимые этой нервной болезнью, кажутся нам необыкновенными только потому, что мы, к ним не привыкли, но в действительности они намного более обычны, чем результаты в области физических явлений, только что мною упомянутых, и вы сейчас увидите, что они только завершают очень простые физиологические явления, которые никто не оспаривает. Сохраним свою роль — ограничимся только анализом фактов,

выделим их из той массы бессмысленных утверждений, которыми их наводнили, будем констатировать факты, но не объяснять.

Нам, разумеется, придется остерегаться обмана. Человек смысленный и опытный всегда сумеет оградить себя от него, и те немногие врачи, которые уверяют, что это невозможно, тем самым как бы признают свою умственную беспомощность. Если долгие годы, проведенные ими в научных занятиях, не сделали их, людей образованных, способными распознавать фокусы каких-нибудь шарлатанов или истеричных девиц, то, согласитесь, труды их были не особенно плодотворны. Я остаюсь при прежнем намерении, а именно: буду собирать перед вами только факты, хорошо констатированные, и отбрасывать те из них, которые не происходили на виду у всех или настолько уклоняются от физиологических истин, что будет правильнее отложить на время ознакомление с ними.

Сомнамбулизм — это нервная болезнь, которую можно вызвать, лечить и вылечить. Она состоит в изменении одного физиологического отправления, а именно — сна. Вот почему мы прежде всего должны коснуться сна и разобрать его нормальное функционирование, чтобы лучше уяснить себе происходящие в нем изменения.

Великий закон, которому подчиняется все в природе, заключается в том, что за деятельностью должен следовать отдых. Наши органы не могут работать бесконечно, наше сердце, на первый взгляд бьющееся непрерывно, на самом деле отдыхает в течение некоторого времени после каждого удара: вместо того, чтобы брать большой отпуск после продолжительной деятельности, оно пользуется очень коротким отдыхом после каждого периода действия.

Наш головной мозг тоже не составляет исключения из общего правила и, проработав целый день, требует отдыха. Он перестает тогда действовать, если не полностью, то отчасти, предоставляя другим нервным центрам, например спинному мозгу, заботу об управлении функций организма, которые продолжают оставаться активными.

Что происходит в это время с душой — я, право, затрудняюсь вам сказать, к тому же это не входит в сферу моих знаний, поскольку я собираюсь разобрать здесь только чисто физиологическую сторону сна.

Некоторые из занимавшихся этим вопросом писателей рассматривали сон как нормальное состояние. Наше рождение считалось пробуждением, а смерть — возвращением к первобытному состоянию, так что жизнь была лишь эпизодом, в течение которого этот вечный сон прерывался рядом бодрствований и периодами деятельности. Бюффон был менее радикален, чем эти господа, и утверждал, что сон есть такой же реальный и даже более распространенный вид существования, чем любой другой: "Все организованные существа, не одаренные разумом, живут таким образом", — говорил он.

Мы не будем останавливаться на этих общих рассуждениях, а возвратимся лучше к нашей роли наблюдателя и посмотрим, что происходит с человеком, когда он засыпает.

Первый признак, наблюдаемый нами, состоит в ослаблении мышц. Все тело обессилено, руки опускаются и роняют книгу, которую до тех пор держали, голова склоняется на грудь. За этим первым результатом сна следует усыпление органов чувств. По-видимому, сначала отключается зрение: тогда внешний мир исчезает и начинается сновидение. Иногда, особенно часто у детей, возникает удивительный мираж, напоминающий фшурсы блестящего калейдоскопа — в глазах появляется нечто вроде фейерверков с быстро проходящими разноцветными огнями всевозможных форм. Затем все исчезает, сон уже близок, но еще неполон, слух еще бодрствует. Это — последнее чувство, которое гаснет. Зачастую, засыпая, нам приходилось вдруг услышать, как произносят наше имя или упоминают о

предмете, представляющем для нас особый интерес. Тогда мы внезапно пробуждались и произносили стереотипную фразу: "а я уже было совсем заснул". Но вместе с тем слух, благодаря своей деятельности, в известной мере способствует и усыплению. Нередко нас усыпляла монотонность какого-нибудь звука, когда среди безмолвия окружающей природы до нас долетали мерные удары прибоя морских волн или шелест листьев в лесу. По той же самой причине мамы и няньки усыпляли нас в детском возрасте своими колыбельными песенками: они пользовались тем, что наши уши были еще восприимчивы к звуковым впечатлениям, когда сами мы, по-видимому, уже спали. Примеры, которые я мог бы привести, бесчисленны. Как часто мы медленно засыпали под звуки однообразной и размеренной речи многословного и звучного оратора! Ум сначала напрягается, а затем ослабевает, слова следуют за словами, это походит на однообразие тиканья часов — смысл слов утрачивается, и только когда оратор замолкает, слушатель внезапно пробуждается.

Мне немного придется рассказать об усыплении обоняния и вкуса: они, по-видимому, быстро утрачиваются и даже не сохраняются в сновидениях. Брилья-Саварен, писатель, хотя и не принадлежавший к цеху ученых, был, несмотря на это, весьма тонким и проницательным наблюдателем. Он обращает наше внимание на то, как редко ощущения, испытываемые нами во сне, касаются вкуса или обоняния. Когда видишь во сне сад или луг, то замечаешь только цветы, но не их запах, если снится, что сидишь за банкетом, то видишь кушанья, но не ощущаешь их вкуса.

Осязание, по-видимому, бодрствует не дольше зрения. Но при этом даже не очень сильных осязательных впечатлений достаточно, чтобы быстро прогнать сон. Утверждают, что складки в листке розы было достаточно, чтобы помешать сибариту спать. Примем во внимание преувеличение и сознаемся, что в дороге нередко необычная жесткость гостиничной постели долго не давала нам заснуть, несмотря на страшную усталость. Но в то время, когда соединительные нити с внешним миром как бы порываются, внутренние отправления организма продолжают свое действие и наша машина не перестает работать, только она больше не контролируется нашей волей — все происходит автоматически. Это слово так часто будет встречаться в моем изложении, что я вынужден остановиться на минуту, чтобы пояснить, какой смысл я в него вкладываю.

В обыденной жизни наша воля непрерывно бодрствует. Она контролирует движения наших органов и руководит нашими действиями. Однако среди них есть и такие, которые мы совершаем, не думая о них. Так, например, мы расширяем нашу грудную клетку, когда ощущаем потребность впустить в нее свежий воздух. Иногда мы делаем это произвольно, но в большинстве случаев это происходит бессознательно: в среднем мы производим таким образом тысячу движений грудной клетки в час, не замечая этого и даже не ощущая потребности дышать. Однако отсюда не следует делать вывод, что причины, вызывающие эту потребность или ощущение, в данном случае отсутствуют. Это означает только, что действие получаемого ощущения не достигает рассудка, а останавливается на пути. Ощущение, не достигшее мозговых полушарий, отражается (рефлектируется) в спинном мозгу. Существуют так называемые рефлекторные действия. В нормальном состоянии впечатления, воспринятые поверхностью нашего тела, предупреждают наш мозг. Последний немедленно посылает приказ, в силу которого наши органы реагируют. Предположим, что я обжигаю себе кончик пальца. Болевое ощущение достигает моего мозга, который моментально приказывает мышцам сократиться — и моя рука отдергивается. Но может случиться, и это бывает часто, что наша рука отдергивается* гораздо раньше, чем мозг осознал опасное положение, в котором находился наш палец. В этом случае

ощущение очень сильно повлияло на спинной мозг, и этот центр уже послал руке приказ отдернуться в то время, когда наш ум еще не был ни о чем предупрежден. Ощущение отразилось тогда в спинном мозге, как в зеркале, и получилось рефлексивное действие. Вы видите, как это просто. Я мог бы увеличить число примеров до бесконечности: чиханье, истечение слюны, движение внутренностей — все это простые, рефлексивные действия, управляемые спинным мозгом. Вам нужны доказательства? Извольте. Возьмем лягушку и предварительно ее обезглавим. У нее больше нет мозга, а следовательно, она лишена ума и не может больше ни чувствовать, ни желать. Я капаю на ее лапку немного кислоты, и лягушка тотчас же начинает усиленно двигаться. Она прикладывает все усилия, чтобы избавиться от этой кислоты. При этом у нее действует только спинной мозг. С его помощью она совершает ряд рефлексивных, комбинированных и ассоциированных действий.

Вы, вероятно, думаете, что я далеко уклонился от нашего предмета — сомнамбулизма. Однако напротив, мы очень к нему приблизились и скоро увидим, что сомнамбул есть существо, мозг которого уничтожен, как у этой лягушки, и сам он действует исключительно автоматически.

В сущности, сон физиологически характеризуется усыплением всех чувств и произвольных движений с сохранением рефлексивных и автоматических действий. Мы, впрочем, вновь встретимся с последними в сновидениях и таким образом медленно, но верно подойдем к изучению сомнамбулизма.

В тот момент, когда наши чувства угасают, они посылают нашему мозгу последний сигнал, который создает последнюю воспринимаемую нами идею. По отношению к этой идее наша познавательная способность и наше воображение как бы совершенно свободны. Отсюда следует, что эта идея производит более сильное впечатление и что она может молниеносно создавать целый ряд других идей — образов, разворачивающихся широкой лентой, которые наш не вполне усыпленный ум принимает за реальные, так как уничтожена лишь способность к восприятию, а способность понимать еще существует. Этот ряд сцепленных идей и есть сновидение. Если ряд не нарушен, то сновидение получается связное, если же связь неполная, то перед нами возникают бессмысленные сновидения, о которых мы иногда вспоминаем, улыбаясь, на другой день.

Во всяком случае, ничто не протекает так быстро, как сновидение. Его продолжительность не превышает промежутка времени, необходимого для создания при помощи воображения ряда идей. Иногда сон, который, как нам кажется, длился целую ночь, на самом деле занимал наш мозг лишь в течение нескольких минут.

Как часто нас будили, например, помешав нам как следует заснуть и прерывая почти в самом начале наш сон, в который мы погрузились после сильной усталости? В течение немногих прошедших минут мы успели увидеть длинное сновидение, и если бы не часы, убеждающие нас в неоспоримой истине, то мы были бы уверены, что спали в течение нескольких часов.

Таким образом, для многих физиологов и для некоторых психологов сновидение есть только продолжение и сцепление идей первоначального восприятия (*notion première*), которое либо доставляется в мозг чувствами в момент их усыпления, либо привносится в него при помощи ощущения, возникающего при пробуждении, но пока чувства еще усыплены.

Доказательством этому служит тот факт, что у некоторых людей можно вызывать сновидения и направлять их. У некоторых малокровных молодых девушек шум от дыхания, возникающий в артериях, достигает слуха и воспринимается мозгом во время сна. Вследствие этого возникают всегда одинаковые сны. Городская молодая девушка будет видеть во сне концерт или бал, девушка с более развитыми

религиозными представлениями услышит во сне пение ангелов и гимны святых, деревенской жительнице послышится завывание ветра в лесу или грохот от дождя, барабанившего по крыше, журчанье ручейка или щебетание птичек. Чувства доставляют первоначальную (исходную) идею, а воображение добавляет остальное. Наконец, возможно, как я уже говорил, направлять сновидения. У некоторых людей, подверженных кошмарам, внезапный зов или необычный толчок могут изменить направление сновидения, разбудить часть мозга и вызвать благодаря этому ответы и речи со стороны спящего, указывающие на изменение в направлении, принятом сновидением, и на его соответствие с тем, что было внушено экспериментатором.

Вот в чем состоит нормальное состояние. Расширьте его, и перед вами предстанет невроз, именуемый сомнамбулизмом.

На этот знаменитый невроз следует смотреть как на усыпление, которое распространяется только на способность восприятия, но не на познавательную способность как на сновидение, ход которого может быть изменен, благодаря внушениям присутствующих, как на автоматизм, вызванный бездействием части головного мозга и преобладанием спинного. Действия этого невроза кажутся поразительными, только когда не анализируешь их или же ограничиваешься их поверхностным наблюдением.

Следовательно, я не ошибался, утверждая, что изучение нормального сна необходимо для верного понимания болезней, находящихся в зависимости от него. От чего зависит сон в физиологическом отношении? Если удалить черепной покров и обнажить поверхность мозга у усыпленной собаки, то мы заметим, что во время сна эта поверхность имеет беловатый оттенок, а при пробуждении она становится розовой. Наблюдалось также, что розоватый оттенок появляется и тогда, когда собака совершает ряд автоматических движений, дающих повод предполагать, что она видела сон. Следовательно, сон, вероятно, обуславливается внезапной анемией мозга — и, действительно, можно усыпить человека или животное надавливанием на шейные артерии, т. е. не давая крови поступать в мозг. Но эти вопросы еще не совсем понятны, и я предпочитаю оставить их в стороне, чтобы в первую очередь заняться болезнями сна.

Первое из наблюдаемых видоизменений сна есть его излишек, называемый летаргией. Это слово может вызвать у читателей весьма разнообразные ассоциации. Одним придут на память страшные истории, рассказываемые без достаточных доказательств, где повествуется о случаях погребения мнимоумерших, страдавших этой болезнью. Другие вспомнят при этом волшебную сказку о спящей красавице, впавшей в летаргию в своем заколдованном замке и ожидающую появления принца. На поверку оказывается, что страшные истории неверны, и науке приходится брать сказку под свою защиту. Я вас, без сомнения, очень удивлю, сообщив, что спящая красавица действительно могла существовать, а что скажете вы, если заявлю, что она существует и находится в данное время в Париже?

Действительно, в одном из госпиталей, в Сальпетриере, находится сорокапятилетняя женщина, которая на моих глазах проспала более года. Сообщая эту историю, мне легко будет познакомить вас с главными чертами, характеризующими летаргию. Эта больная, помимо странного невроза, которому она подвержена, поступила в госпиталь вследствие паралича нижних конечностей. Она уже более 20 лет прикована к постели, приобрела необычайную полноту и плохо понимает, что происходит вокруг, однако при этом обладает хорошим здоровьем и вообще очень спокойна. За несколько дней до припадка она начинает волноваться, становится болтливой и часто подвергается таким интенсивным припадкам истерического хохота, что им заражаются все окружающие. Всем уже

известно, что означает этот признак, и сиделки уведомляют врачей, что спящая погружается в свой продолжительный сон.

Смех утихает, глаза смыкаются, члены безжизненно падают, и такое состояние может длиться от восьми дней до года. На протяжении всего этого времени больную кормят при помощи зонда, и никакое внешнее раздражение не способно ее разбудить. Временами она испускает вздох, а затем все снова погружается в покой. При взгляде со стороны это состояние похоже на смерть. Больная остается в таком положении целые месяцы: бледная, неподвижная, без всяких признаков жизни. Вот типичная летаргия. Это — продолжительный сон, вероятно наполненный сновидениями. В один прекрасный день больная просыпается и очень удивляется, что в окне видит снег, между тем как заснула она весной, окруженная цветами.

Второе состояние, которое может появиться вследствие видоизменения сна, есть сомнамбулизм.

Изучение этого знаменитого невроза принято делить на две части. Признают два вида сомнамбулизма: 1) естественный сомнамбулизм, зарождающийся произвольно и не допускающий особенного воздействия со стороны и 2) искусственный, или вызванный, дающий повод к приемам, неточно названным магнетическими. Я считаю это различие основательным, и если результаты обоих неврозов очень сходны, то, тем не менее, сущность их должна быть различна. Вы сами это поймете при их ближайшем рассмотрении.

Некоторые врачи называют произвольный сомнамбулизм автоматизмом. Это название мне кажется намного более подходящим, чем первое: во-первых, оно не дает повода к путанице, ясно выражая саму сущность невроза, и во-вторых — есть несколько степеней этой болезни. Самая простая из них состоит в усыплении ума, причем не все чувства и органы усыплены. Мы уже видели, что во время естественного сна ум бодрствует в то время, когда мышечные группы уже уснули. Возможно также и обратное явление: ум может заснуть, тогда как органы сохраняют еще все признаки деятельности и бодрствования. Таким образом, в деревнях, в долгие зимние вечера, наблюдались случаи, когда глубоко уснувшие женщины продолжали вязать или прясть. Все их движения совершались нормально, но если к ним обращались с вопросом, то они не отвечали, так как спали. Я знаю одну двенадцатилетнюю девочку, с которой очень часто происходило следующее странное явление: во время прогулок, совершаемых ею летними вечерами с родными по очень ровной дороге — и всегда по одной и той же — она иногда, очень утомившись, умолкает и не отвечает на вопросы. Девушка в это время спит, а между тем продолжает идти и даже соразмеряет свои шаги с быстротой походки сопровождающих ее лиц. Достаточно, впрочем, легкого встряхивания, чтобы она тотчас же проснулась.

Мне нередко приходилось слышать от проводников в гористых местностях, что во время ночных восхождений необходимо чаще стегать лошадей, иначе они на ходу засыпают и легко могут сорваться с кручи. Один из распорядителей компании омнибусов на днях еще раз подтвердил мне это, сообщив, что часто во время вечерней езды запряженные лошади спят и, тем не менее, совершают свои рейсы. Если, придерживаясь этимологии, называть сомнамбулизмом соединение сна и ходьбы, то явления, о которых мы сообщили, безусловно, следовало бы отнести к этой категории. На самом же деле это только отклонения от порядка, в котором засыпают наши отправления и способности или — самое большее — первая ступень автоматизма. Настоящий естественный сомнамбулизм представляет нечто совсем иное. Вместо того чтобы дать его определение, я предпочитаю сообщить несколько фактов, которые обрисуют вам его со всех сторон.

Когда я был ординатором в госпитале Сен-Антуан, мне удалось наблюдать вместе с докторами Мене, Мори и многими другими выдающимися учеными очень любопытный случай автоматизма, который когда-либо был замечен.

Случай был связан со старым зуавом, который получил во время Базельской битвы громадную рану в голову, рану, обнажившую его мозг. Несчастного парализовало на месте, и он впал в бессознательное состояние. Его подобрала солдата вражеской армии, где ему был обеспечен хороший уход. Он постепенно пришел в себя, и его паралич даже впоследствии исчез, так что через два года он стал вести свой обычный образ жизни. Одаренный сомнительным талантом, зуав подвизался в качестве певца на подмостках кафешантанов. В это же время его поразил тот странный невроз, о котором я намерен рассказать. В определенные дни на него находила грусть, потом он вдруг вставал, одевался и начинал странствовать по улицам. Несчастный постоянно шел прямо, ничего не видя перед собой, и наткнулся на разные препятствия, если не нащупывал их вовремя протянутыми вперед руками.

Больной находился тогда, говоря языком современных врачей, во вторичном состоянии (*condition seconde*), так как первичным его состоянием было нормальное. Ничто во внешнем виде этого сомнамбула не обратило бы на него общественного внимания, если бы не одна особенность, не лишенная значения. В эти промежутки несчастного преследовала страсть к воровству, и он ни перед чем не останавливался. Любая блестящая вещь, ценная или ничего не стоящая, становилась предметом его алчности: он просто брал интересовавшую его вещь с лавочных выставок и клал ее, не спеша и без смущения, в карман. Он даже не заботился о том, смотрит ли на него торговец и находится ли при этом полицейский агент или нет. Вы поймете, что подобные приемы в Париже нельзя долго практиковать безнаказанно, не обратив на себя внимания, и, действительно, зуав был почти немедленно арестован. Тюремный врач выдал ему свидетельство о невменяемости, и больной был отправлен к господину Мене, который демонстрировал его перед товарищами и учениками. В госпитале старик входил во вторичное состояние приблизительно раз в месяц. Припадок начинался как обычно, и больной отправлялся в путь. Он шел, отстраненный от всего, с вытянутыми вперед руками, с неподвижными и безжизненными глазами, обходил препятствия, поднимал блестящие предметы — часы, ложки, стаканы — и клал все это в карман своей больничной блузы. Когда их у него отнимали, он без малейшего сопротивления отдавал все забранное. Зуав ничего не говорил, ничего не видел и не слышал. Луч солнца, направленный ему прямо в глаза, не заставлял его ни отворачиваться, ни моргать, он не вздрагивал от оглушительного звука, раздававшегося прямо у его ушей. Даже его кожа отличалась полной нечувствительностью: ее можно было прокалывать железными прутьями, жечь — и он даже не отдергивал руки. Вот настоящий естественный сомнамбулизм. Ум спит, способность к восприятию и к рассудочной деятельности исчезла, чувства отчасти уничтожены, но органическая жизнь продолжается, и человек превращается в нечто, похожее на ту лягушку, у которой я вынул мозг, т. е. средоточие умственной деятельности. Но у сомнамбула, как верно заметил Шарль Рише, мозг только спит: его можно разбудить или полностью, или отчасти, вызвав в нем лишь одну какую-нибудь мысль, которая превратится в источник сновидения. Сон сомнамбула имеет некоторые особенности, потому что известное количество функциональных способностей, как, между прочим, способность к движению, не исчезает, а продолжает бодрствовать.

Больной заснул. Ему дают в руки трость, он шупает ее, переворачивает — и лицо его оживляется. Затем он прикладывает ее к плечу, так как принимает за ружье. В этом утомленном мозгу пробуждается одна идея, и она уже влечет за собой целый

ряд других, ассоциированных с ней. Сновидение уже образовалось, память вступила в свои права — и мы становимся свидетелями любопытной сцены. Этот старый зуав начинает осторожно ступать, прислушивается, быстро отступает и прячется за кровать. Он прикладывает трость к плечу, наводит ее, прицеливается, потом берет воображаемый патрон, вновь заряжает свое оружие и целится. Его глаза принимают дикое выражение, и он кричит: "Вот они! Нх, по крайней мере, сотня! На помощь!" Затем он падает навзничь, хватаясь рукой за лоб, после чего лежит как мертвый, и сновидение оканчивается.

После этого при помощи внушения у него пытаются вызвать другое сновидение. Больному дают понять, что он певец, находящийся на сцене. С этой целью ему вручают сверток белой бумаги, который он серьезно рассматривает. В то же время перед его глазами проносят зажженную лампу, которая должна вызвать в нем представление о рампе. Эксперимент удается: больной пробует голос, но почему-то кажется сконфуженным и снимает свою больничную куртку. Тогда один из врачей дает ему свой сюртук. Он берет платье, но поражен чем-то красным. Это — розетка Почетного Легиона, приколотая к отвороту. Он быстро хватается за нее и прячет в карман, затем надевает сюртук, раза два или три откашливается и начинает петь одну из патриотических мелодий. В следующий раз ему дают перо и бумагу, и он начинает автоматически писать. Зуав пишет своему прежнему генералу и просит его о какой-то милости. Когда письмо окончено, его быстро выдергивают из-под руки больного, так что перед ним остается только лист белой бумаги, лежавшей до этого под письмом. Он перечитывает тогда этот белый лист, ставит кое-где знаки препинания и храбро подписывается внизу листа.

Наконец больной просыпается и очень удивляется, что лежит в постели среди белого дня, окруженный незнакомыми людьми — он ничего не помнит. Здесь мы видим типичный случай сомнамбулизма: усыпление мозга, возникновение благодаря памяти или внешнему внушению одной идеи, влекущей за собой другие — вот характерные свойства этого состояния, которое доктор Мене удачно назвал автоматизмом воспоминаний и памяти.

Заканчивая свою заметку, Мене добавляет, что, может быть, наступит день, когда автоматизм займет место в судебной медицине. Идеи, которые пробуждаются у автомата, могут быть различны. У нашего зуава это была мысль о борьбе, а иногда и о краже, но встречаются автоматы, видящие самоубийства, убийства или пожары и совершающие преступления, которых не могут вспомнить после пробуждения.

"Я не теряю надежды, — говорил несколько лет тому назад Мене, — что нам удастся убедить судей и добиться оправдания этих людей".

И что же, так и произошло. Недавно один из таких автоматов был арестован, заключен в тюрьму, отдан под суд и был осужден... Все это время он как будто не пробуждался. Когда же он пришел в себя, то уже лишился всех прав, был обесчещен и заключен в тюрьму. Он даже не знал, в каком преступлении обвинялся! Тогда арестованный вспомнил, что врачи часто говорили в его присутствии о тех странных состояниях, в которые он впадал. Он обратился к Мене и Моте, и этим двум ученым удалось привести заключенного в его вторичное сомнамбулическое состояние во время заседания апелляционного суда и, убедив таким образом судей в его невменяемости, добиться отмены приговора первой инстанции.

Я только что говорил об автомате-воре, теперь перейдем к автомату-убийце. Один монах испытывал ненависть к настоятелю монастыря. Однажды ночью, не просыпаясь, он встает, берет кинжал, находившийся у него в келье, и через всю обитель отправляется в покои настоятеля. Тот еще не ложился, а сидел за письменным столом, освещенным двумя лампами, и работал. Монах проходит мимо него, не замечая даже зажженных ламп, идет прямо к кровати, погружает

кинжал несколько раз в подушку и затем спокойно возвращается в свою келью, все еще пребывая во сне. На другой день, на допросе перед капитулом монастыря, он ничего не мог вспомнить. Вот человек, который мог бы стать бессознательным убийцей и которого бы осудили без страха и сомнений.

Одна барыня, которую господин Мене наблюдал в течение долгого времени, представляла собой следующий весьма любопытный случай естественного сомнамбулизма.

У нее тоже пробуждалась мрачная мысль, которая определяла собой смысл сновидения. Она вставала ночью и пыталась выброситься из окна, причем даже не видела окружавших ее лиц и не обращала на них внимания. На следующий день она ничего не помнила.

Однажды ночью она погружает несколько медных монет в стакан воды, чтобы приготовить отраву, потом садится за стол и пишет письмо родным: "Я хочу умереть, мое здоровье никогда не поправится, а голова никогда не придет в нормальное состояние. Прощайте. Когда вы получите это письмо, то жить мне останется недолго. Завтра в этот час я уже приму приготовленный мной яд. Еще раз, прощайте!" Затем она прячет стакан в шкаф, решив, что яд еще недостаточно силен. В это время с ней происходит нервный припадок, и она просыпается. На следующий день дама ничего не помнит и настоятельно требует стакан, который у нее будто бы украли. Ей дают другой. В следующую ночь припадок возобновляется, больная встает во сне, идет прямо к шкафу, открывает его и берет стакан с ядом. Нет необходимости говорить, что его заменили стаканом чистой воды. Горничная предупредила об этом весь дом, и все собрались в комнате больной. Госпожа Икс даже не замечает, что ее окружают родные — она спит и видит сновидение. Больная падает на колени перед распятием и приближает стакан к губам. Но в эту минуту, охваченная внезапной решимостью, она его отталкивает, встает и пишет родным следующее письмо: "В ту минуту, когда я хотела принять смертоносный напиток, передо мной явился ангел и поступил так, как в жертвоприношении Исаака — он удержал меня за руку, сказав: "Подумай о том, что ты хочешь совершить, у тебя ведь есть муж и дети". При этих словах мое сердце дрогнуло, и я почувствовала, что во мне снова заговорила супружеская любовь и материнская привязанность, но сердце мое все еще сильно болит, а в голове ощущается слабость. Простите мне мое невольное покушение, одинаково преступное как в ваших, так и в моих собственных глазах". Она писала это во сне. Госпожа Икс совершила еще целый ряд аналогичных попыток, но, что весьма любопытно, во время периодов нормального состояния, отделявших друг от друга эти припадки сомнамбулизма, она не помнила ничего из того, что делала во сне. Когда она засыпала, то ее сновидение начиналось с того момента, на котором остановилось предыдущее, и было его продолжением.

Это дает мне повод познакомить читателя с особенным состоянием, которое возникает вследствие некоторой "привычки" к сомнамбулизму, называемым двойной жизнью. Первое хорошее описание этого невроза дал Азам, профессор медицинского факультета в Бордо.

Азам наблюдал больную, которую звали Фелида Икс. Это была портниха из Бордо, отличавшаяся вполне хорошим здоровьем, если не принимать во внимание нервных явлений, о которых я сейчас буду говорить. В некоторые дни во время работы на нее вдруг находит грусть и тупость, и ее голова склоняется на грудь. Она засыпает, и ничто не может пробудить ее от этого сна. Затем Фелида просыпается, она весела, игрива, подвижна, бегаёт, смеется и вообще находится в крайне экзальтированном состоянии.

Через несколько часов это подобие сновидения исчезает, и Фелида снова впадает в грусть. Она засыпает, затем пробуждается, и на этот раз окончательно, но не

помнит ничего из того, что происходило с ней во вторичном состоянии. На следующий день портниха опять засыпает и вновь подвергается припадку. Тогда она очень ясно вспоминает все, что говорила и делала во время первого припадка, но совершенно не знает, что происходило с ней во время нормального состояния. Она не узнает людей, которых видела в то время. Фелида, следовательно, обладает двумя индивидуальностями, двумя жизнями. В одной она грустна и мрачна, в другой — весела. Находясь в первичном состоянии, она не имеет понятия о том, что происходило во вторичном, и, попадая в это последнее, начинает свое существование с той самой точки, на которой оставила его во время последнего припадка. В сущности, это состояние раздвоения личности есть результат привычки к естественному сомнамбулизму.

Наука, по-видимому, уже далеко шагнула в познании всех этих явлений. Но тут, однако, сам собой возникает вопрос: что же думали в древности, средних веках и в новое время, предшествовавшее нашему, что же думали они об этих странных явлениях и как их понимали? Древность оставила нам мало сведений касательно этого вопроса. Вот почему весьма неосторожно было бы заниматься ретроспективной наукой на таком далеком расстоянии.

В средние века и до последнего столетия сомнамбулов, вероятно, относили к обширной категории одержимых и колдунов. Их заключали с другими большими этого рода и обыкновенно сжигали живьем с большой торжественностью.

Но нашелся в те века мрака гениальный трагический писатель, проявивший исключительную наблюдательность в описании естественного сомнамбулизма.

Под этим описанием охотно подписался бы и современный невролог. Этим писателем был Шекспир, который дал нам возможность присутствовать в "Макбете" при сцене автоматизма, мастерски им описанной и воспроизведенной.

Она происходит в Дунсинане, в апартаментах замка. Леди Макбет, после совершенных ею преступлений, подвергается припадкам сомнамбулизма. Ее наперсница сочла необходимым уведомить об этом придворного врача, и они вдвоем бодрствуют в ожидании прихода королевы.

Доктор.

Вот уж две ночи я провожу с вами без сна, а не подтверждается, что вы рассказывали. Когда ходила она в последний раз?

Придворная.

С тех пор, как его величество уехал на войну, я видела, как она вставала, надевала на себя ночное платье, отпирала свой письменный стол, вынимала бумагу, складывала ее, писала что-то на ней, читала написанное, потом запечатывала и опять ложилась в постель. И все это в глубоком сне.

144

Доктор.

Большое расстройство в природе: пользоваться благодеяниями сна и в то же время делать все как не во сне, а в полном бдении. Но в этой сонной возбужденности, кроме хождения и других ее действий, не слышали ли вы, не говорила ли она чего?

Придворная. Как же, сэр, но такое, чех о я не хочу повторять.

Доктор. Мне-то можете сказать, и лучше будет, если решитесь на это.

Придворная.

Ни вам и никому другому! У меня свидетелей нет и некому подтвердить мои слова. Смотрите: вон идет она. (Леди Макбет входит со еве чей.) Так она всегда... и, клянусь жизнью, спит глубоко. Наблюдайте. Встаньте ближе.

Доктор. Где взяла она свечу?

Придворная. В спальне у себя. У нее в спальне постоянно огонь. Так сама велит.

Доктор. Видите: глаза у нее открыты.

Придворная. Но зрение закрыто.

Доктор.

Что это делает она? Видите: трет свои руки.

Придворная.

Как и всегда. Точно она моет их. Я видела, она так делала целых четверть часа.

Леди Макбет. А тут еще пятно.

Доктор. Чу, говорит. Я запишу ее слова, чтобы точнее все запомнить.

Леди Макбет.

Прочь, проклятое пятно, прочь, я говорю. Раз, два; ну так, пора, пора за дело! — Ад мрачен! — Фи, мой Лорд. Фи! Воин — и трусит! Чего бояться? Что за важность, что кто-нибудь прознает? Кто может призвать к допросу нашу власть? — Кто бы подумал, что в старике было так много крови!

Доктор. Вы слышали?

Леди Макбет.

У тана Файвского была жена — где теперь она? Неужели эти руки не будут чисты никогда? Ни слова более об этом, мой Лорд, ни слова: испугом этим портишь все.

Доктор. Уйдите вы, уйдите! Вы узнали то, чего не должны были знать.

Придворная.

Она сказала то, чего не должна была говорить. Бог знает - что известно ей.

Леди Макбет.

Все еще пахнет кровью! Все ароматы Аравии не надушат этой маленькой ручки. О! О? О?

Доктор. Как стонет! Тяжело у нее на сердце!

Придворная. Такого сердца не захотела бы я иметь за все ее величье.

Доктор. Хорошо, хорошо...

Придворная. Ах, дай-то Господи, чтобы все было хорошо, сэр!

Доктор.

Нет, эта болезнь выше моего искусства! Впрочем, я знал таких, которые ходили во сне, но умерли святыми на постели.

Леди Макбет.

Вымой руки, надень спальное платье, да не будь так бледен: я повторяю, Банко зарыт, не может выйти из могилы.

Доктор. В самом деле?

Леди Макбет

В постель, в постель, стучатся в ворота Идем, идем, дай твою руку Что сделано, то сделано В постель, в постель (Уходит)

Доктор И теперь в постель пойдет ?

Придворная Прямохонько

Доктор

Недаром в робком шепоте кругом Идут зловещие, дурные слухи Дела против природы порождают И смуту неестественную в духе — Нужна здесь Божья помощь, а не наша! — О Господи, мой Бог, прости нас всех! — Смотрите вы за ней Все удалите, Чем может повредить она себе, И не спускайте глаз с нее — Прощайте — Она мне поразила ум и зренья Что д^маю, я высказать того Не смею

Придворная Доброй ночи, добрый доктор

Разве в этом мастерском описании не указаны все детали, кото рые я только что сообщил, и разве Шекспир не превзошел в нем с научной точки зрения большинство из тех, кто пытался описать своеобразный невроз, занимающий нас в настоящее время'?

Я уже сказал все, что собирался, о естественном сомнамбулизме, и те перь перехожу к самой трудной части моего предмета — к вызванному сомнамбулизму, или магнетизму, раз уж приходится пользоваться этим отвратительным названием

С помощью приемов, с которыми я вас познакомлю, можно вызвать невроз, очень похожий на естественный сомнамбулизм, но, тем не менее, отличающийся от него некоторыми чертами. Прежде всего, получаемые результаты зависят от субъекта и от способов воздействия на него. Вследствие этого получаются различные состояния, включающие в себя

1 Гипнотическое состояние

2 Сон

3 Каталепсия

4 Автоматизм

В конце прошлого столетия выступал австрийский врач, появлению которого предшествовала громкая репутация. Он нашел способ оказывать на человеческий организм чудесные воздействия при помощи чисто практических приемов. Это было в то время, когда первые опыты в области электричества, сделанные аббатом Вольтой, взволновали весь мир, когда общество страстно занималось изучением загадочного действия электричества на магнитную стрелу, обладающего, по-видимому, достаточной силой, чтобы проявлять свою энергию на всем земном шаре. Месмер объявил, что он владеет особой жидкостью, которая представляет собой разновидность земного магнетизма и действует на жизненные силы, при этом, если ее использовать определенным образом, она может служить лекарством от многих болезней и даже обновлять организм.

Месмер предлагал продать свой секрет правительству, оценив его в несколько миллионов франков. Однако французские министры имели осторожность отклонить это предложение и предоставили авантюристу полагаться на его собственные силы. Явления, которые вызывал Месмер, ничем не напоминают современный гипноз. Посреди комнаты, погруженной в полумрак, находился большой чан, как правило, прикрытый крышкой с пронизывающими ее металлическими прутьями. Приверженцы Месмера обычно располагались вокруг. Вскоре раздавались звуки клавикордов, и благоухания распространяли одурманивающий аромат. Месмер проходил по комнате с пророческим видом, касаясь лба каждого из присутствующих и прибегая к театральным жестам. Тогда присутствующие впадали в своего рода столбняк или коматозное состояние: они словно погружались в очарованный экстаз, практически полностью утрачивая всякую чувствительность и способность двигаться, и выходили из этого состояния только тогда, когда их выводили на воздух и в светлое помещение. Во всем этом не было собственно магнетизма. Объектами эксперимента обычно служили женщины, "одержимые парами", как выражались тогда, или подверженные истерии, как говорят теперь.

Месмеру даже не принадлежала заслуга этого изобретения, так как гипноз — этот неполный сомнамбулизм, или экстатический сон, — был и еще находится в чести во многих религиозных сектах.

Индийские факиры часто достигают такого состояния, не погружаясь ни в какую поэтическую или священную мысль, но просто созерцая пространство или какую-нибудь ярко освещенную точку, некоторые же просто погружаются в созерцание кончика носа.

На почве ислама, при всей сравнительной ничтожности в нем мистического элемента, тоже возникли специальные приемы гипнотизации. Продолжительный и однообразный шум играет в них более значительную роль, чем созерцание.

Последователи Гуссейна Мученика вызывают экстаз при помощи тамбуринов, по которым беспрестанно ударяют в быстром и однообразном темпе. Посвященные сопровождают эту музыку мелодией, соответствующей по ритму звуку барабана. Эта церемония часто происходит ночью, и вскоре сектанты впадают в своего рода очарование, причем нечувствительность их тканей доходит до такой степени, что

они позволяют воспроизводить на себе различные фазы мученичества учителя, не испуская при этом ни единого крика и даже, по-видимому, не испытывая никаких ощущений.

Но все-таки в секте Айссауа, многие представители которой находятся в Алжире, эти явления проявляются с наибольшей интенсивностью. Люди, имевшие редкое счастье присутствовать на одной из их церемоний, были поражены степенью анестезии, достигаемой этими фанатиками.

Дело происходит ночью, на какой-нибудь уединенной поляне, тамбурины издают свой однообразный звук. Сектанты сидят вокруг большого огня и постепенно впадают в экстаз. Некоторые из них приходят в судорожное состояние и издают продолжительные крики. Анестезия становится полной, и можно наблюдать, как одни из них лижут до красна накаленную железную полосу, в то время как другие жуют варварийские фиги, длинные шипы которых прокалывают им щеки и выходят наружу.

Многие из них проглатывают живых пауков и скорпионов, что может вызвать весьма серьезные последствия.

Все эти бессознательные гипнотизеры прибегают к одним и тем же приемам: зрительному фиксированию одной точки, почти всегда сопровождаемому внутренним косоглазием, или фиксированию слуха при помощи однообразных звуков.

Мы увидим, что абсолютно одни и те же приемы используются нашими предшественниками и нами самими, чтобы вызвать вполне определенные явления. Собственно говоря, первым оперативным руководством по гипнотизму мы обязаны Брэду. В 1841 году этот манчестерский хирург, будучи свидетелем так называемых магнетических опытов, признал, что наблюдавшиеся им несомненные явления следует приписать не таинственной жидкости, а продолжительной неподвижности взгляда и концентрации внимания. Именно с него начинается научный магнетизм. Брэд знал о ряде очень любопытных опытов, произведенных во Франции господами Дюпотэ и Пюисегюром. Эти два врача, увлеченные идеями Месмера, усомнились в полезности чана и задали себе вопрос, не может ли насыщающая всех нас магнетическая жидкость переходить от одного человека к другому? С этих пор они, имея дело с нервными субъектами, пытались применять для достижения некоторых результатов ряд прикосновений, ныне называемых пассами. При помощи этого средства усыпление происходило гораздо быстрее, чем с месмеровским аппаратом: таким образом возник передаточный магнетизм, который существует и поныне, значительно расширенный и обогащенный всякого рода причудами.

И действительно, по несчастному стечению обстоятельств, первые наблюдения попали в руки настоящих больных. По-видимому, есть лица, питающие страстную любовь к сверхъестественному, ум которых, наталкиваясь на необъясненные факты, всегда склонен приписывать им самые необычайные причины. Первые приверженцы магнетизма утверждали, что имеют дело с новой силой, заставляющей душу одного человека влиять на душу другого при помощи известного рода индукции. Была найдена как будто новая жидкость, переходившая от одного субъекта к другому через пространство. Тогда появились целые сотни книг, наполненные невообразимыми нелепостями.

Привожу несколько выписок из них. Для начала я позаимствую у Вас-сер-Ломбара способ лечения рака при помощи магнетизма:

"Магнетизер, после подготовительной магнетизации, производит притягательные пассы к сидалищу боли — с намерением извлечь поддерживающие ее нечистые жидкости. Затем он предпринимает отталкивательные пассы от сидалища недуга — с намерением пересечь дурную жидкость и изгнать ее, после чего он

заканчивает посредствующими пассажами без движений, направленных к сидищу недуга, с намерением ослабить интенсивность недуга и усилить ослабевший жизненный ток".

Впрочем, этот автор не отличается заносчивостью — он лечит также и животных. "Магнетизирование больных животных происходит совершенно так же, как и магнетизирование людей. Магнетизер становится перед животным в позе, наиболее для него удобной, в зависимости от формы и величины животного. Он начинает воздействие током на больное животное при помощи отталкивательных пассажей, производимых на приличном расстоянии от головы, продолжая их по спине и бокам до конечностей тела с целью отделить нечистые жидкости.

Затем магнетизер проделывает несколько посредствующих пассажей от головы, следуя по спине до конечностей тела и продолжая от верхней части ноги до ступни, с намерением поддержать равновесие в организме животного".

Кроме того, магнетизм еще применим к лесоводству:

"Магнетизирование больных растений отличается в своем общем применении от магнетизирования человека и животных, в том смысле, что оно производится от основания растения к его вершине. Магнетизер становится напротив растения, которое следует намагнетизировать, на приличном расстоянии. Он направляет на растение ток при помощи отталкивательных пассажей, направленных от основания к вершине или по стволу и ветвям, с целью изгнать нечистые жидкости, распространенные в окружающей его атмосфере. Затем он освобождает сердцевину растения притягательными пассажами, производимыми в обратном порядке, от основания растения к вершине, и продолжает магнетическое действие при помощи посредствующих пассажей, производимых по-прежнему от основания к вершине, немного останавливаясь на поврежденных ветвях, с намерением укрепить жизненный нерв растения и заставить его сок циркулировать от корней до самых высоких ветвей.

Можно при помощи тех же приемов намагнетизировать садовые и огородные растения, а также целые поля зерновых хлебов, чтобы укрепить их или заставить лучше расти, но только для подобного намагнетизирования следует использовать универсальный жизненный ток.

Можно еще насыщать этой жидкостью растения какого-нибудь сада, леса, поля или луга, чтобы сделать из них гигиеническое место прогулок для больных".

И представьте себе, есть целые книги, набитые таким вздором! Надо, впрочем, признать, что среди магнетизеров были и такие, которые, продолжая придерживаться своих вздорных и ненаучных мыслей, оказали гипнотизму некоторые услуги и способствовали прогрессу в этой области. Одним из них был Тэт (Teste), с методом которого я сейчас познакомлю читателя, чтобы показать, чем был магнетизм до Брэда и до психологических изысканий школы Сальпетриер. Обыкновенный метод по Делезу

Сначала удалите от больного всех лиц, которые могут вас стеснить, оставьте при себе только необходимых свидетелей (если можно — одного) и попросите их не обращать никакого внимания ни на используемые вами приемы, ни на сопровождающие их результаты, а только присоединиться к вам мысленно, желая принести пользу больному. Устройтесь таким образом, чтобы вам не было ни слишком жарко, ни слишком холодно, чтобы ничто не стесняло свободу ваших движений и не могло прервать начатого вами сеанса. Затем посадите больного как можно удобнее и сядьте напротив него на довольно высоком сиденье так, чтобы вы могли касаться его колен кончиками пальцев. Повторяйте эти пассы от 5 до 6 раз, разводя руки и удаляя их немного от тела больного. Затем поднимите свои руки над его головой, подержите их в таком положении некоторое время и, наконец, опустите, проводя ими мимо лица на расстоянии одного или двух дюймов до

грудной ложечки. Здесь следует остановиться около 2 минут, приложив к этому месту большие пальцы, а остальные повыше ребер. После этого надо медленно опускать руки вдоль тела больного до колен или — еще лучше — до конца ног. Повторяйте эти приемы в течение большей части сеанса и, время от времени приближаясь к больному, кладите ваши руки ему за плечи, чтобы тихонько опустить их вдоль спины, причем старайтесь, чтобы ваши ноги находились рядом с его ногами. Потребуйте от него доверия и попросите не отвлекаться никакими наблюдениями, ничего не опасаться, предаться надеждам, не беспокоиться и не падать духом, если действие магнетизма вызовет у него временную боль. Сосредоточившись, зажмите его большие пальцы между двумя вашими таким образом, чтобы внутренней стороной ваши пальцы касались его, и, устремив на пациента пристальный взгляд, пребывайте в таком положении от 2 до 5 минут или до тех пор, пока не почувствуете, что между соединенными пальцами установилась одинаковая температура. Когда это произойдет, отнимите руки, разжимая их и поворачивая таким образом, чтобы их внутренняя поверхность оказалась снаружи, и в таком положении поднимите их до уровня головы. Затем положите руки на оба его плеча и оставьте их там приблизительно одну минуту, после чего ведите их вдоль спинного хребта и бедер вплоть до колен и ног.

Изложенной системой следует руководствоваться только при начале магнетизирования. Впрочем, я считаю нужным заметить, что нет необходимости в непосредственном прикосновении к голове и надбрюшной части. Это прикосновение, напротив, отвлекает внимание и несколько не усиливает действенность самого приема. Мне показалось также, что пассы, производимые вдоль становой хребтовой кости, не оказывают заметного действия, и я уже давно перестал к ним прибегать. Наконец, в виде общего правила скажу, что всякое непосредственное прикосновение, по моему мнению, излишне, и в интересах приличия я рекомендую всем магнетизерам от него воздерживаться.

Обычно я становлюсь перед человеком, которого собираюсь магнетизировать, на некотором расстоянии. После нескольких минут сосредоточенности, которая всегда должна предшествовать опыту, я поднимаю правую руку до уровня лба и медленно направляю пассы сверху вниз, вдоль лица, груди и живота. Каждый раз при движении рук я тщательно придаю своим пальцам такое положение, чтобы во время их поднятия к магнетизируемому была обращена тыльная сторона, а во время пассов — внутренняя.

Магнетизирование через голову

Это один из самых быстрых и энергичных приемов, из тех, что мне известны. Он состоит в следующем: вы садитесь напротив человека, которого собираетесь магнетизировать, и проводите несколько пассов сверху вниз по направлению рук, впереди лица и вдоль оси тела. Затем вы простираете свои руки на несколько дюймов от лба и теменной области и остаетесь в таком положении в течение нескольких минут. На протяжении всего времени, пока длится сеанс, магнетизер должен как можно меньше менять положение рук, ограничиваясь медленным перенесением их вправо и влево, затем к затылку и возвращаясь ко лбу, где они остаются в течение неопределенного времени, т. е. до полного усыпления субъекта. Тогда вы начинаете производить пассы вдоль колен и ног, чтобы привлечь жидкость вниз, как выражаются магнетизеры.

Дело в том, что с помощью жидкости очень удобно наглядно объяснять наблюдаемые явления, и в том случае, о котором здесь говорили, я бы очень хотел быть уверенным, что это невесомое вещество существует. Тогда у меня было бы право сказать, что, рекомендуя делать пассы по нижним конечностям, я советую магнетическое отвлечение.

Магнетизация при помощи взгляда

Этот прием доступен не каждому. Человек, использующий его, должен иметь живой, пронизательный взгляд, способный к долгому фиксированию. Даже при соблюдении всех требуемых условий он очень редко удаётся над субъектами, магнетизируемыми в первый раз, хотя мне недавно и удалось усыпить на первом же сеансе одной силой взгляда тридцатилетнего человека, несомненно, более сильного, чем я. Для этого используются следующие приемы: вы садитесь напротив субъекта и просите его смотреть на вас как можно пристальнее, а сами непрерывно фиксируете его глаза своими глазами.

Сначала он сделает несколько глубоких вдохов, затем его веки начнут мигать и скоро сомкнутся. В этом случае, как и в описанном до этого приеме, надо заканчивать сеанс несколькими отводными пассажами на нижние конечности. Однако если вы встретили со стороны субъекта противодействие, то вам трудно будет оградить его от приступов мигрени, которые часто сопровождают магнетизацию при помощи взгляда. Даже вам самим не всегда удастся ее избежать. Впрочем, опыт доказывает, что чем ближе магнетизер находится к магнетизируемому, тем могущественнее действие взгляда, но это не значит, что нельзя магнетизировать на большом расстоянии.

Система Фария

Аббат Фария, знаменитый магнетизер, который публично демонстрировал своих сомнамбул и умер с репутацией шарлатана, для усиления чудесного элемента в своих опытах и для придания большого блеска своим представлениям придумал систему, не имевшую подражателей и оказавшуюся успешной только в его руках. Он удобно сажал в кресло человека, который желал подвергнуться его влиянию, советовал ему закрыть глаза и через несколько минут сосредоточенности говорил ему сильным и повелительным голосом: "Спите!"

Это простое слово, раздававшееся среди внушительной и торжественной тишины из уст человека, пользовавшегося славой производить чуть ли не чудеса, обычно производило на пациента настолько сильное впечатление, что вызывало в нем легкое сотрясение всего тела, обильную испарину, а иногда и сомнамбулизм. В случае неудачи с первой попытки магнетизер подвергал пациента второму, затем третьему, а иногда и четвертому испытанию, после чего он объявлял его неспособным погружаться в сон ясновидца (*sommeil lucide*).

Эта система не сильно отличается от предыдущей, просто кабалистический аппарат, которым аббат Фария устрашал недалеких и доверчивых людей, уничтожая в них всякое нравственное противодействие, подготавливал их к более быстрому восприятию влияния сильной воли.

Брэду пришлось разбираться во всем этом вздоре. Он задался вопросом, не представляют ли все эти пассы простые гипнотические приемы и нельзя ли достигнуть тех же результатов при помощи созерцания одной точки, находящейся в состоянии покоя или в движении. Опыт увенчался успехом: ему удалось погрузить одного субъекта в гипнотический сон, заставив его созерцать металлический шар. Таким образом, теория о магнетической жидкости (токе) была разрушена.

С помощью этого чисто физического способа можно было достигнуть полной нечувствительности субъекта, так что Брэд мог оперировать загипнотизированных им больных. Его опыты были повторены во Франции Вернейлем, Брока и Лассегом и дали полностью тождественные результаты. Это был великий прогресс: хирургические операции можно было производить без боли. К сожалению, гипнотизм действует не на всех, и опыты часто оказывались неудачными, а затем появились хлороформ, эфир и закись азота (веселящий газ). Изыскания Брэда были преданы забвению до той минуты, пока их не возобновил отважный французский

ученый — профессор Шарко и не довел до той научной высоты, на которую мы с вами скоро поднимемся.

Но предварительно я познакомлю вас с рядом гипнотических опытов.

Животные тоже могут быть загипнотизированы — и именно при помощи приема Брэда.

Чтобы доказать вам это, упомяну о старинном опыте отца Кирхера. Возьмем петуха и будем держать его таким образом, чтобы его клюв упирался в черную доску. Затем от клюва проведем мелом черту, на которой оба его глаза немедленно сойдутся. Тогда я убираю руки, и петух остается неподвижным. Вы можете его щипать и жечь — он не шелохнется. Если заменить черту мела электрическим светом, то результат еще более усилится.

Животное можно подвергнуть своего рода воспитанию — после частых гипнотизации оно усыпляется гораздо быстрее. У меня был бентамский петух, которого я использовал для опытов. Подобно всем представителям этой породы, он отличался большой подвижностью и непокорностью, а между тем достаточно было поместить кончик пальца на его клюв, чтобы погрузить его в состояние полнейшего оцепенения.

С другой стороны, резкая неожиданность может произвести аналогичный результат. Мы встретимся с этим явлением у человека.

Я неожиданно хватаю цыпленка и кладу его спиной на стол: он остается неподвижным, так как впадает в гипноз. Преьер называет это состояние катаплексией, но слово не изменяет самого факта.

Тот же самый прием очень хорошо удается с воробьем. Если поместить голову птички под крыло, то продолжительность гипнотического состояния может быть очень велика. Нетрудно подвергнуть гипнозу и морскую свинку. Для этого берут предпочтительно самку и неожиданно кладут ее на спину. Она бесконечно долго остается в таком положении, не двигаясь и ничего не чувствуя, несмотря на то, что я ее очень сильно щиплю.

Вот другая свинка, на которую я одеваю блестящие стальные сережки. Несчастный зверек вращает глазами, чтобы увидеть их, и затем засыпает так крепко, что его невозможно разбудить. Я стреляю из револьвера над самым его ухом; усы его опалены, но он не двигается.

Все эти животные загипнотизированы. Их состояние характеризуется утратой восприимчивости органов чувств и потерей чувствительности, но они не спят и не видят снов — они не сомнамбулы.

Вы можете вызвать те же явления почти у любого человека, поддающегося гипнотизму, но, произведя опыт над истеричной, вы получите совсем другое состояние. Те же приемы приведут вас в данном случае к искусственному сомнамбулизму. Разницей в объекте опыта обуславливается и разница в последствиях. Именно здесь начинаются открытия Шарко и изыскания, произведенные в Сальпетриере, принимать участие в которых пришлось и автору этой книги⁴.

Практические указания для вызывания сомнамбулизма весьма несложны. Можно заставить пациента смотреть на блестящее тело. Для этого обычно садятся напротив человека, которого хотят привести в состояние сомнамбулизма. Через минуту или две его глаза начинают блуждать, затем они наливаются кровью, становятся влажными и, наконец, через некоторый промежуток времени, от одной минуты до четверти часа, в зависимости от стойкости субъекта, глаза его смыкаются, а голова свешивается. Усыпление произведено. Это первое состояние, в которое вы погружаете пациента, есть настоящий сон с полной потерей сознания, следовательно, это больше, чем гипноз.

Если субъект отличается некоторой подвижностью, то следует сжимать его большие пальцы. Что же касается пассов, т. е. движений рук экспериментатора перед глазами субъекта, то я заметил, что они всегда замедляют появление сна. Шарль Рише утверждает обратное, а именно, что он извлекал из них много пользы. Мне необходимо напомнить, что такое истеричная и в чем заключаются ее главные особенности, так как мы увидим, что ее сомнамбулическое состояние есть всею лишь видоизменение, а иногда простое воспроизведение присущих ей истерических явлений.

На первый взгляд истеричная ничем не отличается от любой другой женщины, разве что некоторой странностью в лице и одежде. Эти больные имеют обыкновение одеваться в кричащие и негармоничные цвета.

Прежде всего у них наблюдается анестезия. Истеричные действительно иногда отличаются нечувствительностью одной половины тела или обеих. Их можно колоть длинными иглами, и они ничем не чувствуют. Благодаря этому обстоятельству, с ними иногда случаются странные ошибки: половина их тела кажется мертвой, и они не знают, где находятся их руки и ноги, и если не видя их. Ишм да они позволяют жечь себя, даже не замечая этого. Однажды одна из больных Сальпе триера заметила утром дыру на только что одетой чулке. Она заштопала его и ходила так целый день. Вечером она никак не могла снять чулку. Истеричная просит, чтобы ей помогли, и вдруг оказывается, что она крепко прилипла к коже. Французский врач Бюрк доказал, что прикладывание металлических пластинок на нечувствительные очки возвращает им чувствительность (это называется металлотерапией). Однако комиссия, рассматривавшая это явление, констатировала, что в то время как чувствительность восстанавливалась в одной руке, она пропадала на том же месте в другой, так что субъект вследствие этого ничего не вышривал.

Анестезия распространяется и на душевные чувства: истеричные плохо слышат и, главным образом, не различают цветов, иногда одним цветом, а иногда и обоими. Они страдают ахроматопсией: им все кажется серым, они живут, если можно так выразиться, в атмосфере цвета сепии, что, вероятно, не очень то приятно.

Следовательно, их чувства погружены в состояние непрерывного усыпления, из которого их на время можно вывести некоторыми возбуждательными средствами, металлами, электричеством и магнитом.

Нередко их мышцы бывают парализованы ничто так не распространено, как истерические параличи. В других случаях их члены бывают сильно сведены и остаются в таком положении несколько лет, но иногда болезнь внезапно проходит от сильного душевного волнения.

К тому же эти контрактуры ЖМКО можно вызвать неожиданно схватив за руку истеричную, и этого зачастую будет достаточно, чтобы ее рука осталась сведенной в том положении, которое ей придали.

Наконец, у истеричных существуют периоды припадков, во время которых они воспроизводят почти все, чему мы достигаем при помощи магии.

Вы видите, как это просто. Надо только иметь терпение, когда производишь опыты, вот и все. Разумеется, никакой жидкости нет. Магнетизер не играет деятельной роли, все происходит в самом субъекте, мозг которого, благодаря гипнотическим приемам, словно уничтожен и поставлен в такие условия, что в нем посредством внушения можно будет вызвать любое сновидение. Нам удавалось таким образом получать автомата, похожего на указанных мною в естественном сомнамбулизме, но с той только разницей, что естественный сомнамбул часто подчиняется только внушениям своей памяти, между тем как искусственный сомнамбул, владея органами чувств, подчиняется нам.

Можно усыплять еще другим способом: просто прикладывая большие пальцы к опущенным векам субъекта, придерживая его виски руками и слегка надавливая на закрытые глаза. Этот прием оказывается успешным в применении ко многим людям.

Наконец, когда имеешь дело с предрасположенным нервным субъектом, можно ограничиться авторитетным возгласом: "Засните". Трагический жест является при этом тоже не лишним. Ведь таким же точно образом действовал и аббат Фария, знаменитый шарлатан, удивлявший мир лет двадцать тому назад. Первыми двумя приемами пользуются в Сальпетриере, к ним также прибегает и профессор из Бреславля Гай-денгайн.

Все сказанное нами относится к первым попыткам, которые производятся над субъектом. Но после того как больной был гипнотизирован врачом несколько раз, достигнуть этого состояния будет гораздо быстрее.

С приближением к нему от желудка к горлу слыдается крик и надаются лицевые вытягиваются, при этом кисти рук выворачиваются наружу. Все тело напрягается как бы в тетаническом припадке. Вначале истеричная прежде всего ощущает некачественную стесненность, известный прах, как будто у него поднимается тар. На самом же деле у него только мышечные сокращения пищевода. Затем больная вскрикивает, ее глаза закрываются, а на губах появляется слюна или пена. В то же время ее руки бьются, этот момент больная и пятки, а тело образует

резкий крик, изгибается в виде дуги, так что ее единственными опорами являются локти над постелью как бы арку мост. Так начинается тетанический период, заканчивается, и вслед за ним наступает ряд беспорядочных больших движений - клонический период. Он продолжается от двух до трех минут. После этого начинается период контраур. Иногда сведение охватывает все тело, иногда же только его часть. Так, например, контрактура рук нередко придает больной вид распятой, и эта распятость может продолжаться в течение нескольких дней, при полной нечувствительности, после чего начинается период покоя. По видимому, на этом все заканчивается, и больная засыпает. Но тогда начинается последний период, интересующий нас больше всего, - период лкстазов, названный Шарко "страстными аттитюдами" (*attitudes passionelles*). Истеричная, совершенно отчужденная от окружающего мира, не воспринимая ни звука, ни света, включается в сновидение. Его особенность заключается в том, что оно все время новто рается и в нем воспроизводится какое-нибудь одно событие или ряд происшествий из жизни больной.

В период "страстных аттитюдов" своею припадком истеричная в действительности является самопроизвольной и автоматической сомнамбулой. Теперь вы поймете, почему она легко может быть погружена в искусственный сомнамбулизм. Больная видит сначала какой-нибудь страшный предмет, и ее выражение (*attitude*) тоже становится страшным. Но черты ее лица успокаиваются, ее посещает другое, более приятное видение настоящий религиозный экстаз. В одном Париже можно найти до ста больных такого рода.

Сделав такое длинное отступление, я стремился освежить в памяти читателя ту почву, на которой нам придется действовать, ту среду, в которой гипнотические приемы вызывают истерические явления, во всем сходные с возникающими самопроизвольно. Эти явления суть искусственный сомнамбулизм, катаlepsия и автоматизм и легче. Здесь-то и начинается роль воображения и открывается благоприятное поле для шарлатанских проделок. Одна уже мысль о том, что усыпление должно произойти почти мгновенно, способствует погружению больного в сон. Если к тому же внушить ему, что магнетизер обладает тайной силой, сверхъестественным могуществом, то легко представить, до чего можно дойти в такого рода опытах.

Одна больная из Сальпетриера, Ж., убежденная в том, что я имел над нею особую власть, впадала в гипноз, где бы она меня ни встретила. Эта больная засыпала среди лекций и на лестницах.

Однажды ее в шутку стали уверять, что она внезапно будет усыплена волей экспериментатора во время одной публичной церемонии, которая должна была произойти через несколько часов, и больная предпочла не идти туда — так сильна была ее уверенность в неизбежности этого факта.

В таких случаях роль воображения громадна, потому что все происходит в самом субъекте. Несколько примеров наглядно продемонстрирую это читателю. Мне случалось убеждать больных в том, что им не выйти из больничной палаты, в которой они находились, так как я намагнетизировал дверные ручки. Они долго не решались прикоснуться к ним, но как только это делали, то тотчас засыпали. Нужно ли еще добавлять, что я ничею и не думал намагнетизировать? Этот опыт имеет значение, так как объясняет нам те случаи, когда субъекты засыпают, выпив стакан намагнетизированной воды, а другие — усевшись под намагнетизированным деревом.

Опыты намагнетизирования на расстоянии относятся к тому же порядку и вызваны тождественными причинами.

Сколько раз нам приходилось читать в сочинениях намагнетизеров, что им удавалось усыпить субъекта на расстоянии, в то время как они сами находились в собственной квартире! И в этом случае все зависит от объекта опыта.

Мы часто проводили следующий эксперимент. Больной П. говорили: "В соседней комнате находится юсподин Н., он вас намагнетизирует". Она проявляла тогда некоторое беспокойство и вдруг засыпала. Однажды ей сказали то же самое, и она также быстро заснула, но мы не только не находились в соседней комнате, но да же были за пределами Франции и совсем о ней не думали.

В другой раз мы сказали одной больной, что усыпим ее из своей квартиры в три часа дня, и спустя десять минут забыли об этой шутке. На следующий день нам сообщили, что больная действительно заснула в три часа.

Громадное количество вздора, наполняющего книги намагнетизеров, может быть объяснено очень сильным действием на подавленное воображение больных и сном, появляющимся независимо от каких-либо внешних манипуляций.

Наконец, каков бы ни был способ намагнетизирования, результат оказывается всегда один и тот же. И субъект остается неподвижен.

Тогда можно наблюдать несколько своеобразных явлений, из которых важнейшее есть перевозбудимость мышц. В нормальном состоянии наши мышцы возбудимы, сильные удары могут заставить их сократиться, но это может быть также достигнуто действием рефлексов.

В искусственном сомнамбулизме, когда действие спинного мозга не регулируется головным мозгом, мышцы сокращаются рефлекторно при самом слабом воздействии. Проведите как можно легче пальцами по предплечью спящей истеричной, и немедленно произойдет одна из тех замечательных контрактур, которая в "первичном состоянии" (*condition premiere*) может произойти сама собой. Можно производить контрактуры всех форм простым возбуждением некоторых изолированных мышц. Шарлатаны достигают этого при помощи пассов, слегка прикасаясь к мышечным группам. Вызывая контрактуру спинных мышц, они , придадут субъекту положения, которые несовместимы с равновесием.

Вот рисунки, на которых изображены две сомнамбулы: одна из них согнута под прямым углом и находится в неустойчивом положении, другая опирается затылком и пятками на спинки двух стульев в виде дуги. Привожу эти две позы, очень часто используемые делателями чудес, исключительно с целью объяснить читателю способ, каким я их получил.

Во время магнетической сна очень легко вызвать обыкновенную истерическую контрактуру. На это указывает тот факт, что, если разбудить больную в то время, когда у нее тело поражено контрактурой, она сохранит ее на неограниченный срок, а чтобы рассеять контрактуру, необходимо вновь усыпить ее, а это производится за счет возбуждения противодействующих мышц.

Изучение мышечной перевозбудимости привело Шарко и его учеников к очень любопытному исследованию, которое во многом способствовало успокоению лиц, опасавшихся обмана и кричавших о симуляции, хотя они сами и не присутствовали ни на одном сеансе.

В этой аудитории присутствует около 2000 человек. Кроме находящихся здесь нескольких врачей, никому, вероятно, не известны, как описаны Дюшэном действия лицевых мышц, и распределение нервов в

163

человеческой руке. Неужели вы полагаете, что неграмотная девушка, приехавшая в Париж из глубины Бретани, знакома со всеми подробностями физиологии? Я так не думаю. Нам сразу стало бы видно, притворяется она или нет. Раздражим ее локтевой нерв. Наверно, тогда она со-

вершит какое-нибудь беспорядочное движение? Вовсе нет, она сшибает только мизинец, безымянный и большой пальцы, потому что локтевой нерв распределяется только в мышцах этих трех пальцев. Я знаю сту dentов-медиков, которым эти факты неизвестны. Раздражим теперь грудинно сосцевидную мышцу, которая видна на нашей шее при ново рачивании юловы В)том случае истеричная всегда поворачивает голо ву к стороне, противоположной раздражению

Повторим на лицевых мышцах возбуждая их тотько карандашом, то, что Дюшэн сделал при помощи электричества, и тоща мы обнаружим все отмеченные им последствия, которые оказываются до того сложны ми, что даже мы, профессиональные физиологи, не можем удержать их в памяти Если этой дев\шке удастся симу шровать, то она должна об

шдать необыкновенной ученостью В заключение добавлю, что в сое го янии усыпления можно заставить человека встать, при этом он всюду будет следовать за вами, издавая стоны, если ктонибудь вздумает это му помешать

Второе состояние, в которое мо!ут быть пшружены истеричные при помощи гипнотических приемов, — это каталепсия Это странное со стояние, о котором я хочу вам рассказать, встречается у них при нор мальных условиях, а используемые нами приемы благоприятствуют ею развитию, впрочем, иногда оно появляется без всякого вмеша те льет ва эксперимент гора Перевести субл>екга из состояния усыпления в каталептическое состояние очень легко Для этого достаточно

неожиданно открыть ему глаза Он остается как будто прикованным к месту, взгляд его приобретает неподвижность, и вызванное положе ние, каково бы оно ни бы ю, сохраняется до бесконечности Субъекту можно придавать самые неудобные положения он удерживает их до тех пор, пока их не ишенят извне В этом состоянии самые причуд-

чивые и, по видимому наиболее противоречащие нормальному рав новесию положения могут сохраняться субъектом очень долго Их очень легко сфотографировать, так как каталептики не совершают ни малейшего движения.

Утверждают, что древние скульпторы пользовались ими в качестве моделей. Если этот факт и не до конца еще проверен, то он все же не лишен правдоподобности.

Я уже указывал, каким образом можно легко вызвать каталепсию, но есть и другие средства. Вспомните, с помощью каких средств можно наве- ять нормальный сон. Это, как я уже упоминал выше, действие дрожащего света или продолжительного и однообразною звука. Эти же самые физические средства вызывают каталепсию и у истеричных.

Предположим, например, что вы заставляете истеричную слушать очень продолжительные колебания сильного камертона. Ничто не действует столь раздражительным образом, как этот монотонный звук. Субъект быстро впадает в каталепсию, и, странное дело, он остается в таком состоянии только до тех пор, пока вибрирует камертон, но, как только тот перестает издавать звуки, больная падает и погружается в сон.

Действие, производимое звуком, достигается и посредством сильного света. Мы ставим перед электрической лампой нескольких человек, и они немедленно впадают в каталепсию. Если свет погаснет, то субъект падает навзничь, как и после приостановки вибраций камертона, и тогда уже начинается не каталептический сон.

То, что достигается при помощи продолжительного звука или интенсивного и постоянного света, может быть также вызвано внезапным шумом или мгновенной вспышкой света.

Однажды мне пришлось присутствовать в Сальпетриере при любопытной сцене. Во время одной публичной церемонии во дворе заведения стали играть военную музыку. Одна из больных, находившаяся под главным наблюдением Шарко, слушала ее с восторгом, как вдруг в оркестре очень резко заиграли медные инструменты — по всей толпе пробежал трепет, а истеричная впадала в каталепсию, и ее пришлось перенести в палату. Спустя некоторое время одна из ее товарок пошла во время отпуска на концерт Шателе. Вероятно, в этот день там играли музыку будущего. В определенный момент она вдруг погрузилась в каталепсию, стала неподвижной и бесчувственной, так что ее пришлось унести. Все описанные явления нетрудно воспроизвести путем опыта. Для этого достаточно внезапно поразить ухо каким-нибудь шумом, например, звуком китайского гонга. Всем известно, насколько он неприятен. Больную тут же охватывает ужас, и она остается прикованной к месту.

Мне удавалось воспроизводить действия в такой интересной форме, что я считаю необходимым изложить их здесь с некоторыми подробностями. Шесть истеричных женщин привели и поставили перед фотографическим аппаратом. Я им сказал, что буду делать групповой портрет, когда внезапно в соседней комнате раздался сильный шум. Все женщины одновременно испытали ужас и погрузились в каталептическое состояние, сохранив при этом те самые позы, которые были вызваны неожиданным шоком. Я сразу же открыл фотографический аппарат, и нам удалось получить клише, снимок с которого я здесь воспроизвожу.

Спустя некоторое время после этого происшествия двум больным удалось совершить побег из больницы. Добравшись до бульвара, беглянки пустились во всю прыть. Они были уже далеко, как вдруг столкнулись лицом к лицу с одним из больничных врачей, спокойно приближавшимся к Сальпетриеру. Это так их поразило, что они ментально остановились посреди улицы, как вкопанные, и пришли в каталептическое состояние. Вследствие этого образовалась толпа, и полицейским агентам, разумеется, нетрудно было поймать беглянок, которых тотчас же привели обратно в лечебницу.

Таким образом, шум и неожиданность вызывают каталепсию. Появление внезапного света или воспламенение, например щепотки пороха, сопровождаются аналогичными результатами.

Мать одной больной рассказывала мне, что она однажды видела, как ее дочь, остановившись перед зеркалом, неподвижно замерла с широко раскрытыми глазами в бесчувственном и бессознательном состоянии. Другая больная иногда засыпала во время шитья, глядя на наперсток.

Я должен, однако, предупредить читателя, что опыты подобного рода имеют свои неудобства. Каталепсия, произведенная внезапным ударом, может окончиться

истерикой. Однажды мы даже наблюдали, как это закончилось своею рода бешенством, продолжавшимся не менее пяти дней.

В сущности, каталепсию вызывает сильное и внезапное или слабое и продолжительное действие, раздражающее один из органов чувств. Субъект, находящийся в каталептическом состоянии, изолирован от окружающей среды. Он ничего не видит, не чувствует, не говорит и в этом отношении очень отличается от усыпленного субъекта. Наконец, при каталепсии не наблюдается перевозбудимость мышц. Но странно, что именно в этом состоянии легче всего вызвать автоматизм посредством внушения. Об этом предмете сейчас очень много юворят, это слово у всех на устах и даже не так давно вошло в обиход языка наших судов. Но если слово и таинственно, то самое явление весьма просто.

Следует различать два рода внушения: физиологическое и мысленно. Признаюсь, что я верю только в первое, и воздерживаюсь от высказывания решительного мнения о втором. Чтобы уверовать в него, я жду, когда опыты над этим явлением примут более устойчивый характер и более определенную и научную форму. Под физиологическим внушением я подразумеваю внушение, с помощью которого от данного субъекта можно добиться исполнения определенного ряда физиологических актов, в которых психическое участие ничтожно или ограничено.

Это будет первой ступенью автоматизма. Если человеку, находящемуся в каталептическом состоянии, придать позу, соответствующую страсти, любви, мольбе или ожиданию, то его лицо, вследствие ассоциированных рефлексов, немедленно примет выражение, требуемое для до полнения общего эффекта. Весьма любопытно воспроизводить на бес сознательном субъекте ряд явлений, которые полностью находятся в нашей власти.

Воспроизводя, например, мимику поцелуя, вы вызываете на лице субъекта выражение улыбки и блаженства. Если, наоборот, взять больного за сжатый кулак и толкнуть вперед с угрожающим видом, то черты его лица немедленно нахмурятся и в выражении лица отразится злоба и жажда мести.

Разве это удивительно? То, что происходит с каталептическим автоматом, случается с каждым из нас чуть ли не ежеминутно. Разве мы не приводили выражение нашего лица в гармонию с движениями рук? Разве мыслимо, чтобы на устах оратора, изрекающего угрозы, блуждала улыбка? Каталептик, которому внушают идею мольбы при помощи же ста, напоминающего ее, немедленно комбинирует все свои мышцы таким образом, чтобы воспроизвести полное "выражение" мольбы. Особенностью каталептика является то, что, имея усыпленный мозг (ингибированный, как говорят физиологи), он не способен изменить свое положение и остается бесконечно долго в том состоянии, в которое был помещен.

Вот изображение молодой девушки, приведенной в состояние каталепсии с помощью одного из вышеуказанных средств. Ее рукам искусственно придали положение, изображающее страх и ужас. Вы видите, что несчастная больная немедленно принимает полное "выражение", соответствующее этому чувству, и остается в нем неопределенное время.

Приемы физиологическою внушения крайне разнообразны. Мы действовали на зрение шпнотизированной, но можем также подействовать на ее слух. При помощи этой приема шарлатаны достигают самых блестящих результатов. Все недавно могли видеть в Париже одного из этих людей с очень красивой особой, которую он публично демонстрировал. Это была истеричная, долгу находившаяся на лечении в нескольких парижских больницах, но по отношению к ней лечение оказалось безуспешным.

Один из самых эффектных эпизодов этого прискорбного зрелища со стоял в том, чтобы заставить бедную девушку слушать звуки фортепиано или другую сходного инструмента, причем в зависимости от грустного или веселого темпа она или впадала в экстаз, или принималась танцевать. Одна часть ее мозга, еще бодрствовавшая, получала музыкальные впечатления, и все ее тело принимало вследствие ассоциированных рефлексов "выражение", соответственное первому ощущению.

Нам удалось сфотографировать каталептическую, находившуюся под влиянием такой внушения, и я привожу факсимиле оттиска, полученного на стекле. Вторая ступень автоматизма отличается большей сложностью и напоминает ту ее фазу, которую можно наблюдать при внушении естественному сомнамбулу идеи, влекущей за собою целый ряд других. Таким образом вызываются настоящие иллюзии.

Для достижения этого надо встать перед каталептиком и постараться обратить на себя его внимание, что, однако, очень трудно, так как почти все его чувства усыплены, но наши старания увенчались успехом. Все остальное совершается как бы само собою. Изобразим, например, как будто мы гонимся за птицей. Это движение немедленно внушает субъекту идею, влекущую за собой ряд других, и тогда каталепсия прекращается, сменяясь автоматизмом. Субъект встает и начинает быстро бегать. Ум больного пробуждается и вступает в область сновидений, причем иногда весьма любопытно бывает следить за их ходом.

Некоторые наши движения заставят его поверить в змею, другие — в религиозное видение, и это видение произойдет с такой ре-

альностью для сомнамбула, что ничего другого он больше не будет видеть.

Преследуя свою иллюзию, он, может быть, кинется на стеклянную дверь, окно или лестницу.

Перед больной, погруженной в каталепсию, мы производим ряд действий, изображая, что раздавливаем какое-нибудь ядовитое и отвратительное животное. Она немедленно отступает с отвращением и кричит — ей кажется, что ужасное животное преследует ее, и так как комната, предназначенная для фотосъемки, весьма мала, то она стучится обо все стены. Под конец, не надеясь спастись через дверь, больная пытается избежать опасности, цепляясь за занавески.

В тех случаях, когда внушенное действие совершается легко, субъект будет повторять его неопределенное число раз. Я кладу кусок мыла в руку одного из этих автоматов, он бесконечно долго будет вертеть его в руках, делая вид, что хочет умыться. Однажды этот опыт длился два часа.

Наряду с чисто физиологическим внушением нам придется коснуться и прославленного внушения мыслей. Я буду краток относительно этого пункта, так как до сих пор не наблюдал фактов, вполне для меня убедительных. Не следует, однако, отвергать его без рассмотрения, так как выдающиеся представители науки посвятили себя изучению этого вопроса и, может быть, в один прекрасный день смогут его обосновать, чего еще не произошло в настоящее время.

Мысленное (психическое) внушение обращается уже не к физиологическому автомату, а позволяет действовать на загипнотизированного посредством выраженных или невыраженных идей. Экспериментаторы, занимающиеся этими вопросами, так сильно убеждены в их ре-

альности, что никогда бы не решились дать те страшные приказания, коюры я сейчас упомянул. Убежденные в том, что их приказания немедленно будут исполнены, они вообще приказывают только безразличные вещи. Их обвиняют в отсутствии экспериментальной критики и в недостаточности мер, принимаемых

ими против симуляции. Без сомнения, притворщик (а они существуют), которому громко приказывают подняться по лестнице, не имеет никакого основания не подчиняться этому требованию. Если ему подносят стакан воды и говорят, что это чудесное вино, то ему совсем не трудно восхвалять вкус этого вина. Одним словом, условия, при которых производится до сих пор большая часть опытов, не позволяют в точности отделить истинное от ложного, действительность от обмана.

Для большей полноты мне необходимо сказать вам еще несколько слов о внушении мыслей на расстоянии и без словесного выражения воли. Экспериментатор находится в Лионе и силой одной лишь мысли

приказывает объекту опыта, живущему в Париже, совершить любое действие, которое только может придти ему в голову, и субъект совершает его в ту самую минуту, которую его повелитель втайне назначил для его совершения. Гипнотизер щиплет собственную руку, и это заставляет вскрикнуть от боли даму, проживающую в другой части города. Я не могу утверждать, что эти факты ложны — они засвидетельствованы людьми неоспоримо честными, что же касается меня лично, то мне не приходилось видеть их, и признаюсь, что отношусь к ним с некоторой долей скептицизма. К тому же я уже высказывался по этому поводу.

Я сообщил читателю способ, каким можно усыпить больного. Теперь мне остается указать на приемы, при помощи которых его можно пробудить. Если вы хотите вернуть каталептика к состоянию обыкновенного сна, то вам следует только закрыть ему глаза, опустив веки. Эту манипуляцию надо производить весьма осторожно. Может случиться, что все мышцы субъекта сразу же расслабятся вследствие наступившего мрака и вашего внушения заснут и он грохнется на пол. Мне иногда приходилось быть свидетелем таких явлений.

Чтобы вернуть субъекта к обычному состоянию, магнетизеры производят освобождающие пассы, врачи же просто дуют на лицо или спрыскивают его несколькими каплями воды. Сильное возбуждение, вызванное такими действиями, как правило, сопровождается пробуждением. Скажу еще, что заставлять сон длиться сверх меры — более чем опрометчиво. Насколько мне известно, два субъекта подверглись очень серьезной опасности и чуть не умерли по причине того, что их сон продолжался более 24 часов. При этих условиях дыхание почти останавливается, сердце еле бьется и экспериментируемого может постигнуть асфиксия (задушение).

Я заканчиваю, сообщив вам все, что знал и видел относительно пресловутого животного магнетизма. Я только не сказал ни слова о чтении мыслей с завязанными глазами или при помощи "второго зрения", об отгадывании и лечении болезней при помощи магнетизма. Эти предметы не имеют ничего общего с наукой, вот почему я не счел уместным касаться их в аудитории Сорбонны. Нет ничего удивительного, что столь причудливые физиологические явления, как только что упомянутые мной, могли соблазнить шарлатанов и ввести в заблуждение глупцов.

Позвольте мне в заключение выразить желание, руководившее мною в изложении этой главы. Я хотел убедить читателя в том, что изумительные явления магнетизма и сомнамбулизма суть только патологические преувеличения или болезни сна и что они, будучи вполне определенными, могут быть воспроизведены, когда и как угодно, на специальных больных, без всякой жидкости и не призывая на помощь высших и сверхъестественных сил. Если бы я достиг этого результата, то уничтожил бы одно из самых нелепых суеверий, к сожалению, еще достаточно распространенных в пестрой массе полуобразованных людей.

Деятнадцатый век. Морфиномания и эфиромания

Два модных яда — морфий и эфир

Кто-то однажды сказал Фонтенелю, что кофе — медленно действующий яд. "Я это заметил, — ответил остроумный академик, — потому что скоро исполнится уже 50 лет с тех пор, как я его ежедневно пью".

То, что в устах изящного писателя было лишь капризной выходкой, увы, является привычным рассуждением для многих людей, позволяющих медленно, но верно вести себя к могиле в тех случаях, когда опасность не угрожает им немедленно. Они делают это как будто нарочно и часто даже из желания следовать моде. Несомненно, что если в наше время рост населения замедляется, то нельзя сказать того же о причинах всякого рода общественных бедствий. Мы постоянно чувствуем, как они угрожают нам со всех сторон. Микроскоп в руках одного из известнейших ученых показал нам в воздухе, которым мы дышим, в воде, которую пьем, миллиарды неуловимых врагов, настоящие шайки разбойников, набрасывающихся на наш бедный организм.

То холера время от времени опустошает наши ряды, то чума угрожает нам с востока, то дифтерия подкашивает наше юное поколение, то тиф укладывает целые ряды наших юных солдат. Мне не хватило бы времени все перечислить. К тому же сюда добавилась человеческая изобретательность: еще неизвестно, на чем остановятся изобретатели торпед, картечных и магазинных ружей.

Но даже этого было еще недостаточно! Среди нас, в наших семьях, есть люди, преспокойно отравляющие себя ради удовольствия или ради моды.

Вы, вероятно, о них слышали: это — морфиноманы. Они уже несколько раз фигурировали в уголовных процессах в роли подсудимых. В Англии один за другим появляются все новые несчастные, которым не достаточно крепкого джина, и они заменяют его эфиром. Это — усовершенствованные алкоголики, путем научного прогресса сменившие простых пьяниц, подобно тому, как морфиноманы произошли от восточных териаков и китайских курителей опиума. Это сравнение вполне оправданно, и не только по причине аналогичного состава ядов, но также их физиологического действия и тождественности социальных причин, вызывающих их употребление.

Наши азиатские предки, уже завещавшие нам много недугов, до сих пор, однако, оставляли при себе странное пристрастие к опиуму и его вариантам.

В Китае уже очень давно курят опиум, а на востоке едят его. Позвольте же мне сказать несколько слов о предках наших морфиноманов, чтобы вы могли лучше представить себе их историю.

Если внимательно посчитать, то окажется, что число пристрастившихся к опиуму среди мусульманского населения скорее сокращается, чем увеличивается. Замбако, долго живший на востоке, указывает на причины этого явления. Турок искал в опиуме род опьянения и очаровательного небытия, которое он теперь с большей легкостью находит в шампанском или красном вине. Последнее средство доставляет ему, кроме того, вкусовое наслаждение, отсутствующее при потреблении опиума. Это зависит от ослабления религиозного чувства как там, так и здесь, причем повсеместно люди, не желающие открыто порывать связь с Кораном, стараются идти с ним на компромисс. Во времена Магомета ни ром, ни коньяк не были еще изобретены, следовательно, он не мог запретить их употребление. А что не запрещено, то разрешено, поэтому иной мусульманин, считающий вино до того нечистым, что даже не решится прикоснуться к нему рукой, до беспамятства напивается водкой, не опасаясь потерять свою долю в царстве небесном.

Но люди религиозные, особенно улемы, рассуждают иначе: они все еще придерживаются опиума, принимая его в шариках от 0,05 грамма до 0,10 грамма, которые держат при себе в золотых коробочках, откуда и извлекают их время от времени. Они потребляют опиум в основном после обеда, во время начала пищеварительного процесса, подобно тому, как мы в это время пьем кофе или чай. Первым результатом является далеко не сон, как можно было бы подумать, а своего рода умственное и физическое возбуждение, превращающее восточного человека, от природы грустного, в шумного, болтливое и раздражительного субъекта, любящего поспорить.

Баралье рассказывает об одном черноморском скииере-териаке, который каждый раз перед утомительным переездом должен был проглатывать несколько опийных пилюль. После этого он приобретал необыкновенную ловкость, а если оставался без своего обычного возбуждающего средства, то делал тысячу промахов и становился очень опасным кормчим.

Турки не довольствуются тем, что сами едят опиум, — они даже дают его лошадям.

Берне рассказывает, что ему всю ночь пришлось путешествовать верхом с одним туземцем: "После утомительного перехода в 30 миль я был вынужден принять сделанное им предложение — остановиться на несколько минут. Он использовал это время, чтобы поделиться со своей лошастью дозой опиума, равнявшейся 2 граммам. Результаты этого приема не замедлили проявиться у обоих: конь свободно прошел за день 40 миль, а всадник стал деятельнее и живее".

К сожалению, чтобы поддерживать это искусственное состояние, необходимо постоянно увеличивать дозы. Тогда начинается второй период опиофагии — период отупения.

Чтобы предаваться своему пороку, териаки объединяются в собрания: представители высших классов собираются в своих домах, а народ — в специальных кабаках. "Двенадцать турок, — говорит Лангиори, — сидели на диване. После обеда подали кофе, а затем перешли к опиуму. Вскоре проявилось действие этого вещества: некоторые из молодых турок стали живее и веселее обычного, они пели и смеялись, другие же в бешенстве вскакивали со своих мест, выхватывали сабли и принимали оборонительные позы, не нанося, однако, никому ни ударов, ни вреда. Явилась полиция, и они позволили себя обезоружить, продолжая, тем не менее, кричать. Некоторые, более старые, впали в отупевшее состояние и стали дремать. Один из них, семидесятилетний посланник, остался совершенно к крикам и сабельным ударам. Его глаза оставались открытыми — он видел, чувствовал, но был не способен произвести какое либо движение".

Очень редко удается быть свидетелем подобной сцены, так как люди среднего класса обычно скрываются от иностранцев, предаваясь своей страсти, напротив, гораздо легче наблюдать низшие классы в опийных кабаках.

"В Константинополе, — пишет Замбако, — находится кофейня, специально предназначенная для опиофшеров низших классов. В полутьме, сидя на скамьях, прикрепленных к трем стенам лавки, они тихо и угрюмо предаются своим мечтаньям. Если бы наблюдатель мельком заглянул в это логово лени, то ему удалось бы присутствовать при зрелище, которое вполне правдиво может воспроизвести лишь фотография. Он увидел бы лиц всевозможных типов, украшенные чалмами бесконечно разнообразных форм, глаза с более или менее опущенными веками, в зависимости от степени наркотизации и отупения, головы с различными выражениями, закинутые назад и опирающиеся то на стену, то на плечо соседа или тяжело опорокинутые на грудь и ритмически покачивающиеся в ту или другую сторону. Он увидел бы людей с локтями, опирающимися на колени, раскрытые рты, из которых течет слюна, или же губы, издающие при каждом вдохе

шум, как из клапана, причем тишину эту замо! ильного собрания, напо минающего по своему мрачному} виду массовую агонию, иногда нарушает гортанный храп" Вот неполная картина эту эльдорадо опиофагов.

Приблизительно такое же зрелище представляют знаменитые курительные комнаты Дальнего востока. В Китае не едят опиума, а курят его. Это факт общеизвестный и я не остановился бы на нем, если бы не считал интересным показать, чем угрожает подобное несчастье нам самим, если только морфиномания будет распространяться среди нас с та кой же интенсивностью.

Несколько веков тому назад опиум был в Срединном Царстве предметом большой роскоши, предоставленным мандаринам, которые пользо вались им открыто, но запрещали употреблять его низшим и средним классам. Исключение делалось только для гостей и иностранцев. С тех пор опиумом стали мало-помалу злоупотреблять, а с 1840 года это злоупотребление достигло небывалых размеров.

Этот факт, как всем известно, был вызван экономической причиной, которую я смело назову отвратительной. Китайцы в уплату за свои продукты принимали только золото и серебро в виде монет или слитков. Та ким образом, деньги, однажды попавшие в страну, больше ее не покидают, вследствие чего Европа и Америка подвергались со стороны Китая своего рода золотому дренированию. Англия, индийские владения которой производят баснословные количества опиума, вынудила Китай знаменитым трактатом 1840 года согласиться на ввоз опиума в эту страну и на уплату за него золотыми слитками, а не товарами. Китаю приходится, таким образом, отдавать обратно большую часть денег, которые он удерживал про запас. Эта торговля приняла огромный размах. Я позаимствую из одного английского издания виды, сделанные на одной индийской фабрике Громадные палаты предназначены для обработки маковой сока, другие — для его сушки в пиняных горшках Здесь изготавливают не один миллион пудов яда.

Вы получите полное представление о значительности этой операции, когда узнаете что баже в настоящее время в Китай ввозится 70 000 ящи ков индийского опиума стоимость которых достигает, по крайней мере 120 МИЛЛИОНОВ р/б ИСН На 120 миллионов рублей яда, навязанно ю целой нации на основании права войныт Помните при этом о Фо вс icВСКОМ преде казании что холера будет свободно ввозиться в Евро ну го тько уш того чтобы несколько тюков хлопка бьпи скорее доставлены в Лондон, и вы, вероятно, зайдете в тупик каким образом одни и те же люди могут, с одной стороны, проявлять такой бездуш ный меркантилизм, а с другой — издавать драконовские законы, направленные против ученых экспериментаторов, которые используют животных для своих опытов с целью облепить страдания человечества. Эти самые люди совсем недавно приговорили к тюремному заключению знамениого врача за то, что он на гигиеническом конгрессе осмелился умертвить кролика. Он сделал это, чтобы доказать вред, который оказывает чрезмерное употребление абсента

Как бы ни было китайцы курят опиум с 20 или 25 ютнего возраста (с этой целью они пользуются грибками разных форм, некоторые образцы которых я привожу в книге. Опиум, скатанный в виде маленьких шариков, помещают на головке трубки при помощи иглы и затем зажигают на лампе.

Первое последствие, вызванное употреблением этого вещества, есть головокружение Все нравственные заботы и физические страдания исчезают, затем, как и в опиофагии, наступает шумный бред, нечто вроде маниакального состояния, во время которою субъект волнуется кричит и крушит все вокруг себя, он выбегает из дому, кидается на первого встречного и убивает его Рассказывают, что однажды такой бешеный бросился на пику полицейского солдата с такой силой, что не только насквозь прокололся ее копьем, но даже добрался по ее древку до своего противника и заколол его кинжалом Для

предупреждения подобных случаев некоторые полицейские с гужителями вооружены ударами, которыми они отгоняют курителя опиума и, приперев их к стене, держат так до тех пор, пока им не удастся их обезоружить.

В Китае существуют кабаки, похожие на турецкие, где низшие классы предаются курению опиума. Владельцы этих заведений обязуются связывать их, если ге начну!1 бесноваться. Когда же курители впадают в состояние отупения, их укладывают на диваны. В некоторых местностях существуют даже погреба, ? де закрывают курильщиков, и они могут там кричать, вопить и драться, не рискуя привлечь внимание полиции. Нередко, когда поутру открывают эти вертепы, то находят там несколько мертвых тел. Не так давно английское правительство открыло в Лондоне одно из таких учреждений, завезенных туда китайцами. Нетрудно догадаться, что мозг не может долго выдерживать подобные излишества. И действительно, куритель опиума, как и тот, кто ест опиум, вынужден постепенно увеличивать дозу принимаемого им яда. После 6 или 8 месяцев он должен выкуривать уже десять трубок в день. Все его день-и уходят на эту отраву, и он быстро разоряется — продает все свое имущество, затем играет, и коща все потеряно, то проигрывает свои пальцы, отрубая топором по одному суставу каждый раз, коща оказывается в проигрыше (Баль). Авторы единогласно утверждают, что максимальный срок жизни курильщика не превышает пяти-шести лет.

Кроме умственной оцепенения, куритель начинает страдать худосочием и теряет аппетит. Функции орнизма нарушаются, цвет лица приобретает свинцовый оттенок, а тело становится таким худым, что производит впечатление скелета, покрытого кожей.

Ввиду таких пагубных последствий правительство пыталось противодействовать этому злу: прежде всего, оно наложило пошлину на привозный опиум.

Однако эта система оказалась неудачной, так как китайское чиновничество не только лжет, но и ворует, получая большую часть своих доходов от взяточничества. По уверению де-Можа, шанхайский тао тай получал до миллиона франков взяток за разрешение ввозить контрабандный опиум. Ввиду невозможной неудачи правительство прибегло к уголовному преследованию. Вот указ, изданный в 1841 году кантонским вице-королем:

"Прошло уже два года с тех пор, как глава Небесной империи запретил всем своим подданным курение опиума. Льготный срок, полагавшийся для приведения в исполнение этого закона, истекает 12-го числа 12-го лунного месяца настоящего года. Тогда все виновные в нарушении указа будут казнены, а головы их выставлены публично, для устрашения тех, кто вздумал бы им подражать. Я решил, однако, что одиночное заключение будет более действенной мерой, чем смертная казнь, для пресечения этого ужасного зла, а потому объявляю во всеуслышание, что близ Вечных ворот строится специальная тюрьма для курителей опиума. Здесь все они — старые и молодые — будут посажены в тесные камеры, с одним окном и двумя досками, приспособленными для спанья и для сиденья. В случае повторения проступка, виновные подлежат смертной казни".

Эта законодательная мера имела свои недостатки — тяжесть наказания не соответствовала размерам преступления — и потому оказалась неосуществимой.

Представьте себе, что наши суды стали бы приговаривать к гильотине всех курящих или нюхающих табак? Тогда постоянно находились бы поводы для применения права помилования.

Наконец, оглянувшись вокруг себя, император убедился, что его собственные жены курят опиум, и я не поручусь, что, если бы он захотел в точности исполнить изданный им закон, ему бы не пришлось начать с самоубийства.

После неудачи карательных мер принялись за морализацию и проповеди. Народные картинки переполнились всевозможными изображениями злоключений, постигающих курителя опиума. Мы помещаем здесь ряд подобных картинок, на которых воспроизведены страдания, угрожающие курителю. В начале нам показывают состоятельного человека в роскошном доме. Он начинает курить опиум, несмотря на увещания друга, курящего табак из кальяна. Его семейство обеспокоено. Жена умоляет его отказаться от своего порока, в соседней комнате его престарелая мать безмолвно льет слезы, а сын пользуется этим случаем, чтобы утащить трубку, причинившую семье столько зла.

Но опиум уже сделал свое дело. Деморализация усиливается с каждым днем. Глава дома бросает свои занятия, расточает свое состояние, отказывается от торговли, целые дни проводит в мечтаниях, в то время как высокооплачиваемые скоморохи играют на инструментах около его софы.

Четвертая картинка: наступает бедность, дом его уже менее богат, и несчастный продает мебель, чтобы иметь возможность предаваться своему пороку. Он перестает давать деньги своим родственникам, а жена вынуждена брать работу на дом ради насущного пропитания. Прислуга занята исключительно приготовлением опиума для хозяина. Обратите, однако, внимание на лицо последнего — как оно изменилось, после того как болезнь и порок наложили на него свою печать.

Самое большее, на что он способен, это привстать с постели — так велико оупение, до которого он дошел. Вот почему на пятой картинке мы уже видим его лежащим. Его жена заливается горькими слезами, а престарелая мать, держа узелок в руке, объявляет, что покидает дом, но глава семейства остается невозмутимым.

К несчастью, он не всегда ведет себя таким образом. На курителя опиума, как я уже говорил, иногда находят припадки безумного бешенства, во время которых он бьет всех окружающих. Автор показывает нам, как он ломает мебель, бьет жену и ребенка. Его верный слуга пытается остановить его, но тщетно. Пристрастие к опиуму владеет им безраздельно. Куритель продал свой дом и одежду. Вот он лежит на циновке в сарае и просит милостыню, а на вырученные деньги покупает свой любимый яд. Семья, проникшись к нему отвращением, бросает безумца, а своему сыну он внушает страх. Его внешний вид становится так ужасен, что прохожие при встрече с ним пускаются в бегство. Тогда он начинает бродить по пустынным местам в украденной одежде, но даже собаки — и те преследуют его. Страшно утомленный, покинутый, он садится под дерево. У него нет больше опиума для удовлетворения своей страсти, он сознает свою вину, но уже поздно. Наступает зима, и несчастный ждет смерти, не имея даже камня, чтобы преклонить голову.

Вот поразительно грустная и очень поучительная картина. И что же, вся эта пропаганда имела почти такой же успех в Китае, как наши общества трезвости, и по сей день все осталось без изменений.

У нас, как правило, не встречаются опиумоеды и курители опиума. Тем не менее существуют некоторые люди, которые для облегчения страданий постепенно приучают себя к приему довольно больших доз этого вещества.

Баль имел возможность наблюдать в Сальпетриере одну женщину, принимавшую по 60 граммов опия в день. Замбако упоминает об одной своей больной знакомой, принимавшей его по целому стакану за один раз. Я сам видел человека, долго жившего в Китае, который выпивал в день стакан опийной настойки доктора Руссо. Но в настоящее время всем известно, что у териаков и курителей опиума есть собраты в Европе: это — морфиноманы.

Между первыми и последними существует такая же разница, как между варварами и цивилизованными людьми: цивилизация налагает свою печать даже на способ отравления.

Восточный житель ест или курит просто сок мака, в том виде, в каком он существует в природе. Европейец же более утончен: он находит одну из активных составных частей опиума и вводит ее в свой организм таким образом, чтобы не ощущать его неприятного вкуса.

Опиум — сложное вещество. Он включает в себя не менее 17 различных ядов, количество которых колеблется в зависимости от его происхождения. Самые главные из них — морфин и кодеин, часто используемые в медицине. Именно они, особенно первый, и служат средством для хронических отравлений, затронутых нами в этой главе.

Каким образом превращается в морфиномана какой-нибудь француз или русский, которого не влечет к этому сила общей привычки или существование специальных заведений?

Это происходит двумя путями. Самой обычной причиной, вызывающей морфиноманию, бывает какой-нибудь временный недуг, вроде невралгии лица или зубов, или сильные желудочные и головные боли. Врач, наблюдающий больного, тщетно испробовав все средства и желая отвязаться от пациента, тем более несносного, чем сильнее он страдает, прописывает больному подкожное впрыскивание нескольких сантиграммов морфия.

Это дает поразительный результат: боли моментально прекращаются, но на другой день они возобновляются с новой силой. Несчастный пациент вспоминает, как успешно действовало успокоительное средство, принятое им накануне, и требует нового приема. Врач вынужден уступить, и это продолжается в течение нескольких дней. Тогда у больного начинает проявляться привычка к яду, и одного впрыскивания в день уже недостаточно для прекращения страданий. Теперь организм требует их уже два, три, четыре в день и т. д. После этого происходит странное явление: первоначальный недуг, требовавший лечения морфием, уже давно исчез, а больной все еще не может отказаться от употребления морфия. Если он в течение нескольких дней не примет свою отраву, то вскоре ему напомним о ней сильное недомогание, заставляющее его забыть все и ежедневно усиливать принимаемую им дозу, которая в конце достигает ужасающих размеров.

Услужливость врачей служит одной из причин, благоприятствующих излишества, которым предаются морфиноманы. Врачи сами свидетельствуют об этом факте в своих ученых трудах, и мы увидим, что они несут за это суровую кару, так как многие из них становятся жертвами морфия задолго до своих пациентов. Когда больной в первый раз настоятельно требует морфия, то его домочадцы прибегают к врачу, который собственноручно производит эту маленькую операцию. Но когда приходится повторять впрыскивание по нескольку раз в день, то он вручает сиделке или родственникам больного маленькую склянку с морфием и серебряный шприц для подкожного впрыскивания, и тогда все потеряно. Разве возможно противостоять мольбам любимого и страдающего человека? Хотя врач и запретил производить более одного впрыскивания в день, но ведь это не математическая истина, а потому родные позволяют себе немного увеличить дозу. Затем, в один прекрасный день, больной сам завладевает шприцем и тогда бесконтрольно, повинаясь своей страстной жажде, впрыскивает морфия в количествах, о которых я сейчас вам сообщу. Ничто не мешает ему предаваться своему безумию. Он бесконечное число раз предъявляет в аптеку первый рецепт, полученный им от врача, и таким образом постоянно возобновляет его. Случалось, что по рецепту на 10 сантиграммов больной успевал получить в общей сложности более 2 фунтов (0,9 кг) морфия.

Таков первый способ превращения в морфиномана, это естественный и честный путь. Но есть и иной способ: светский, привлекательный и изящный. Первые из упомянутых нами морфиноманов — несчастные больные, которые стремятся

облегчить страдания. Вторые же — утонченные люди, ищущие в наркотических раздражениях ощущения, которые им больше не доставляют их притупленное воображение и несколько расшатанные нервы. Из этой среды выходят настоящие миссионеры морфино-мании. Известно, что все порочные люди любят плодить себе подобных. Басня о лисе с отрубленным хвостом появилась не вчера. Пьяницы испытывают глубокое презрение к воздержанным людям и стремятся увлечь своим пороком окружающих. Увы! Их пропаганда оказывается весьма успешной. Всех морфиноманов характеризует одна общая черта — они любят пропагандировать свой порок. Встречаются два приятеля. Один жалуется другому на тоску и грусть: ничто его больше не привлекает, ни светские удовольствия, ни бега, ни театр — он убийственно скучает. Светский человек, тайно предающийся пьянству, не решится посоветовать другому топить горе в вине, но морфий — это лекарство, а поэтому, рекомендуя его, в определенном смысле исполняешь роль врача, а ведь известно, как любят принимать на себя эту роль светские люди. Переходя от одного признания к другому, советчик наконец сознается в том, что и он испытывал тоску, но стал употреблять морфий, о котором ему говорили, и с тех пор хорошо себя чувствует.

Таким образом, благодаря одним только беседам, создается как бы новая секта из волонтеров армии морфиноманов. Все о ней говорят, и даже литература и театр воспользовались этим сюжетом. Мы уже видели "Графиню Морфин" Малла (Comtesse Morphine). Послушайте, что говорит об этой новой страсти Додэ в романе, справедливо заслужившем известность, а именно в "Евангелистке". "Эта бедная Лостанд... Еще одна несчастная женщина... Ты слыхал о смерти ее мужа, о его падении с лошади во время больших маневров... Бедняжка не могла утешиться... и чтобы немного забыться, прибегла к впрыскиваниям морфия... Она превратилась в... как их называют... в морфиноманку... Существует целое общество подобных ей... Когда они собираются, то каждая дама приносит с собою маленький серебряный футляр с иглой, ядом... и потом вдруг погружает ее в руку или ногу. Это не усыпляет, но чувствуешь себя после того хорошо. — К несчастью, эффект каждый раз оказывается слабее и приходится увеличивать дозу".

Более того, желание распространять эту пагубную страсть иногда принимает совершенно невообразимые формы. Недавно в прессе появилась заметка, которую я позволю себе здесь привести:

"Анатоль Дюрен, живущий в Париже и много лет страдающий морфи-номанией, передал свою ужасную страсть... своему любимцу-коту! Подобно большинству морфиноманов, Дюпен постоянно вербовал новых приверженцев любимого порока, и, терпя неудачу у людей, он решил приучить к впрыскиваниям морфия своего собственного кота... Результаты сказались довольно скоро, и кот до того пристрастился к яду, что через некоторое время стал сам настоятельно требовать у хозяина своей обычной порции".

Страсть к роскоши, охватившая все отрасли промышленности, проникла также и в морфиноманию. Маленький шприц, приспособленный для подкожного впрыскивания морфия и дающий возможность избежать внутреннего приема опиума, горький вкус которого и вызываемая им рвота весьма неприятно действуют на пациента, — этот шприц приобрел остроумные и художественные изменения.

Прежде всего, ему придали такую форму, чтобы его было легко переносить и вместе с тем без труда прятать. Я обратился к одному из крупнейших парижских фабрикантов хирургических инструментов, и он показал мне целый арсенал современной морфиномании, носящий отпечаток вкуса, роскоши и изобретательности его покупателей.

' Вот шприц, заключающий в себе сантиграмм морфия, который ис

пользуют врачи. Он недостаточно изящен, с ним трудно управляться и не легко скрывать. Таким шприцем пользуются только завзятые морфиноманы, которые гордятся своим увлечением. Но вот другой шприц, ловко спрятанный в карманной спичечнице. Рядом с ним находится флакон, в который входит порция яда, достаточная для послеобеденного времени.

Далее мы видим фальшивый портсигар, в котором помещаются все приспособления для впрыскивания морфия.

Еще более уточненным считается продолговатый футляр. Так как в обществе неудобно набирать морфий шприцем из флакона, морфиноманы стали заранее наполнять им очень длинный шприц, который они всегда носят в кармане полностью заправленным. Время от времени они делают себе укол, и после каждого приема морфия им нужно всего лишь немного подвинуть поршень, до тех пор, пока к вечеру шприц не окажется совершенно пустым.

Мне приходилось видеть маленькие золотые шприцы, вложенные во флакон из-под английских солей. Вот серебряный футляр в виде дамского несессера. Раскроем его, и что же там внутри: прелестный маленький золотой шприц и склянка с ядом. В среде великосветских морфиноманов принято делать к Новому году особого рода подарки, состоящие из эмалированных шприцев и склянок, покрытых эмблемами и гравюрами и заключенных в футляры с монограммами и гербами. Цена такой вещицы, заказанной в прошлом году богатой морфиноманкой для своей соратницы по токсикомании, достигала 350 франков (около 150 рублей). Мой перечень был бы неполным, если бы я в заключение не упомянул о громадном шприце, вмещающем в себе 10 граммов яда. В сравнении с миниатюрными шприцами дилетантов морфия, это все равно что морское орудие по отношению к маленькой горной пушке. Он принадлежит больному, которого я знаю и о котором буду подробно говорить дальше.

Таким образом, морфиномания не всегда является результатом страданий или огорчений. Некоторые употребляют опиум по той же причине, по какой многие курят, пьют или занимаются музыкой, — чтобы убить время, развлечься и наполнить смутными мечтаниями пустоту, остающуюся от праздной жизни. Вот почему в ту минуту, когда я это пишу, высшее парижское, а, может быть, также лондонское, берлинское и даже петербургское общества мирно отравляются. Завершив изложение причин морфиномании и не приступив еще к изложению ее ужасающих последствий, я считаю уместным хотя бы слегка коснуться ее этиологии.

Прежде всего постараемся выяснить, кто чаще подвергается морфиномании — мужчины или женщины? Если верить печатной статистике, то в числе морфиноманов значительно преобладают мужчины, а именно — их приходится 100 на 25 женщин. Но женщинам рано ликовать. Все врачи-практики единогласно утверждают, что морфиноманок намного больше, просто они более скрытны. Один автор, книга которого сейчас лежит передо мной, говорит даже, что они более лживы. Я не премину воспользоваться изложенными им фактами. Женщины, действительно, однажды поддавшись пороку, предаются ему без удержу. Состояние умственного помрачения, в которое они впадают, нарушает весь порядок их жизни меньше, чем жизнь мужчины, вынужденного зарабатывать средства для существования. Они не обращаются к врачам, вот почему их не вносят в статистику.

Весьма любопытен тот факт, что из 100 морфиноманов 51 принадлежит более или менее к медицинской среде, т. е. это врачи, студенты-медики, сиделки и сестры милосердия. Этот факт объясняется легкостью, с которой упомянутые лица могут доставать аппарат, необходимый для впрыскивания морфия.

Должно быть, жить под влиянием этого яда весьма приятно, если столько людей готовы ради него на любые поступки. Да, но только не в начале. С морфиноманией происходит то же, что и со всеми другими порочными привычками — начало всегда неприятно. Кто не помнит, как горька была первая выкуренная им сигара? Какой пьяница не корчил гримасы, пропуская первую рюмку водки, а затем!.. С морфием повторяется та же история: первые впрыскивания причиняют боль, укол бывает весьма ощутим, затем часто следует тошнота и рвота, и это, пожалуй, самое счастливое обстоятельство, так как многие из-за него не идут дальше.

Но надо признать и то, что привычка образуется довольно быстро, и тогда возникает митридатизм: неприятные свойства яда ослабевают и исчезают.

Введение опиума при таких условиях почти моментально производит общую чарующую затуманенность сознания, как бы уничтожение всего существа, вследствие которого реальная действительность исчезает и заменяется блаженной мечтательностью, и в самом начале процесса даже кажется, что ум стал более живым и острым. Это состояние очень похоже на то, которое испытывает умный человек и приятный собеседник после легкого опьянения.

Физические и нравственные страдания исчезают, все горести на время забываются: "Всем известен, — говорит Баль, — знаменитый Гамлетовский монолог и то место, в котором принц восклицает, что если бы не боязнь неизвестности, то никто не стал бы колебаться не ред возможностью забыть все житейские невзгоды и погрузиться в вечный мир, когда для этого достаточно прибегнуть только к стальному острию! Это острие, о котором говорит Шекспир, эта игла-освободительница, она в нашей власти. Уколом иглы мы можем заглушить нравственные страдания и изгладить из нашей памяти людские несправедливости и удары судьбы. Теперь легко понять непреодолимое могущество этого чудесного яда".

К несчастью, с морфием происходит то же, что с опиумом, — приходится постоянно увеличивать дозы для получения тех же результатов. Начинают приемы с сантиграмма в день, но вскоре приходится удваивать дозу, затем утраивать и т. д., иначе его действие сокращается. Спустя несколько недель, и самое большее через два или три месяца, морфиномания полностью укореняется и от нее уже не избавиться.

Чтобы блаженство не сменилось страшной пыткой, яд приходится вводить ежеминутно. Таким образом, несчастные маньяки волей-неволей должны постоянно носить при себе весь арсенал морфинмана, указанный мною выше. Во время прогулки, внезапно охваченные своей страстью или недомоганием, они вдруг останавливаются и скрываются в чаше. Другие вдруг нанимают карету, чтобы иметь возможность сделать впрыскивания.

Какая-нибудь великосветская дама во время оперного представления удаляется в глубину ложи: она чувствует неловкость, ее ум тускнеет, речь заплетается, и ей необходимо прибегнуть к морфию. Политический деятель, министр одной из европейских великих держав, вынужден каждый раз перед заседанием совета министров запастись аппаратом для впрыскивания морфия: он делает себе укол перед произнесением речи.

Один весьма занятой врач, к несчастью, ставший морфинманом, в день консультации вынужден был принимать большие предосторожности, в противном случае он начинал плакать и сокрушаться о болезнях, на которые ему жаловались пациенты, что, разумеется, не могло действовать на них ободряющим образом.

Один морфинман, долго находившийся под моим наблюдением, а впоследствии состоявший при мне секретарем, па моих глазах впрыскивал себе несколько сантиграммов морфия каждый раз, когда я поручал ему что-нибудь написать или прочесть.

Без преувеличения можно сказать, что от морфиномании страдают все классы общества, не исключая низших. По этому поводу я вспоминаю свою службу в больнице, в которой мне довелось быть ординатором. Там установился обычай тайно от главных врачей успокаивать страдания больных впрыскиванием морфия. Я случайно стал свидетелем подобного факта и скоро искоренил эту прискорбную привычку, не поддавшись на мольбы больных и изолировав тех из них, кто был наиболее заражен этой страстью.

С другой стороны, кто в высшем обществе не помнит бедную герцогиню, умершую в 25 лет, которая искала в морфии забвение горестей и оскорблений, которыми ее осыпали?

Вместо того чтобы рисовать перед вами систематическую картину состояния, в которое впадают морфиноманы, я предпочитаю показать читателю, до какой степени может быть доведено злоупотребление морфием и какое умственное падение ожидает в конце концов лиц, предающихся этой страсти.

К., служивший в парижском муниципалитете, заболел какой-то неопределенной болезнью, которая, по всей вероятности, была не чем иным, как невралгией внутренних органов (*neuralgie viscerale*), а может быть и просто гастралгией. Для облегчения состояния больного доктор прописал ему несколько впрыскиваний морфия иод ложечку (*cuex d'estomac*). Больной привык их делать сам и, разумеется, стал этим злоупотреблять. Когда я познакомился с К., он уже делал в день до 35 впрыскиваний по 10 сантиграммов солянокислого морфия — в общей сложности, следовательно, 3,5 грамма. А ведь 10 сантиграммов составляют дозу яда, которая будет смертельной для любого, кто решился бы с непривычки принять ее за один раз. Три с половиной грамма морфия нужно было растворять в 150 граммах жидкости, так что несчастному приходилось вводить себе под кожу громадное количество воды, образовавшей у него под кожей желваки величиной с апельсин. Чтобы избавиться от бесчисленных уколов, которые потребовались бы для таких манипуляций, он прибегал к громадному шприцу, о котором я недавно упоминал.

Расходы, в которые эта страсть ежедневно вводила К., истощили его маленькое состояние. Размеры его жалованья тоже оказались недостаточными, так как аптечная цена морфия равнялась 2 франкам за раствор одного грамма.

Следовательно, за то громадное количество яда, которое поглощал этот несчастный в течение года (1,5 кг), он должен был заплатить 3 000 франков, в то время как его жалование составляло всего 1200 франков в год, и никаких других источников дохода у него не было. В таких обстоятельствах К. вынужден был поступить в больницу, где занял небольшую отдельную комнату. Благодаря его образованию и прекрасному почерку многие врачи и студенты охотно давали ему переписку или корректуру, что помогало ему переносить нищету. Так больной работал в течение целого года. На его столе постоянно находился морфий и шприц. Во время письменных занятий он вдруг смущался, а затем порывисто делал себе укол. Тоща у него как будто падал с плеч какой-то груз, и он вновь на час или на два принимался за работу, после чего вновь прибегал к морфию.

Нетрудно понять, что при таких манипуляциях его тело вскоре превратилось в одну сплошную рану. И этот факт не является исключительным: со всеми морфиноманами происходит то же самое, причем у многих из них недуг осложняется еще особенными сыпями и рожей. Даже во имя простого кокетства следовало бы отказаться от употребления морфия. Я не знаю ничего отвратительнее тех язв, которые наши морфиноманки тщательно скрывают от окружающих.

Привожу изображение, поистине удручающее, а именно фотографию руки одной морфиноманки: уколы до того близки друг к другу, что сливаются между собой, от

них происходит воспаление подкожной клетчатки, затем нарывы, после которых на коже остаются рубцы и внутри образуются затвердения. В конце концов человеческая кожа приобретает сходство с кожей пресмыкающихся.

Порой бывало, что аптека не могла достаточно быстро удовлетворить требования К. Тоі да больной испытывал настоящие танталовы муки. Его глаза мутнели, руки тряслись, он впадал в тупоумие и терял всякую способность к какой бы то ни было работе. Случалось даже так, что несчастный не мог прямо идти, спотыкался и шел на ощупь, задевая мебель. Та часть его рассудка, которая еще оставалась незамутненной, была поглощена мыслями о морфии.

В другие дни ожидание яда не производило на К. угнетающего действия. Тогда он становился ужасно раздражительным и невыносимым — спорил, придирался и походил в этом состоянии на константинопольских териакков, когда их лишают опиума.

Когда же я, ради эксперимента, иногда задерживал доставку опиума на некоторое время, то несчастный подвергался галлюцинациям — он видел молнии и не мог заснуть. Его возбуждение так возрастало, что он начинал бродить, спотыкаясь на каждом шагу, но не останавливался.

Он говорил, что в таком состоянии испытывает боли, похожие на электрические удары, и не чувствует под собой ног. Ему казалось, что он плавает по воздуху, и малейший шорох повергал его в трепет.

Во время этой ужасной пытки появляется благословенная склянка. Больной с жадностью набрасывается на нее и напрягает остаток своих умственных и физических сил, чтобы произвести укол. Спустя 5 минут после этого он превращается в того самого любезного, трудолюбивого человека, наделенного хорошим характером, каким мы его знали прежде. Он принимается за работу и заканчивает ее весьма неплохо.

Вот уже 5 лет, как я не имею возможности общаться с К. Его злосчастная мания приняла такие крупные размеры, что ему пришлось поступить в больницу для неизлечимых больных, где ему предстоит прожить до смерти, так как все попытки лечения оказались тщетными.

Причина, по которой я так долго задержался на этой истории, заключается в ее типичности и в том, что она прекрасно демонстрирует условия, в которые попадает человек, поддавшийся соблазну морфинomanии. Вы поймете, что когда для прекращения ужасного томления, вызванного нехваткой яда, достаточно только одного впрыскивания, то все колебания исчезают, и человек способен дойти до самых ужасающих пределов.

Я расскажу вам историю еще одного больного. Доктор Л., как сообщает Замбако, был больничным врачом. Он долго жил в Вене, когда был студентом. Именно там у него появилась дурная привычка много курить и поглощать громадное количество пива. В результате он получил очень мучительную гастралгию (острые желудочные боли), для избавления от которой стал делать себе впрыскивания морфия в область желудка. Так как мучительные припадки, прекращавшиеся после впрыскивания, неизменно возобновлялись на следующий день, то врач в конце концов приобрел привычку делать его перед каждым большим приемом пищи. На первый взгляд его здоровье поправлялось. Но чтобы сохранить это кажущееся благополучие, несчастному приходилось беспрестанно увеличивать количество принимаемого им яда. Через год он дошел до ежедневных приемов в 10 сантиграммов солянокислого морфия.

С этих пор его товарищи стали замечать, что он страшно похудел, его глаза ввалились, зрачки сузились, цвет лица приобрел землистый оттенок, а характер стал мрачным. Он проводил иногда несколько часов, не говоря ни слова, с пустой головой и потухшим взором. Его тело оставалось в таком же бездействии, как и ум,

— большую часть дня он лежал. Несчастный потерял аппетит и стал чувствовать отвращение к домашнему столу. Он питался только одним салатом, кислыми плодами и небольшим количеством молока. Когда товарищи, озабоченные происшедшей с ним переменой, обратились с расспросами к его жене, то узнали, что впрыскивание морфия стало единственной целью его жизни, что он утром, днем и вечером, словом постоянно, без меры и веса наполнял свой шприц из большой склянки, которая всегда была у него под рукой. Несчастный не только не отрицал этого, но с грустью сообщил своим друзьям, что уже не в силах освободиться от преследующей его морфиномании.

Когда подходило время делать очередное впрыскивание, он чувствовал, что по его телу начинают бегать мурашки, и ощущал общее утомление, затрудненное дыхание, слабый и неровный пульс, содрогание сердца и шум в ушах. Если какое-нибудь обстоятельство мешало ему удовлетворить свою страсть, то он впадал в бешенство и однажды стал даже бить жену и детей. Если, наоборот, ему удавалось вовремя впрыснуть морфий, то картина совершенно менялась — доктор становился предупредительным, веселым и любезным собеседником, но только на несколько минут, затем приходилось вновь принимать яд, иначе припадок немедленно возобновлялся.

Однажды несчастный превысил норму впрыскиваемого яда, отравился и чуть не умер. Замбако, наблюдавший и лечивший больного, умолял его бросить свою прискорбную привычку. Доктор поклялся, что уже давно не принимает морфия, но он лгал, как все морфинома-ны. В этом было нетрудно убедиться: в ящике его ночного столика было найдено несколько шприцев и 10 граммов яда. Увещания товарища тронули его до слез. Он клялся, что отречется от своей роковой страсти, которая вела его к разорению и сумасшествию. Однако 6 дней спустя несчастный принял огромную дозу, которая повлекла за собой немедленную смерть.

Вот факт, свидетельствующий о том, что злоупотребление морфием не только разрушает тело, но и губительно действует на ум и совесть. Доктор, который, несомненно, был хорошо воспитанным и образованным человеком, лгал, как школьник, застигнутый врасплох, и бил свою жену, как пьяница.

Я намерен сообщить и другие факты, демонстрирующие, что развращение может достигать еще больших размеров. В настоящее время все более и более распространяется тип морфинома-вора и убийцы, родного брата курителей опиума, рыскающих по Шанхайским улицам и раздающих удары кинжалом направо и налево.

Не так давно госпожа С., жена парижского зубного врача, была задержана с поличным за кражу в магазине "Лувр". Ее привели к профессору Бруарделю, где она без малейшего стеснения и беспокойства рассказала о совершенном ею преступлении. При этом она сообщила, что уже в течение многих лет брала морфий из кабинета мужа и в настоящее время ее ежедневная доза составляет 1 грамм. Она находилась в таком состоянии отупения, что даже не приняла меры предосторожности во время совершения кражи.

Узнав об этом случае, господин Люнье сообщил, в свою очередь, о другом происшествии из той же области. Одна белошвейка, жившая в Париже, воровала кружева у своих хозяев. Она была задержана, и судебное следствие выяснило, что на деньги, вырученные от продажи краденых кружев, молодая женщина литрами покупала опий. Она принимала его до 50 грамм в день и тратила на это 1200 франков ежегодно.

Но другой весьма характерный факт недавно поверг в изумление весь Париж. Из газет стало известно, что госпожа Ж., принадлежавшая к лучшему обществу, была арестована за кражу в магазине "Сен-Дени". Она накупила на 120 франков белья и в то время, когда приказчик упаковывал покупку, направилась к кассе с портмоне в

руках, сделав вид, что собирается расплатиться. Затем она возвратилась к прилавку и, потребовав от приказчика сверток, будто бы уплаченный ею, удалилась. Через несколько дней она возвращается в магазин и приносит похищенные предметы, сообщая при этом, что они ей не нравятся и что она желает получить обратно свои деньги. Но ее тотчас же узнали, арестовали и препроводили в полицию. Она тоже воровала ради приобретения морфия. Госпожа Ж. была дочерью господина Х. Она рано осиротела и была помещена в монастырь, где, по ее словам, чувствовала себя очень несчастной. Возвратившись, по достижении 20 лет, к своему опекуну, она удачно вышла замуж. Это была крайне нервная женщина, которую малейшее противоречие приводило в бешенство, так что ее нередко приходилось запирасть. Как-то раз от невралгии, которой она страдала, врач прописал ей солянокислый морфий — боли тотчас же прекратились. Восхищенная этой находкой, она немедленно запаслась шприцем, составила подложные рецепты и стала делать себе впрыскивания с бешеной жадностью.

В течение 6 месяцев она дошла до 40 сантиграммов в день. Чтобы заплатить за всю эту массу морфия, она стала продавать книги из библиотеки своего мужа и домашнее серебро. Больная морфиноманка стала часто брать под залог ссуды. Тем не менее она была довольно стеснена в средствах, когда встретилась с одним услужливым аптекарем, который согласился открыть ей кредит и в течение 17 месяцев отпустил ей 3475 порошков морфия, по 20 сантиграммов каждый, на сумму 1600 франков. Из них можно было сделать 70 000 впрыскиваний в 1 сантиграмм.

Возможность брать в долг заставила ее отбросить всякую осторожность. Однако в один прекрасный день аптекарь потребовал уплаты по счету, угрожая в противном случае обратиться к мужу. Тогда несчастная женщина заняла 200 франков у приятельницы, но неумолимый кредитор требовал остальной суммы, и вот она превратилась в воровку. Я не стану описывать вам ее состояние, оно сходно с состоянием всех морфиноманок и характеризуется худобой, отсутствием аппетита и перемежающимися периодами отупения и злобного бешенства. Во время самого следствия госпожа Ж. еще раз отправилась воровать в магазин "Лувр", где и была задержана с поличным. Признанная невменяемой, она вернулась в свой дом и несколько сократила дозы морфия, но зато предалась пьянству. Ее муж случайно нашел громадный счет на ее имя за мадеру, приобретенную у соседнего виноторговца. Ее пришлось поместить в лечебницу, где у нее время от времени случаются припадки, похожие на бешенство, и ее приходится кормить при помощи зонда.

Однако завершение этой прискорбной истории, по крайней мере, удовлетворило общественную нравственность.

Аптекарь, отпустивший без рецепта 70 000 впрыскиваний морфия, был приговорен к восьмидневному тюремному заключению, к 1000 франков штрафа и к 2000 франков возмещения убытков, помимо тех денег, которые господин Ж. вправе от него получить, если состояние здоровья его жены потребует от него дальнейших расходов.

Публика встретила приговор аплодисментами, хотя и нашла его слишком снисходительным.

От воров перейду к убийцам. Несколько месяцев тому назад в Лондоне повесили врача, доктора Ламсона, который отравил своего зятя. Господин Баль утверждает, что это был чудак, лечивший все болезни подкожными впрыскиваниями. В конце концов он приобрел репутацию сумасшедшего и лишился практики. У него был очень богатый зять. Однажды Ламсон отправился к нему с "целебными" пилюлями и убедил его проглотить одну из них. Через десять минут молодой человек умер — пилюли содержали в себе слишком большую дозу аконитина.

Ламсон бежал в Париж. Однако, узнав, что полиция разыскивает его в Лондоне, он едет туда и отдает себя в руки правосудия. "Целителя" заключают в тюрьму, он сознается в своем преступлении, его приговаривают к смертной казни и приводят приговор в исполнение. А между тем Ламсон был законченным морфиноманом. Его защитник сослался на это обстоятельство, взывая к снисходительности судей, но не добился ее ни от присяжных, ни от королевы.

Прежде чем перейти к способам лечения морфиноманов и указаниям на те меры, которые могут быть приняты для их спасения, я считаю нелишним рассказать в нескольких словах о других похожих маньяках, к которым применимы аналогичные способы лечения, а именно — об эфироманах.

Эфироманами люди становятся по тем же причинам, вследствие которых предаются морфинomanии. Поводом в обоих случаях является желание ослабить какую-нибудь боль или придти в полупьяное состояние, во время которого забываются все горести, печали и заботы.

Подумайте — и вы наверняка найдете среди своих знакомых людей, которые при малейшей головной боли прикладывают к носу насыщенный эфиром платок и вдыхают эфир с восторгом. Они находятся на пути к эфиромании, подобно тому, как человек, делающий себе впрыскивания морфия из-за малейшего нервного расстройства, должен быть причислен к разряду кандидатов в морфиноманы. Впрочем, надо сознаться, что опасность, угрожающая при вдыхании эфира, менее значительна, чем при впрыскивании морфия, и что любители эфира легче останавливаются на полдороге.

При начале вдыхания эфира на лице и в дыхательных путях чувствуется усиленная свежесть, затем в глазах начинает темнеть, в ушах появляется шум, человека охватывает головокружение, не заключающее в себе, однако, ничего болезненного, мысли принимают игривый оттенок и, наконец, развиваются приятные галлюцинации.

Тогда больше не следует увеличивать дозы эфира, так как в противном случае можно дойти до периода возбуждения и даже до полного анестетического сна, который обычно хирурги вызывают перед операциями. Лицам, вдыхающим эфир, это хорошо известно. Вот почему они умеренно пользуются ядом, чтоб продлить наслаждение. После вдыхания, субъект приходит в нормальное состояние, он ощущает только некоторую тяжесть в голове и временное умственное оупение. Если, однако, продолжить вдыхания, то они могут вызвать настоящий бред. Я часто встречал истеричных женщин, которым давали эфир, чтобы приостановить их припадки. После вдыханий они иногда впадали в состояние веселого, смешливого и, вероятно, очень приятного опьянения, так как во время промежутков между их болезненными припадками они старались добыть эфир, чтобы вновь испытать те же ощущения.

Морфиноман может предаваться своему пороку под покровом глубокой тайны. Однако любители эфира находятся в совершенно других условиях. Последний распространяет резкий запах — достаточно пролить пять-шесть капель эфира, чтобы на несколько часов вся комната наполнилась его парами. В тесных и маленьких парижских квартирах запах эфира будет чувствоваться повсюду: его резкий запах быстро распространяется по лестницам и доходит до соседних жильцов. Это большое счастье, так как благодаря этому обстоятельству масса людей воздерживается от употребления эфира. Самые закоренелые эфироманы выезжают в карете или отправляются на дачу и там предаются своим любимым вдыханиям. В Лондоне, где эфиромания встречается гораздо чаще, чем во Франции, сторожа городских садов и больших парков нередко находят в кустах пустые склянки с неизменной надписью: серный эфир. Наверно, их туда

забрасывают эфироманы, которые приходят туда, чтобы на свободе предаться своей любимой страсти.

Монтальт сообщает, что в Эпсоме после скачек тоже находят склянки эфира среди пустых бутылок из-под шампанского.

В Дреперстоуне, местечке графства Лондондерри, встречаются настоящие эфирные кабаки. Там готовят смеси из этого вещества с алкоголем, и литр такого напитка стоит три франка. Маленькой рюмки подобной смеси достаточно, чтоб свалить с ног самого крепкого человека.

Обстоятельства, при которых эта ужасная страсть овладела Англией, настолько любопытны, что мне необходимо сказать о них несколько слов.

В 1847 году Симпсону пришла в голову счастливая мысль использовать эфир как болеутоляющее средство во время родов. Известно, каких блестящих результатов он достиг — мы пользуемся его открытием и по настоящее время. Протестантские пасторы энергично восстали против него и признали его нечестивцем.

Эти странные дебаты обратили на эфир всеобщее внимание. Молва о его чудесных действиях стала быстро распространяться, и таким образом возникла эфиромания.

Вот как она практикуется в светском обществе. Обычно начинают с вдыхания эфира, затем принимают несколько его капель внутрь, все увеличивая дозы. Мало-помалу этот жгучий напиток становится потребностью. Процент смертности среди эфироманов страшно велик, а потому, несмотря на небольшое число людей, предающихся этой пагубной страсти, мы не можем не принимать их в расчет.

Они относятся к разряду дипсоманов, т. е. людей, которых не удовлетворяют обыкновенные спиртные напитки, и они прибегают к одеколону, эфиру и даже хлороформу.

Несколько примеров продемонстрируют вам, каким опасностям подвергают себя люди, стоящие на пути к эфиромании.

Доктор X., известный, между прочим, как автор весьма распространенной книги, только что был назначен на место больничного врача, когда ему пришлось участвовать в одном из тех конкурсов, с помощью которых достигается высокое положение в медицинском мире. Он выдержал его настолько блистательно, что председатель ученого ареопага почти поздравил кандидата с назначением. К несчастью, остальные конкуренты оказались столь же достойными. Они были старше его летами, и при баллотировке доктор X. оказался за флагом: его имя стояло во главе лиц, следовавших за конкурентами, получившими назначение. Решение жюри привело Доктора X. в такое отчаянье, что весть о нем дошла до министра, который, вызвав несчастного кандидата, утешал его, как мог, и подтвердил ему, что на следующем конкурсе назначение ему обеспечено. Но следующий конкурс должен был открыться только через три года. Доктор X., продолжая усердно трудиться, начал медленно спиваться. Его друзья и ученики с беспокойством стали замечать в нем странности — он переходил от отчаяния к порывам преувеличенного веселья. Вскоре узнали, что он запирается, чтобы наедине предаваться пьянству. От спиртных напитков X. перешел к эфиру. Он вдыхал его, затем пил и наконец дошел до такого состояния, что вынужден был прерывать обход больных в палатах и удаляться за гардероб, чтобы там сделать несколько вдыханий эфира.

Подобный образ жизни длился три года. Наступил конкурс, доктор явился на него и выдержал испытания, находясь все время под возбуждающим действием эфира. X. получил назначение, но ему недолго пришлось наслаждаться своим торжеством. Он продолжал предаваться своей роковой страсти и умер через некоторое время в полном сумасшествии и одурении.

Я был знаком с одним юным аптекарем, который сначала привык вдыхать эфир для успокоения своих нервных головных болей, а затем — чтобы доставить себе

приятное опьянение, о котором я только что говорил. С этой целью, улегшись на постель, он накрывал свое лицо платком, смоченным эфиром, и вдыхал его до тех пор, пока не испарялась вся жидкость. Увеличил ли он дозу или же был в тот день в дурном настроении, но только однажды утром молодого эфиромана нашли мертвым в постели, причем лицо его было покрыто платком, а на столе стояла пустая склянка.

Одна великосветская парижанка тоже вдыхала эфир. Впоследствии ее нашли мертвой в кресле — она еще держала в застывших руках платок и склянку. Белюз сообщает, что одному знакомому ему эфироману было недостаточно смоченного эфиром платка. Он наливал эфир в умывальный таз и наклонял над ним голову. Однажды его нашли мертвым, с носом, погруженным в эту жидкость. Один из больных доктора Фрерикса ходил по берлинским улицам, держа под носом тампон из ваты, пропитанный эфиром. Он распространял вокруг себя такой дурной запах, что все перед ним разбежались. Владелец дома, в котором он жил, отказал ему от квартиры, так как он беспокоил соседей удушливыми эфирными парами, распространявшимися из его входных дверей.

Злоупотребление эфирными вдыханиями может вызвать настоящие припадки злобного бешенства и развращение нравственного чувства, сходное с морфиноманией. Вот тому наглядный пример.

З. был известен всем парижским полицейским агентам под названием человек с эфиром. Это был молодой человек высокого роста, носящий очень громкую фамилию. Он плохо учился и смог с большим трудом сдать экзамен на аттестат зрелости. Во время франко-прусской войны ему было всего 20 лет. Он поступил в отряд Красного креста и здесь-то впервые познакомился с запахом эфира, который впоследствии стал для него роковым.

После заключения мира З. поступил в одну из провинциальных семинарий, но скоро вернулся в Париж и принялся за изучение права.

Скоро его знакомые заметили, что он пристрастился к вдыханию эфира. З. тратил на эту прихоть крупные суммы, и его эксцентричные выходки приобрели громкую известность среди товарищей. Благодаря полученному им воспитанию, они приняли специфический оттенок: в течение нескольких дней он накопил церковных предметов на 30 000 франков. Это усердие показалось его родне чрезмерным и побудило ее установить над ним опеку.

Находясь под бдительным надзором и не имея денег, З. стал прибегать к скандальным средствам, чтобы иметь возможность предаваться своей роковой страсти. Юный эфироман нанимал извозчика и приказывал везти себя к какой-нибудь аптеке. Выходя из кареты, он под тем или другим предлогом выманивал у кучера 5 франков, затем покупал флакон эфира, вновь садился в карету, приказывал возить себя по городу и в это время вдыхал эфир до полного опьянения. Тогда он выходил из кареты, отказывал в уплате кучеру и на его требования отвечал ударами трости. Полиция вмешивалась в дело и отводила всех действующих лиц в участок. Несчастной матери З. приходилось самой приходиться за сыном в полицию и хлопотать о его освобождении. При спорах, которые здесь возникали, он отвечал на ее увещания самыми грубыми оскорблениями. Как только ему удавалось освободиться, он брал другую карету, отправлялся в другую часть города. Там повторялась та же сцена, и проводил ночь в другом участке, так что вскоре приобрел в мире полицейских широкую известность.

Чтобы покончить с этим, родственники по совету врачей решили отправить его на два года на корабле в морское путешествие до мыса Горн. Как только корабль входил в какую-нибудь гавань, капитан отдавал приказ тщательно запираť своего пленника. Он выпускал его на свободу, только когда корабль находился в открытом море. Тем не менее в Вальпараисо ему удалось бежать и сесть на

корабль, отправлявшийся во Францию. Он возвратился в Париж и на другой же день принялся за вдыхание эфира. Его несчастная мать разослала циркуляр во все аптеки с просьбой не давать ее сыну ужасного яда. Но это ни к чему не привело, так как неисправимый эфироман стал обращаться в москательные лавки. В течение двух недель З. был арестован пять раз и два раза осужден судом исправительной полиции.

С этих пор его жизнь становится длинной одиссеей по лечебницам душевнобольных. Он перебивал во всех психиатрических больницах, и отовсюду ему удавалось бежать, так что пришлось засадить его в Шарантон, где этот редкий субъект теперь помещен в отделение для буйных.

Он одарен гениальностью по части побегов, так как и отсюда уже убежал несколько раз. Парижский суд объявил его лишенным гражданских прав.

Госпожа Д., живя в поместье в центре Франции, тоже привыкла употреблять эфир. Так как во время блаженного состояния, охватывавшего ее под влиянием эфира, ей было трудно держать на лице платок, то она сочла более удобным поливать эфиром свой лиф и юбку. Однажды пары эфира, отличающиеся большей воспламеняемостью, достигли огня, пылавшего в камине. В одну минуту несчастную охватило пламя, и она заживо сгорела.

Все эти примеры, на мой взгляд, ясно показывают, какие опасности грозят каждому эфироману: с одной стороны — его ждет сумасшествие, деморализация и бешенство, а с другой — внезапная смерть вследствие прямого воздействия на нервные центры или даже пожара.

Мне, конечно, возразят, что такие крайности редки, и я готов с этим согласиться, но зато насколько часты менее острые последствия этого увлечения? Сколько умных людей тупеет от эфиромании, сколько нервных женщин, несносных для себя и для других, обязаны своим жалким положением злоупотреблению эфиром или морфием?

Что же делать? Как помочь злу? Можно ли лечить морфиноманов и эфироманов? Разумеется, но только при одном условии — чтобы они сами этого желали. Лучшее средство избежать действия яда заключается, конечно, в том, чтобы перестать его принимать.

С виду это очень просто, но на самом деле представляет много трудностей.

Припомните, какие муки терпит пьяница, кающийся в своем пороке, и курильщик, желающий перестать курить, сколько раз они возвращаются к старой привычке?

Но не следует терять надежды на излечение, надо увещевать токсикоманов и указывать на угрожающие им опасности, не сгущая при этом краски, чтобы они не перестали вам верить. Во всяком случае, необходимо сначала действовать на токсикомана убеждением. В большинстве случаев он снисходительно выслушает вас и тотчас же после вашего ухода потянется к спринцовке или склянке, чтобы найти в обычном опьянении забвение ваших тревожных слов.

Лучше всего, если болезненное (*morbide*) состояние выяснилось, поместить больного в лечебницу, где над ним установят строгий контроль и где его резко или мало-помалу будут отучать от употребления яда, в зависимости от того, какой способ окажется более целесообразным в применении к данному больному.

Практичные американцы основали даже особые лечебницы для лечения морфиноманов. Немцы тоже открыли два таких заведения: одно — в Мариенберге, во главе которого стоит Левинштейн, а другое — в Шонберге, находящееся под руководством доктора Буркарта.

К сожалению, наши законы о душевнобольных не позволяют нам действовать таким же образом. Мы можем запереть только токсикоманов, уже сошедших с ума или слабоумных, а следовательно, неизлечимых.

Так как мы безоружны перед уже развившейся морфиноманией, то самое лучшее, очевидно, будет предупреждать ее появление. Поэтому первым делом следует затруднить для больных приобретение яда, или, другими словами, необходимо регламентировать продажу морфия таким образом, чтобы клиенты не могли собирать его в большом количестве. Надо, чтоб отдельный рецепт мог служить только один раз. Германский император, по предложению князя Бисмарка, уже издал указ по этому поводу. Не мешало бы и нам сделать попытку в том же роде. Затем врачи не должны ни прописывать морфий без крайней необходимости, ни соглашаться на его обычное употребление, кроме тех мучительных болезней, когда пациенту предстоит быстрая и окончательная развязка. Тогда долг врача состоит только в смягчении предсмертных страданий больного.

Сами больные должны понимать, как опасен тот путь, на который они встали. Хотя чтение медицинских сочинений обычно не оказывается полезным для светских людей, но я рекомендовал бы им брошюры, посвященные двум разобраннам нами ядам. Если и это на них не подействует, то они — совершенно неизлечимые морфиноманы.

Всем известно, что после совершения преступления виновный нередко бродит около тех самых мест, где оно было совершено, и смешивается с толпой любопытных, жадно следящих за происходящим на месте преступления. Больные похожи в этом отношении на преступников, и я нисколько не был бы удивлен, если бы мне сообщили, что на прочитанной мною лекции о морфиномании присутствовали лица, близко знакомые с предметом моих наблюдений. Им бы я сказал: "Уверяю вас, что я ничего не преувеличил, судите сами".

Но понятно, что не только на семьях больных, а на всех нас вообще лежит обязанность бороться против безумий, о которых я только что говорил. Этого можно достигнуть, удерживая близких нам людей от скользкого пути, по которому они идут, лишая их возможности вредить себе, наблюдая за ними и неумолимо вырывая у них из рук орудие их безумия.

Надеюсь, что читатель так и сделает, если мне только удалось передать ему мою веру и если он убедится, как я сам в этом убежден, что, несмотря на свое недавнее появление, модные яды поглотили более жертв, чем самые смертоносные яды в течение целого столетия.

Девятнадцатый век. Мания величия

Признавая, что общество, подобно отдельным людям, может подвергаться болезням, нетрудно заметить, что характерным недугом нашей эпохи является преувеличенная любовь к успеху и могуществу, желание достигнуть их во что бы то ни стало и непомерная жажда величия.

То, что у некоторых является лишь странностью ума, может достигать у других размеров сумасшествия. Вот каким образом создается форма помешательства, самая обыденная и вместе с тем самая опасная, так как она обычно является признаком неисцелимого безумия и близкого вырождения индивида.

Я уже сказал, что эта форма помешательства сравнительно новая. Действительно, древние авторы редко о ней упоминают: в то время, как они приводят длинные описания мании или меланхолии, о горделивом помешательстве упоминается лишь вскользь, однако оно всегда резко бросается в глаза своей изумительной несвязностью и крайним неправдоподобием фантазий больного. Мы можем приписать это относительное умолчание двум причинам.

Прежде всего, в древности, а у некоторых народов и поныне, многие из тех, кто одержим манией величия, — мы теперь их отправляем без всякого стеснения в

психиатрические лечебницы, — внушали народу в качестве прорицателей нечто вроде священного страха и суеверного уважения, ограждавшего их от последствий признанного сумасшествия. И в наше время можно найти (особенно среди невежественных обитателей Африки) людей, окруженных самым почтительным уважением, иногда увлекающих за собой массы, сеющих восстания и ставящих в затруднительное положение армии великих держав. Между тем эти люди в действительности только маньяки, одержимые манией величия или же паралитики первого периода.

То, что одержимые горделивым помешательством до сих пор мало изучены, объясняется, во-первых, тем, что их прежде не считали помешанными, а, наоборот, приписывали им высшие умственные свойства. Вторая причина заключается в том, что горделивое помешательство является характерным недугом нашего века. В физиологическом и философском отношении сущность помешательства одна и та же, а различие его форм обуславливается внешними обстоятельствами или воспитанием субъекта, который становится его жертвой.

В первых двух главах нашей книги мы представили читателю картину тех идейных веяний, которые сводили с ума людей предшествующих нам эпох. Мысль их, охваченная страхом, блуждала около сатаны и создавала вокруг себя фантастический мир сверхъестественного.

Не более сорока лет тому назад наши бабки занимались верчением столов, вызывая тени умерших и вопрошая их о своих частных делах, причем не всегда получая удачные ответы.

Зайдите в настоящее время в лечебницу для душевнобольных — и вы не услышите там больше речей ни о сатане с его полчищами, ни о шабаше. Там неизвестен дьякон Пари, и даже от трудов Алан-Кардека остались лишь слабые следы.

Обитатели нынешних психиатрических лечебниц трепещут перед тремя таинственными и ужасными явлениями: перед электричеством, полицией и иезуитами. Это — современная форма помешательства. Какова будет завтрашняя его форма — не знаю и даже не могу знать, так как мне неизвестны условия, при которых будут жить наши потомки. Мне пришлось вернуться к этим фактам вследствие той господствующей роли, которую они играют в истории горделивого помешательства, и ради объяснения, которое можно из них почерпнуть для оправдания частных случаев этого недуга в наши дни.

В настоящее время в литературе получил полное право гражданства эпитет "лихорадочный" в применении к нашей жизни. Достигать успеха, господствовать, быстро делать карьеру — вот цель большинства людей последней формации. Жизненные условия наших предков сильно отличались от нынешних, кастовой дух господствовал в своей заранее ограниченной сфере, из которой выйти ему было чрезвычайно трудно. Невежество, владевшее массами, не позволяло им питать надежды на получение какой-нибудь почетной должности. Государственные назначения переходили по наследству к представителям известных фамилий, никому их не уступавших. Честолюбие было слабо развито, поскольку было очевидно, что удовлетворить его невозможно. Теперь мы наблюдаем совершенно иную ситуацию. В наши дни социальный строй позволяет всем предъявлять к жизни самые безграничные требования. Между самым скромным членом общества и властью не возвышается никакого материального препятствия. Небывалая удача некоторых гениальных людей, начавших свою карьеру с низших ступеней общественной лестницы и достигших верховной власти, внезапное и часто непонятное возвышение ничтожных людей без положения, возможность сразу достигнуть самых высоких почестей и должностей, не проходя через все ступени служебной иерархии, разве всего этого не достаточно, чтобы если не вскружить головы, то, по крайней мере, придать бреду особую форму и направление?

К этой специальной этиологии необходимо еще прибавить господствующую в наше время жажду наслаждений.

На смену бережливости, в чем-то даже мелочной, поколения, сошедшего со сцены, пришла любовь к роскоши и расточительности, овладевшая всеми слоями общества сверху донизу.

Наши предки любили деньги и стремились их копить, мы же хотим их иметь, чтобы немедленно ими воспользоваться.

Среди нашего рабочего класса больше не существует бережливости. Прибавьте ко всем этим факторам алкоголизм, разъедающий нашу расу, который готовит благоприятную почву для всевозможных припадков безумия.

Казалось бы, что я приписываю цивилизации ответственность за возникновение среди нас горделивого помешательства. Не считайте меня, однако, таким уж врагом прогресса — я признаю, что роль цивилизации в истории была двойка. Несомненно, что, открыв новые средства для удовлетворения человеческих потребностей, она породила и целый ряд новых, вследствие чего борьба развернулась уже не за существование, как у первобытных народов, а за наслаждения.

Деловая лихорадка, внезапное накопление и исчезновение крупных состояний произвели нечто вроде умственного кипения или жизни, протекающей под высоким давлением и летящей на всех парах, вследствие чего слабые должны гибнуть с большей легкостью, чем в прежние времена. Но рядом с этим цивилизация действует и в обратную сторону, смягчая и парализуя многие из общественных зол.

Паршан, как мне кажется, сумел разрешить этот спор следующей формулой:

"Успехи цивилизации имеют сложное влияние на число сумасшедших, которое они стремятся увеличить одними своими сторонами и сократить — другими".

Где остановится антагонизм между ее двумя противоположными влияниями? На какой стороне окажется окончательный перевес? На это ответит только будущее нашим более или менее отдаленным потомкам.

Не следует, однако, ограничиваться этими несколько смутными и общими рассуждениями, чтоб уяснить для себя причины мании величия. Кроме общих условий, тяготеющих над всем нашим родом, у каждого из нас есть специальные и личные причины, предрасполагающие или предохраняющие его от недуга.

Во главе субъективных причин следует поставить наследственность. Весьма талантливый психиатр Марсэ утверждает, что 90% сумасшедших — дети душевнобольных. В настоящее время к ним относятся не так строго, однако ничто не может быть опаснее этого наследия, и к горделивому помешательству это еще более применимо, чем ко всем другим формам безумия.

Мужчины гораздо чаще женщин подвергаются мании величия, и это не удивительно: их жизнь, эмоции и честолюбие напряжены сильнее, чем у женщин.

В нашем социальном строе мужчина служит опорой семьи. Любопытно, что холостые чаще подвергаются этой мании, чем женатые. На первый взгляд, подобный факт противоречит тому, что было мною только высказано, так как холостые свободны от забот семейного очага, но при этом следует заметить, что отсутствие семьи предрасполагает к более неправильному образу жизни, к алкоголизму и различного рода излишествам.

Вдовцы и вдовы еще более предрасположены к этому недугу, что, впрочем, весьма понятно. Разве среди них мало таких, которые испытывают в своей жизни одно только горе и не видят ее радостей, одни заботы и жгучие огорчения, не находя утешения?

Если мы обратимся к статистике, то увидим, что либеральные профессии более предрасполагают к горделивому помешательству, чем другие, а среди них на

первом месте стоят те отрасли, которые сопряжены с наибольшим риском и требуют от человека наиболее интенсивной борьбы.

Во главе них стоят актеры, затем адвокаты — одни вечно стремятся создать гениальную роль, другие увлекаются быстрым успехом, который им сулит политическая арена. Тотчас за ними следуют лица духовного сословия, которые, по-видимому, не всегда бывают лишены честолюбия, затем идут профессора и литераторы.

К счастью для невозмутимых чиновников различных ведомств, мы встречаем их имена в самом низу этой роковой лестницы. Суровая дисциплина и неизбежная строгость иерархии удерживают воображение бюрократа от увлечений и от горделивого помешательства.

Почти нет примеров того, чтобы этому современному недугу подвергались земледельцы. Мирный образ жизни, простота нравов, невозмутимость желаний до сих пор защищали их от этой напасти.

До этого мы касались только ее причин и теперь перейдем к следствиям. Как велико число этих маньяков и в какой пропорции встречаются они среди нас? Ответить заранее на этот вопрос очень трудно, так как нелегко установить, где начинается помешательство и где заканчивается здравый рассудок. Область безумия не имеет строго очерченных границ. Так, одним данный субъект кажется сумасшедшим, а по мнению других, он отличается только эксцентричностью. Или возьмем какого-нибудь фантазера, создающего проекты, которые почти всем кажутся химерическими, но проходит некоторое время, и мы видим, что его химеры осуществляются. Это в такой степени верно, что, когда в обыденной речи о ком-нибудь говорят: "он сумасшедший", то никто не предполагает, что речь идет о психически больном.

Подобный эпитет часто применяется к людям, не разделяющим наших убеждений. Мори выразил эту мысль следующим образом: "Никто, строго говоря, не бывает здоров душой и телом; никто не гарантирован от болезней и заблуждений. Но когда помешательство становится настолько значительным, что сумма обусловленных им заблуждений решительно перевешивает обычное их количество, встречаемое у средних людей, тогда признают, что данный субъект действительно "тронулся", так же как факт болезни констатируется только тогда, когда нарушение нормального состояния организма становится настолько серьезно, что сопровождается значительным изменением в одном или нескольких отправлениях".

К горделивому помешательству, более чем к любой другой форме сумасшествия, применима эта условность. Тут приходится тщательно взвешивать и разбирать целый ряд самых сложных обстоятельств. Следует ли, например, признать безумной мысль об отделении Африки от Азии или о разделении Америки на две части? Несомненно, что многие склонны рассматривать ее с такой точки зрения, а между тем она стала уже почти свершившимся фактом. Разве не безумно желание получать по 15000 франков за час, который вы пропоете на подмостках театра? Лет пятьдесят тому назад оно наверняка было бы всеми признано сумасшествием. И, тем не менее, такая плата превратилась в обыкновенную норму для гастролей первоклассных европейских певиц.

Горделивый бред можно считать психопатическим только тогда, когда принимается во внимание положение страдающего им субъекта. В некоторых случаях он находится как бы в скрытом состоянии, так что психиатру приходится рыться в уме и поступках человека, чтобы отыскать его слабый пункт. Разве не одержим горделивым помешательством тот, кто, желая во что бы то ни стало привлечь к себе общественное внимание, направляет незаряженный револьвер на проезжающего мимо министра или, проникнув в палату депутатов, без всякой причины прерывает заседание рядом пистолетных выстрелов? Вот человек,

которому не дают спать лавры его предшественников и который после неудачной попытки зажечь фейерверк в людном месте, пускает в ход револьвер, чтобы быть арестованным у всех на виду, попасть в газеты и добиться всеобщего внимания, словом — выдвинуться вперед, если не заслугами, то хотя бы скандалом и безобразием.

Наше светское общество, несомненно, проникнуто духом тщеславия. Разве нет ничего болезненного в желании обратить на себя внимание чем-то помимо личных достоинств? Один удовлетворяет свое тщеславие, очень дорого платя за предметы, которые этого не стоят, другой приносит большие жертвы, чтобы присутствовать на первом заседании какого-нибудь громкого процесса или на генеральной репетиции новой оперы, третий блещет своими лошадьми и экипажами, по отношению к которым вся его заслуга исчерпывается только их приобретением, четвертый посещает некоторые места только в дни, установленные для этого модой. Видеть раньше других, приобрести репутацию человека, посвященного в элевсинские тайны богов, отличиться хотя бы смешной выходкой и только не утонуть в толпе — вот страстное желание и постоянное стремление членов светского общества.

Примеры этого странного умственного состояния можно легко наблюдать среди нашей "золотой молодежи", в этой пестрой толпе выхолощенных джентльменов. Здесь нередко любовь к шику есть не что иное, как самая слабая форма горделивого помешательства.

Я слишком долго задержался на этиологии этого недуга и спешу перейти от общих рассуждений к изложению самого предмета.

Встречаются две категории сумасшедших, недуг которых проявляется в горделивом помешательстве. Их образ действия столь различен и исходы болезни столь противоположны, что мне приходится с самого начала строго их разделить. Первая категория состоит из простых мономаньяков, то излечивающихся, то заканчивающих свое продолжительное тягостное существование в более или менее резко выраженном безумии. У представителей другой категории, намного более поразительной, форма психического расстройства развивается в течение нескольких месяцев. Шумные, резкие, неспособные к последовательному мышлению, они быстро приближаются к нравственному и физическому падению, которое всегда завершается смертью — из них составляется контингент общих паралитиков.

У первых бред бывает рассудочен, последователен, логичен и не всегда очевидно абсурден. Им удается вызвать к себе доверие и заставить других относиться к ним серьезно до тех пор, пока они в один прекрасный день не перейдут границу.

Вторые же сразу становятся бессвязны, смешны и преувеличивают все до такой степени, что не могут провести даже самого наивного слушателя.

Первые признаки болезни у обеих форм тоже очень различны.

Посмотрим сначала, как развивается простая, горделивая мономания. Никак не ожидаешь, что она могла быть обычным, логическим и почти неизбежным следствием периода меланхолического помешательства — веры в преследование. Фовиль и Маньян твердо настаивали на подобном течении этого процесса.

Во время периода, известного у писателей под названием инкубации (incubation), который может длиться очень долго, больной отличается только беспокойством. У него меняется характер, он становится страшно раздражительным и приписывает всем происходящим вокруг него явлениям значение, далекое от действительности. Родня и не подозревает того, что должно случиться, и только удивляется неровности и странности идей, проповедуемых заболевшим членом семьи.

Вскоре происходит новое явление, это — галлюцинации: больному слышатся никем не произносимые ругательства, он находит в пище запахи и вкусы, не

свойственные им в действительности. Однажды в ресторане я встретил господина, который вдруг направился к своему соседу, совершенно ему незнакомому, и наградил его пощечиной. Ему послышалось, что этот человек произнес оскорбительное для него ругательство, а между тем вскоре выяснилось, что никто не произносил ни слова. Газеты кишат подобными сообщениями.

Очень часто психически больной слышит голоса, раздающиеся за стеной. Тогда он воображает, что его недоброжелатели бродят вокруг дома, сторожат его и намерены ему навредить. Происхождение горького вкуса, который он под влиянием галлюцинации находил в пище, объясняется тогда очень просто: это отравы, всыпанная в его пищу, а может быть и нечто худшее.

Несчастный, преследуемый воображаемыми врагами, полицией, шпионами, иногда даже электричеством или магнетизмом (в чем мы убедились в одном из последних процессов), не знает, что ему делать. Он подозревает домашних, правительство и в один прекрасный день отправляется к прокурору, чтобы сделать какой-нибудь странный и смешной донос, открывающий наконец глаза его близким.

Но случается, что пошатнувшийся ум избирает иные пути. "Чтобы столько несправедливостей могли иметь место, — говорит себе психически больной, — чтобы в нашем общественном строе человек мог быть терзаем так, как я, — необходимо вмешательство высокопоставленных лиц и причастность к делу могущественных особ".

Теперь уже становится видно, как формируется горделивое помешательство. "Но если влиятельные лица мною занимаются, — продолжает логически рассуждать больной, — то, значит, я этого заслуживаю, значит, я уже не тот скромный гражданин, каким прежде себя считал. Значение моей особы, очевидно, вытекает из значительности моих страданий и важности виновников этих терзаний. Если я после всего этого живу скромно, то это объясняется лишь тем, что у меня были отняты атрибуты, на которые я имел право". Дайте волю больному воображению — и вот больной вообразит себя сыном Людовика XVI или герцогом Рейхштадтским, лишенным наследства. Самые скромные из психически больных считают себя несправедливо забаллотированными депутатами.

С этого момента сумасшествие принимает очень ясный характер — это смесь тщеславия и воображаемых преследований. Галлюцинации продолжаются и приурочиваются к этому новому обороту дела.

Психически больной ходит с высоко поднятой головой, принимает гордый вид и покровительственный тон, медленно отвечает на предлагаемые ему вопросы или же, наоборот, бывает многоречив и болтлив. Он сообщает первому встречному сведения о своем положении, проектах и теориях. Но что особенно поразительно, так это изумительная логичность, с которой он комбинирует свои выдумки. Как бы нелепы они ни были, мономаньяк умудряется придать им стройную на вид логическую форму, и если его уличают во лжи, то находит иногда очень остроумный выход из затруднительного положения. В этих нелепостях действительно есть связь, его бред систематичен, а все его действия являются их неизбежным результатом. Он даже приноравливает одежду и пищу к своему новому положению.

Самое изумительное воплощение этого типа дано нам в бессмертном Дон Кихоте. Он — рыцарь, а потому ему необходим панцирь, который он изготовил из картона, но это его не тревожит, так как панцирь на вид блестящ и крепок. Таз Мамбрина — всего лишь посуда для бритвы, но мономаньяк назвал его иначе, и для него этого достаточно. Он восстановит справедливость на этом свете, одержит победу над великанами и останется неизменно верен воображаемой красоте Тобосской служанки. Когда установлена первая идея бреда, все остальное становится ясным и развивается последовательно, вплоть до бедного Санчо Пансы, ожидающего

прибытия на остров. В счастливые минуты прояснения рассудка последний дает нам характерный пример заразительности сумасшествия, которая так часто встречается в жизни. Можно сказать, что мы обязаны Сервантесу неподражаемым описанием мании величия. Самый добросовестный психиатр не отказался бы под ним подписаться.

Чтобы дать читателю вполне точное представление о необычной деятельности мозга горделиво помешанного, чтобы познакомить его со всеми формами, в которые может облекаться причудливая фантазия больного, мне следовало бы привести здесь историю каждого из них в отдельности. Но это невозможно. Вот почему я упомяну лишь о некоторых случаях из моей собственной практики и наблюдений лучших французских психиатров.

У больного, страдающего хроническим бредом или наследственным психическим расстройством, мания величия большей частью принимает худо жественный, научный, литературный или политический оттенок. Мономаньяк вначале слишком хорошо владеет собой, чтобы считать себя королем, императором или миллионером. При таких безумных идеях факты не могли бы укладываться в известную систему, а противоречия обозначились бы слишком резко. Наоборот, даже самый скромный субъект может думать и говорить, что он — непризнанный гений, непонятый поэт или несправедливо всеми покинутый политический деятель. Как только образ валась такая уверенность, все остальное идет само собой. Читатель, впрочем, сам в этом убедится из некоторых фактов, которые я сейчас приведу. Лет 10 тому назад я был знаком с одной бакалейщицей в Монруже. Вследствие неудачных коммерческих операций ей пришлось перейти к продаже плохих картин. Эти две профессии послужили для нее источником самого необычного и странного бреда. Она вообразила себя великим ваятелем и даже изобретательницей нового рода скульптуры из сахара. Действительно, она постоянно старалась раздобыть кусок этого продукта, и при помощи зазубренного перочинного ножа ей удавалось придать ему более или менее отдаленное сходство с головой или торсом.

Легко понять, что подобное новаторство (конечно, по ее мнению) не могло не обратить на себя общественного внимания. Вот почему госпожа Е. получила от многих царственных особ всевозможные знаки отличия, которые она и носила на груди. На пальцах у нее были надеты кольца из проволоки, в которые она тщательно вделывала куски стекла, на голове мономанка носила шляпу с длинными перьями, а на шее — большое ожерелье из индейских каштанов, нанизанных на нитку. Я помещаю в книге ее портрет, преподнесенный мне самой изобретательницей. Госпожа Е. считала себя также знаменитым художником. К сожалению, я не могу привести ни одного из ее рисунков, так как она занималась только фресками. Мономанка что-то мазала на всех стенах и за недостатком красок употребляла в дело чернила, вино или грязь.

Желая сохранить одно из ее произведений, я однажды принес ей верхушку сахарной головы. Она сделала из нее вазу, которую любезно преподнесла мне с цветами, сорванными в больничном саду. Из опасения, как бы цветы не завяли, ей пришла в голову злополучная мысль — налить в вазу воды. Вот почему в течение нескольких минут погибло мастерское произведение искусства!

Госпожа Е. была художницей. Теперь послушайте историю одного ученого.

Густав Х. страдал от двух болезней: эпилепсии и бреда, так как в этой области, увы, совместительство не возбраняется. Он вообразил себя великим астрономом, и в течение семи лет мегаломан изучает строение небесных светил и живет под самой крышей, чтобы находиться ближе к небесному своду и иметь возможность производить ночью астрономические наблюдения. Он, впрочем, и выражается всегда параболлами: "Справедливость справедлива", — говорит он; "ничтожнейший

человек есть вместе с тем и величайший, самый низкий есть и самый возвышенный, самый несчастный есть и самый счастливый".

В течение семи поколений скапливается громадная сумма денег с целью вознаградить астронома за все его труды.

Он построил телескоп, представляющий собой цинковую трубу, в один из концов которой вставлено дно с пробуравленным в нем маленьким отверстием.

Самоотверженный ученый проводит в наблюдениях целые дни, причем видит солнце сзади и ищет центральную точку, которая бы позволила ему найти квадратуру круга и затем проникнуть во французскую Академию. Он страдает галлюцинациями слуха, причем наблюдается любопытное и вместе с тем редкое явление, а именно — галлюцинации меняются в зависимости от уха, которым он их слышит. Через правое ухо злой гений постоянно шепчет ему: "Свиная голова, кабанья голова!" — между тем как в левое добрый гений говорит: "Будь терпелив, продолжай, ты очень хорошо поступаешь" — и т. д.

Среди хронических и наследственных душевнобольных нередко встречаются и поэты. Не проходит дня, чтобы директор психиатрической лечебницы не получал посвященного ему послания или кантаты, среди которых иногда попадаются и весьма недурные, но наряду с ними встречаются и такие, на которых лежит несомненный отпечаток самого полного умопомрачения.

Вот стихотворное письмо, адресованное Деве Марии одним торговцем аптекарских товаров, сидевшим в больнице Св. Анны⁵.

Мадонна!

Как живое выраженье Всех чувств, как скорбный мой привет,
Как слабый дар любви и уваженья, Прими сей скромный мой сонет!

Сонет

О, дева дев! Богов царица! О, наша мать! В борьбе земной
Для всех живых твоя десница —

Хранитель-ангел их святой!

* * *

Ах, будь же им, небес жилица, И мне! Тронься нищетой

⁵ Все стихотворения, помещенные автором в ,)той ? лаве в виде иллюстраций к характеристикам лиц, страдающих манией величия, переведены Н. Л. Пушкиревым (прим. пер.).

Моей души! Да благ десница Заблещет снова предо мной;

Да под святой твоей охраной

В нить быстрых дней моих жизнь вновь

Вплетет и радость и любовь,

* * *

И да очищенный предстану,

Тебя любя, тобой храним,

Я пред Создателем моим!

Он же посвятил господину Маньяну стихотворение, написанное по поводу домашнего спектакля, поставленного в больнице. Поэт сопровождает его следующим любезным стихотворением:

Уважаемый доктор

Любезный доктор! Уваженье

И благодарность, — вот какой

Монетой жалкой, без сомненья,

Я вам вручить вознаграждение
Могу за труд ваш столь большой.

* * *

Примите ж их, мой врач почтенный...

Скажу — возлюбленный, когда,
Мирясь с сей платой малоценной,
Вы мне шепнете: "несомненно,
Мы с вами квиты — и навсегда!"

Другой больной, по-видимому, испытывает гораздо меньше почтения и благодарности к своему врачу. Он сочинил сатиру, состоящую из 120 александрийских стихов, от которых я вас, впрочем, избавлю. Некоторые из них, однако, звучат весьма недурно:

О, эти худшие из всех живых людишек,
Которых Бог на грех всем мог создать:
Орда бессовестных, гнуснейших докторишек,
В грязь ремесло сумевших превращать
Одно из доблестных, одно из самых чистых

239

Привзваний жизненных! О, эти подлецы,
Что психиатрами зовут, что в моралистах
Бессменно состоят! Они, чтоб скрыть концы
Позорных дел своих, рвут все мои записки.
Они — враги всего: и общества, и всех,
Всех благ общественных, и так подлы и низки,
Что ценят на рубли свой сатанинский грех!

Эти произведения психически больных очень интересны. Приведенные мною примеры не выходят за обычные рамки. Однако нам нередко приходилось наблюдать, как возбуждение умственных способностей у людей, по-видимому, наиболее приниженных, сопровождается созданием замечательных творений. Встречаются помешанные поэты и художники, но существуют также сумасшедшие, на которых как бы нисходит поэтический дар, причем не всегда бывает легко отличить одних от других. Я имел честь быть одним из последних учеников Моро-де-Тура, и мне часто приходилось слышать, как он отстаивал знаменитый афоризм о тождественности гениальности и помешательства, — разница в результате обусловлена лишь перевозбуждением той или другой способности. Талантливому психиатру Сенту пришла в голову мысль собрать в Шарантоне произведения душевнобольных, и достигнутый им результат столь замечателен, что в итоге получилась любопытная коллекция, и мне трудно удержаться от желания познакомить вас с ней. Я уверен, что среди заблуждений, о которых мне придется рассказывать, читатель с удовольствием отметит в ней и некоторые остроумные вещицы.

А., после усиленных умственных занятий, длившихся целое лето, вдруг стал испытывать невыносимые головные боли. Вскоре его стали преследовать беспричинные угрызения совести, так что, хотя за больным не было никакой вины, он, тем не менее, постепенно убедил себя в том, что должен вскоре стать жертвой небесной кары. Спустя несколько дней он вообразил, что Бог обратил его в животное, как некогда Навуходносора.

С этого момента земля в его глазах изменила свой облик. Больной все стал видеть в зеленом цвете. Когда он говорил, то ему казалось, что твари понимают его. В осле или лошади он видел товарищей, вид лужайки вызывал у него желание попасться,

и если он от этого воздерживался, то только из самолюбия и из боязни огорчить родных и знакомых.

Находясь в этом странном умственном состоянии, он начал писать стихи, предназначавшиеся для одного провинциального конкурса. Он провел целый день с непокрытой головой под солнцепеком в погоне за рифмой, а вечером, после испытанных неудач, окончательно потеряв рассудок, устроил страшную сцену жене и матери, бросил свою шляпу в лужу и стал яростно топтать ее ногами. Затем он неожиданно высвободился из рук удерживавших его лиц, вскарабкался на второй этаж своего дома, ударом плеча вышиб дверь в одной мансарде и, бросившись на лежавшую там горничную, попытался ее задушить.

Наконец его удалось схватить и отправить в лечебницу. По дороге он, не переставая, твердил: "Я — негодяй". Войдя в кабинет к врачу и увидев на стене портрет императора Наполеона, больной обратился к нему с речью, произнесенной в полголоса. Затем он торжественно спросил, в котором часу его намерены гильотинировать на следующий день. Он провел очень тревожную ночь, лихорадочно исписывая листы бумаги и ежеминутно справляясь о том, как намерены поступить с убийцей Дюмоляром. В заключение он запечатал письмо и отправил его на имя императора Наполеона III.

Затем он начал вырывать у себя волосы из бороды, выкрикивая при этом: "Я ищу своего последнего врага". Спустя некоторое время к несчастному возвратился рассудок. Он был настолько спокоен, что директор лечебницы смог пригласить его к себе отобедать.

Во время общей беседы за столом один из врачей спросил его:

— Расскажите нам, пожалуйста, почему во время своей болезни вы так интересовались судьбой Дюмоляра. Поясните нам смысл ответа, данного вами в столь трагичной форме: "Я ищу своего последнего врага". Наконец, поведайте нам, если вам это известно, что происходило тогда в вашем уме?

Я буквально привожу ответ, записанный Сенту со слов больного: — В начале болезни мне дали шляпу, которая поразила меня своей странной формой. Все тогда вызывало у меня сомнение. Мне представилось, что эта шляпа служит признаком проституции. Вот почему я стал топтать ее ногами, и, когда моя мать пыталась собственноручно надеть мне ее на голову, я был так этим возмущен, что готов был убить ее на месте. Потом, во время обеда, мне послышалось, что на улице арестовывают людей и говорят обо мне. Чтобы избежать этого позора, я бросился из квартиры и во время бегства попал в каморку, где застал раздевающуюся перед сном служанку. Крайне изумленный такой встречей, я невольно спросил себя, что же мне здесь было нужно. Вид прислуги навел меня на мысль о Дюмоляре и затем без всяких переходов привел меня к убеждению, что я сам не кто иной, как Дюмоляр, а Дюмоляр должен изнасиловать и задушить горничную. Меня арестовали и привели сюда. В кабинете врача я увидел не портрет императора, а его самого. Он сделал мне несколько горьких упреков за мои преступные действия и объявил об ожидающей меня ужасной каре. Войдя в отведенную мне палату, я вообразил, что нахожусь в тюрьме со всякого рода преступниками. Когда же мне поставили клистир, я подумал, что он был отравлен и что в этом заключалось возмездие за мои гнусные злодеяния, так как, по всей вероятности, моя голова осквернила бы даже нож гильотины. Вскоре я ощутил последствия принятого мной яда: все мое тело покрылось червями, я был изъеден ими, а куски сгнившего мяса отваливались от меня. Когда я говорил, что "ищу последнего своего врага", то пытался схватить живым одного из мучивших меня червей, но все они раздавливались в моих пальцах. Чувствуя приближение смерти, я хотел явиться перед лицом Всевышнего с одним из червей в руках, чтоб иметь право сказать Ему: "Я действительно был ужасным негодяем, но понесенное мною наказание

превышало всякую меру. Взгляни, Господи, на этого гнусного и отвратительного червя — я был заживо им съеден. Да снизойдет на меня Твоя святая милость и всеблагое прощение!" Когда вечером мне принесли какое-то питье, я с жадностью проглотил его, полагая, что ему предназначено ускорить мой конец. Это питье усыпило меня, и я проснулся крайне удивленный, что еще не умер и что избавился от червей. "Вероятно, — подумалось мне, — хотят продлить мои мучения". Тогда я вспомнил о своих детях, увидел их беспризорными нищими, от которых все отворачиваются из-за позорного имени, завещанного им отцом, и решился перед смертью поручить их заботливости Императора. Чтоб вернее тронуть его, я решился напомнить ему в письме о сиротском приюте, основанном в честь императорского принца. Меня вдохновляла при этом надежда, что, быть может, император велит принять туда моих детей. Окончив послание, я стал ожидать смерти более спокойно. Мне поставили пиявки, и тогда мои мысли стали менее сбивчивыми. Я стал сознательнее относиться к происшедшему и по странностям окружавших меня лиц скоро догадался, что это были не преступники, а помешанные. Это послужило лучом света, который начал озарять меня и освещать мое положение. После приведенной беседы, один из присутствующих пошел за письмом, адресованным несчастным императору. Оно было в стихах. Привожу его целиком:

1

Горе уличным детям... о, горе! Они
Не родимые груди сосут,
Не рожек с молоком — больше слезы одни.
Злой мороз щиплет плечи им ночи и дни;
Непосильные скорби и труд
Гонят краску и жизнь с миловидных их лбов...
И растут так, растут день за днем
Эти дети греха, без молитв и крестов,
Без любви, без утех, без участливых слов,
Без вождя, что мы честью зовем!
И растут так, растут... словно черви в тени!
И, что змей в ясный солнечный день,
К ним отовсюду ползут лишь пороки одни.
И уходят душой в те пороки они,
В ту змею, что, как черная тень,
Что, как гидра, мрачит жизнь больших городов. Мнимый нищий, канючащий грош,
Негодяй, недостойный герой кабаков, Хитрый плут под личиной простых
добряков, Злой грабитель, точащий вам нож, — Это — все, все они, дети улиц
родных! На галерах, в тюрьме, а порой И в тисках гильотин, всюду встретим мы
их, Тех детей, не имевших у люлек своих Божьих ангелов, ласк и родных!
Мир уличным детям! Их ждет благодать! Нет сирых: на крик их сошла С небес к
ним мать Бога — и смысла опять С их лиц молоком милосердья печать Греха,
отверженья и зла.
Уж больше ни бедность, ни ложь, ни позор
Не станут тревожить их сон,
Чтоб влить и в сердца их, как в тело и взор,
Отраву порока. О, нет, с этих пор
И сладок, и тих будет он!
Любовь с милосердьем — два стража его... И позже, когда в их крови, В сердцах их
проснется сознание всего, Любой за любовь ту себя самого Отдаст всего делу
любви!

И рай вновь наступит тогда на земле: Все честное дело найдут, И те, что всю жизнь пресмыкались во зле, Свой мед, уподобясь полезной пчеле, В общественный сот понесут!

Но кто ж он, тот Ликург, тот мудрый полубог, Что жалких куколок спас в сердце благородном? Что землю показал червям земли голодным? Что мог осуществить химеру? Кто, как Бог, Дал тем любовь родной, кто знать ее не мог; Дал честь и имя тем, кто был рожден безродным...

Ужель один из тех, что гонят жизни тьму Сияньем собственным? Из тех лже-Прометеев, Что корчат из себя каких-то Моисеев? Любовь их к бедняку родна лишь их уму, И гордость этих дней новейших фарисеев Лишь может раздражить, но не помочь ему.

Кто он? То — тот герой, чье слово в миг один Венчало скорбный Лувр, обвитый повиликой Надежд Людовика и Валуа! Тот сын Побед, что дважды спас страну, изгнавши дикий Культ зверств! Что из рабов кнута и гильотин Вновь сотворил народ, народ, как сам — великий!

То — ты, Наполеон, чье имя все уста

Твердят восторженно от яслей до чертога!

То — в мантии твоей, носящей, волей Бога,

Судьбы Европы всей, укрылся сирота,

Как сын твой собственный, с мечтой, что нищета

Не перейдет всю жизнь уж вновь его порога!

Но ты не одинок, — о нет! — Наполеон,

Был в этом подвиге великом и едином:

Хранитель-ангел твой посеял в сердце львином

Ту славу, что затмит величье всех времен,

Как некогда затмить блестящий Парфенон

Смог скромный Назарет, взнесенный Божьим Сыном!

И вот, дети улиц, вы все спасены В той мантии Цезарем смелым! Любовь, уваженье к законам страны, Отвага и доблесть отныне должны Стать вашим грядущим уделом! Вы всем теперь вправе вскричать в унисон, Кто б дерзко об имени вашем Спросил вас: "Оставьте иронии тон! Нам Франция — мать всем, а нашим Отцом был сам Наполеон!"

А. полностью выздоровел, но уже никогда более не мог написать стихов, сравнимых по достоинству с составленными им в ужасную ночь, когда он отождествлял себя с Дюмоляром и заживо был изъеден червями.

В бытность А. в Шарантоне там происходило очень оригинальное брожение среди больных. Двое или трое из них решили основать газету, и вот при каких условиях.

В то время в Шарантонской лечебнице находился некий З., одержимый манией величия, сопровождавшейся странными идеями преследований. Это был весьма опасный человек, поклявшийся убить первого попавшегося ему на пути человека.

Недолго думая, он с необычайной силой оторвал громадную железную полосу, вделанную в стену, и стал сторожить за дверью проходящих. К счастью, его своевременно заметили и обезоружили. С течением времени возбуждение А.

значительно ослабело, и больной, за исключением упорного нежелания писать родным и менять белье, по-видимому, вернулся к довольно нормальному состоянию. Он проводил целые дни за чтением и переводом романов Диккенса.

Одновременно с ним и в его же отделении находился офицер, развлекавшийся писанием акварелей. Однажды он довольно удачно воспроизвел главные ворота лечебницы. З., увидев рисунок, был внезапно озарен одной мыслью и написал под ним:

Путь в Мадополис.

"Дорога, ведущая в Мадополис, не представляет собой шоссе с каменной насыпью, рвами и откосами; это — сферическая дорога, величиной с земной шар, а высотой равняющаяся величайшей египетской пирамиде.

С самого рождения мы вступаем на Мадополисскую дорогу, а сходим с нее лишь со смертью.

Странно при этом, что быстрее всего двигаешься по ней, может быть, во время сна, а переступаешь врата знаменитого города тогда, когда меньше всего этого ожидаешь. В Мадополисе живут мужчины и женщины. На свете почему-то весьма распространено ошибочное мнение, будто обитатели Мадополиса свалились с луны. Но гораздо больше лунатиков можно встретить за пределами Мадополиса, чем в его стенах. Путь, ведущий к Мадополису, кишит ими. Бедные люди! Они уходят от нас или идут к нам! Если бы мы стали припоминать, то увидели бы среди этой толпы лунатиков вас, о Мадополитяне, о Мадополитянки!"

Внизу листа он добавил следующие слова: "Воззвание следует продолжать". Затем, передавая листок офицеру, З. сказал: "Мне бы следовало иметь собственный орган для выражения моих мыслей". "Что же, — ответил ему тот, — затеем газету. Я берусь ее иллюстрировать".

Дело было налажено в течение нескольких минут, и два наших маньяка принялись за работу. Газета была названа "Мадополисским жнецом".

В качестве главного редактора З. лихорадочно работал, сочиняя по 5 стихотворений в день, обращаясь к сотрудникам с просьбами присылать ему статьи, которые он рассматривал, исправлял и сокращал. Любопытна была его нетерпимость к похвалам. Он грубо прогонял лиц, пытавшихся поздравить его с новым предприятием. Однажды надзирательница очень вежливо попросила дать ей почитать номер "Жнеца". З. резко отказал ей в этом и даже вышел из себя без всякого видимого повода. Вскоре он, однако, кается в своей опрометчивости и спешит передать этой госпоже несколько номеров, в которых только что отказал ей, сопровождая их следующим стихотворным посланием: Музыкантше!

Сударыня! Вы "Жнец" наш непременно
С начала самого желали б весь прочесть?

Желанье дам для всех нас, несомненно,
Есть честь!

Вот почему я страшно бесновался,
Что в первом номере на днях вам отказал.

Он (кто-то им, знать, слишком восторгался)
Пропал.

Вчера я вновь, — и вмиг, и без помарок, —
Весь воссоздал его, как вспомнил, как сумел.

Желаю, чтоб тот копия подарок

Был цел

И мог достичь до цели столь красивой,

То есть до той, которая, увы,

Была всегда такой нетерпеливой,

Как вы.

"Жнец" задался задачей быть приятным

Для всех, кто услаждать умеет наш досуг,

Кто в радостях, быть может всем понятным,

Как друг;

А потому, когда (хоть "Жнец" глупее,

Чем мнит) вас посмешит моя галиматья,

То посмеюсь вновь с музою моею

И я!

Но надо признаться, что крайне напряженная умственная деятельность не была полезна для З. Он грубо обращался со всеми и оскорблял своих сотрудников, вот почему в "Жнеце" перестали появляться статьи, а взамен них его наводнили писания редактора. Он брался за все, за прозу и стихи. Позволю себе привести одно по-

248

истине замечательное произведение, написанное им во время страшно возбужденного состояния. Из Шарантона виднеется полотно Лионской железной дороги и Орлеанской ветви, постоянно слышны свистки и шум от проходящих мимо поездов - это служит развлечением для всех шарантонских обитателей. Вот почему "Жнец" не мог умолчать об этом явлении.

Локомотив

Солнце скрылось. Поселяне Возвращаются с работ, Тихо с гор к родной поляне Стадо мирное бредет. Дилижанс промчался шибко... Небо ясно, воздух чист, Не колыхнет веткой гибкой, Не дрогнет на ветке лист. Вдалеке в огнях сверкает Дымный город... Близок сон: Вся природа понижает Голос дня на целый тон. "Оно" весь шар земной мгновенно облетит. "Оно" закатится, наверно, в океане. Но сзади ряд огней, краснеющих в тумане. Про кровь, про жертвы говорит. Кто ж то "оно", что грозно, без пощады, Крушит все на пути? Что смело, как прогресс, Уничтожает все, все встречные преграды? То — он, локомотив! Перл мысли! Перл чудес!

Он должен вдребезги б разбиться, несомненно... Когда сдержать его не смог бы человек,

Никто б не в силах был сдержать во всей вселенной Его безумный бег!

Ему все груди гор покорно открывают Глубь тайных недр, глубь сердца своего; Ему все лучшие селенья уступают Свои луга и нивы; для него Долины тихие сверкают все огнями: С ним глушь пустынь полна столичной суеты; Под ним над безднами и гордыми реками Взлетают гордые мосты!

Он рушит все. Прошел как вихрь. И где же Границы царств? Для всех нас есть леса, Есть горы, для него — везде и рельсы те же, И те же небеса!

Он удлинил нам пух от люльки до кладбища;

Он увеличил нам количество часов,

Он жизнь внес в самые пустынные жилища,

Сбил версты в несколько шагов.

Локомотив всех больше защищает Страну в дни войн: он свежих, полных сил, Одетых заново, солдат родных бросает На землю чуждую, к врагам их, в самый пыл Кровавых битв... И как он гордо мчится Потом назад с толпой героев и вождей! Как будто доблестью и славой их гордится, Как будто пульс в те дни в нем бьется горячеей!

Весь этот механизм, ничтожный винт в котором Есть плод усидчивых мучительных работ, Наглядно говорит, что мир, согласным хором, С прогрессом об руку, все движется вперед.

Он — это общность дум, плод общей цели — знание! Стихийной силы мощь, которую сдержал Ум мощью мышц своих, Господних уст дыханье, — Одушевившее безжизненный металл.

З. не смог долго выносить эту усиленную деятельность. Его горделивые идеи стали сопровождаться бешеным бредом. В один прекрасный день он принялся петь во все горло. Ночью он продолжал делать то же самое, на следующий день у него пропал голос, его глаза дико блуждали, дыхание стало затрудненным, и изо рта появился дурной запах. Он умер в тот же вечер.

Но возвратимся к "Мадополисскому Жнецу" и к его редакторам. В то время, когда З. основывал газету, в Шарантоне находился молодой инженер, преследуемый манией величия и поступавший в лечебницу уже третий раз. Он мало интересовался литературным движением, происходившим вокруг него, и целыми днями писал письма императору, императрице, Дебароллю и своим родным. Я приведу некоторые из них, чтоб читатель мог себе представить, с каким больным мы имеем дело.

"Г-ну Дебароллю. Придите взглянуть на мою руку, пока она еще вся покрыта пузырями и мозолями, образовавшимися от кирки и лопаты". — "Дорогой брат, не мог бы ты охранять собственной персоной Вандомскую колонну". — "Дорогая сестра, хорошо было бы, если бы ты могла защитить собственной особой и телом колонну Бастилии? Возьми с собой обруч, хотя бы от кринолина, и обрати внимание на форму решетки". — "Дорогая племянница, восстанови согласие между теткой и дядей", и т. п.

Однажды главный редактор "Жнеца" обратился к нему с просьбою принять участие в его газете. Его самолюбие было польщено этим предложением. Он немедленно принялся за работу и принес свою первую статью, начинавшуюся следующим образом:

"Что это такое?

Газета Шарантонской лечебницы предназначается для приема гноя из наших ран? Будем же выпускать гной.

Когда человеку захотелось жить в лазоревом небе (по крайней мере, после смерти), то он придумал веревки, чтобы связать небо с землей. Нечто подобное наблюдается в нравах страуса. Так делают, делают, делают Марионетки всегда; Так, делают, делают, делают: Покружатся, па все переделают -И скроются вновь без следа.

Мы скажем вам, милостивые государи и государыни, что для некоторых разумных сумасшедших (*fous sense*) другие сумасшедшие с цензами (*senses fous*) придумали создать цензуру. Когда хотят приготовить заячье рагу, то берут для этого зайца?

Вот еще, возьмите шкуру зайца, срежьте с нее шерсть, сообщающую ей слишком яркий животный или местный оттенок, дайте это переработать литературных дел мастеру, который уничтожил бы орфографические ошибки, и вы получите

"Совершенную Газету!... Вот почему я приношу вашим ножницам все выше и ниже писанное. Но, кстати, чьим ножницам? Как вас зовут, милостивый государь, вооруженный ножницами? Меня же зовут Мик-Мак". Эта статья была единогласно признана слишком бессвязной и на этом основании отвергнута.

Наш автор, тем не менее, не отчаялся — не удалась проза, он принялся за стихи: *J'aime le feu de la Fougere Ne durant pas, mais petillant « La fume est acre de gout, Mais des cendres de: la Fou j'erre On peut tirer en s'amusant Deux sous d'un sel qui lave tout De soude, un sel qui lave tout! Mie-Mac.*

И новый отказ — редакционный комитет, по-видимому, недолго любил острот.

Тогда инженер рассердился и написал своим товарищам:

"Научитесь читать вашего Мик-Мака! Я вам предлагаю свое сотрудничество, за которое расплачусь с вами пинками, если мне придет такая охота".

Это раздражение длилось некоторое время. Больной, забыв о литературе, только и бредил о том, чтобы спасти Францию от больших опасностей, о которых, по его мнению, никто, кроме него, не имеет надлежащего понятия.

Он завязывал себе глаза, чтоб не видеть редакторов газеты, с которыми ему, тем не менее, приходилось вместе жить. Но нет такого гнева, который бы рано или поздно не смягчался. Однажды вечером в общей гостиной играли в рифмы. Среди прочих были предложены слова: удила, уныло, мираж и ягдташ. Он немедленно написал следующее четверостишие:

Когда Мадополис усталый уныло

Заглядывал оком в ягдташ

Того, кто всем правит и держит удила,

Ваш "Жнец" становился в тот миг не мираж.

Главный редактор газеты взял бумажку и тотчас ему ответил: Тот автор, что слогом бесцветным уныло (Не принят ли "Жнец" им, — вот был бы мираж! — За старую клячу?) поет про "удила", Тот этим любезность кладет в наш ягдташ.

Так они вновь сделались собратями по литературе. Мир был заключен, и для его закрепления у молодого инженера попросили статью. На следующий же день она была доставлена и принята. Сенту извлек ее из "Жнеца". Она столь любопытна, что я не могу удержаться от желания привести ее здесь целиком:

Дорожное приключение

Я занимал в Ахене маленькую квартирку на краю города. Она выходила окнами на небольшую площадь. Направо виднелись городские укрепления, а налево маленький холм, на котором была воздвигнута церковь Св. Адальберта. Холм составлял одно целое с укреплением. Напротив же моих окон возвышалась городская стена, через которую я так часто перелезал ночью, чтобы попасть домой наикратчайшим путем.

Моя квартира находилась на втором этаже. Она состояла из гостиной, спальни и темного чуланчика, предназначавшегося для хранения платья.

Мебель, полученная мной из Парижа, придавала гостиной, несмотря на ее скромное убранство, отпечаток, которым не могут похвастаться комнаты, меблированные на немецкий лад. В ней находились: большой письменный стол из красного дерева, диван, два кресла, два зеленых бархатных стула, посреди комнаты стоял круглый стол, заваленный книгами и бумагами, в углу был камин, на письменном столе возвышались золоченые канделябры работы Бар-бедьена и часы из зеленого пиренейского мрамора, над которыми красовалась хорошенькая статуэтка Дианы.

Спальня была скромно меблирована. Там стояли кровать, комод, шифоньерка, туалетный стол и большой шкаф, вроде тех, что встречаются в деревнях у французских крестьян.

Я часто уезжал по делам в Бельгию. Однажды летним вечером, прорыскав целый день по Льежским улицам, я сел на курьерский поезд, который должен был доставить меня к 3 часам утра в Ахен.

В Пепинстере, станции разветвления линии Сна, поезд остановился на несколько минут. С локомотива уже раздался последний свисток, как перед самым отходом поезда в вагон, запыхавшись, вошла молодая дама и именно в то его отделение, в котором находился я вместе с двумя другими путешественниками.

Так как мои дорожные товарищи заняли уже весь соседний диван, то молодой даме пришлось сесть напротив меня. Она отличалась изяществом фигуры, ловко схваченной в драповом пальто с большими широкими рукавами, роскошно гарнированными бахромой и стеклярусом. На ней было шелковое платье, в черную и коричневую полосу, ее шляпа отличалась изяществом и простотой. На вид ей нельзя было дать более 22—23 лет. Это была брюнетка с открытым и приятным лицом. По ее вышитому саквоюжу, замочку, приделанному к нему, и по некоторым другим мелким деталям я заключил, что передо мной немка.

- Вы чуть было не опоздали, сударыня, — сказал я ей по-немецки.

- Это правда, — ответила она с полуулыбкой и несколько озабоченно, — но мне почти что хотелось остаться.

На моем лице, вероятно, отразилось удивление, так как прекрасная собеседница добавила:

- Я путешествовала вместе с братом и не знаю, что с ним теперь случилось.

Мое любопытство было возбуждено — я мог оказать незнакомке услугу. Рискуя показаться нескромным, я решился задать ей кое-какие вопросы. К тому же язык, на котором мы объяснялись, был непонятен обоим нашим спутникам, и мы могли разговаривать свободно. И вот что я узнал от нее. В Лютихе ее брат вышел на минуту в буфет, но не успел вернуться в купе ко времени отхода поезда. В Пепинстере, думая, что он, вероятно, находится в одном из последних вагонов поезда, она вышла и всюду тщетно разыскивала его. У нее не хватило времени осмотреть все вагоны, и она все еще не теряла надежды соединиться с ним на Вервьевской станции, где поезд останавливается, по крайней мере, на четверть часа, чтобы перейти с Бельгийской железной дороги на Рейнскую.

Одно обстоятельство, однако, усиливало ее опасения — поезд, в котором мы находились, шел только до Ахена, куда нам предстояло прибыть к 3 часам утра. Она должна была остановиться там с братом, а на следующий день продолжать путь до Кельна.

Я прекрасно понимал ее тревогу. Молодой и хорошенькой женщине приехать одной в город, где ничего не знаешь, быть поставленной в необходимость провести там половину ночи (от 3 до 8 часов утра), имея при себе багаж, будить прислугу в гостинице или даже обращаться к незнакомым с просьбой указать путь — все это, конечно, не могло ей особенно улыбаться.

Я попробовал предложить ей свои услуги, и было решено, что, если она не встретит своего брата в Вервье, то мы зайдем в рейнском поезде места в одном купе, а по приезде в Ахен я повезу и устрою ее в одном из отелей. В Вервье мы никого не нашли. Оба усталые, мы отлично выспались до Ахена в купе первого класса. Там я принимаю на себя все хлопоты о багаже, вооружаюсь вышитым саквояжем и предлагаю ей руку.

Уже светало, когда мы выходили из вокзала.

- Вам не долго придется поспать, — сказал я своей спутнице.

- Ах! Я не хочу ложиться, — ответила она, — а то еще, пожалуй, опоздаешь на поезд, а я хочу как можно скорее приехать в Кельн. Брат, вероятно, уже телеграфировал, что отстал на дороге, и попросил кого-нибудь встретить меня на вокзале. Если бы я не приехала, мои родственники очень бы обеспокоились.

- Я могу предупредить прислугу, чтобы вас вовремя разбудили. Вам надо немного отдохнуть, утомление...

- Ах! — вскрикнула она с легким судорожным трепетом, как будто бы с ней уже начиналось неприятное приключение. — Я не хочу ложиться в гостинице — мне будет страшно.

- Неужели вы меня боитесь, сударыня? — спросил я ее, улыбаясь.

- Вы были так любезны и предупредительны, что... — она взглянула на меня с доверием.

- В таком случае, вот какое предложение я осмелюсь вам сделать. Мы не отправимся в гостиницу, а завернем ко мне. У меня маленькая квартира, состоящая из двух комнат. Я займу одну комнату, а вы другую, и до 8 часов утра хозяин квартиры будет вашим слугой — я сам вас разбужу.

Взгляды, брошенные с обеих сторон — почтительные и доброжелательные с одной и благодарные с другой — быстро заключили дело.

Я заметил, однако, небольшое колебание в моей спутнице, когда пришлось позвонить у подъезда. Я не мог не чувствовать, как трепетала ее рука, пока я вел ее по темной лестнице. Но вот, наконец, мы уже достигли цели и находимся в моей квартире.

Пока я запираю дверь, ее глаза блуждали по комнате. Но вдруг взгляд ее стал неподвижен, и она остановилась, как будто пригвожденная к порогу, опустив глаза в землю. Ах! Как она была хороша в этот момент!

Я взял ее за руки, и, обменявшись улыбками, мы сели на диван. С этой минуты я почувствовал свою власть над ней. Она была спокойна.

- Я бы посоветовал вам, сударыня, снять пальто и шляпу, — сказал я ей, вставая, — мне же позвольте переменить платье, оно все в пыли.

Сбросив при этих словах шляпу и пальто на стул, я накинул на себя черную шерстяную куртку, окаймленную зеленым шнурком.

Она сняла перчатки, пальто и шляпу и пошла к умывальнику.

Я достал свои лучшие полотенца, и мы оба, освежившись и весело улыбаясь, обменялись первым поцелуем.

Прекрасная незнакомка распустила свои роскошные волосы, чтобы привести их в порядок после дороги. Они ниспадали до земли...

- Как вы хороши! — воскликнул я, добиваясь второго поцелуя, в котором, однако, мне было отказано столь категорично, что о новой попытке нечего было и думать.

Мне стало стыдно и неловко. В гостиную я возвратился один. Когда же она пришла ко мне в комнату, то я выразил ей сожаление по поводу отсутствия в моем холостом хозяйстве каких-либо освежительных напитков или закусок.

- Сядемте и дайте мне мой саквояж, — весело ответила она.

Я повиновался. Она вытащила из своего мешка дюжину сухих пирожков и большой хрустальный флакон с мадерой, взятой в дорогу для ее брата. С этого момента наша беседа уже не прерывалась, и наш скромный ужин был восхитителен.

Мы обменялись визитными карточками, чтобы в точности узнать, как пишутся наши имена. Незнакомка задавала мне массу вопросов о моих занятиях, вкусах, времяпрепровождении и т. п.

В свою очередь я узнал, что она была сиротой. Беседуя, закусывая и поглощая мадеру, мы засиделись почти до 5 часов утра.

Г-жа Х. была страшно утомлена, и разговор начинал иссякать.

- Я бы советовал вам немного поспать. У вас еще осталось 2,5 часа до отхода поезда. Ложитесь на мою постель, я же займу диванчик, на котором вы в настоящую минуту сидите.

- Предоставьте диван мне, — сказала она.

- Сударыня, вам гораздо удобнее будет на постели.

- Я не хочу вас стеснять, закройте дверь и ложитесь.

- Я этого ни за что не сделаю, так как уверен, что вам здесь будет неудобно.

Бросьте церемонии! И, схватив ее на руки, как ребенка, я положил ее на постель. Мы стали хохотать.

Ее дружеский взгляд требовал почтения. Страстный поцелуй заставил нас обоих вздрогнуть.

- Прощайте, — сказала она, — мы в вагоне, и вы мой брат. Проснувшись утром, она сказала: "Благодарю, благодарю вас" — и,

схватив мою голову обеими руками, поцеловала меня в обе щеки.

Не знаю, что со мной стало, но мое смущение все возрастало. Я ничего больше не мог сказать и стоял на месте, как дурак. Потом стал ходить за ней по пятам из гостиной в спальню и из спальни в гостиную. По мере того как мое волнение усиливалось, ее жесты становились более порывистыми, а походка — лихорадочной. Кризис был неизбежен.

Она вдруг остановилась напротив меня. В ее взгляде отражались все волнения, испытанные со вчерашнего дня. Вдруг она, рыдая, бросается мне на шею, сжимает меня в своих объятиях и осыпает поцелуями, на которые я не знал, как ответить.

Наконец она успокаивается и, все еще удерживая меня в объятиях и уткнувшись головой в мою грудь, говорит мне сконфуженно:

- Ах! Как бы я хотела выйти за вас замуж!

Рыдание вырвалось из моей груди, и наступила моя очередь отплатить ей поцелуями за поцелуи. Мы плакали и целовались.

- Который час? — вдруг спросила она, проводя рукой по лбу и как бы пробуждаясь от сна.

- У вас еще остается 25 минут, — ответил я, — 5 минут надо, чтобы сдать багаж, и 15, чтобы доехать до вокзала. Нам еще осталось провести здесь 5 минут.

- Запишите мой адрес. Я остановлюсь на три дня в Кельне. Приезжайте через пять дней в X. Я представлю вас своему опекуну и возьму на себя все остальные хлопоты.

Возвращаясь на вокзал, мы оба испытывали смущение. Чему это следовало приписать? Я, право, не знаю.

В тот момент, когда она садилась в вагон, мы обменялись последним дружеским поцелуем. "Я вас люблю!" — "Я вас люблю!" — прошептали мы друг другу на ухо. И поезд тронулся.

Прошло немного времени с тех пор, как Р. написал эту повесть, а между тем его горделивые идеи приняли крайне плачевный оборот. Он вообразил, что на его усах покоится вселенная и что его шарф предохраняет империю от опасностей. Во время этих безумств он пишет две статьи для "Жнеца": "Похождения Полишинеля" и "Сон Омега". Ему также принадлежит проект всемирного банка. Он бьет по щекам других больных и уверяет, что им эти пощечины доставляют большое удовольствие.

Рядом с ним в лечебнице находилась одна молодая девушка, считавшая себя "главной шарантонской инспектрисой". Она наделяла громкими титулами всех своих посетителей. Вспыльчивость "инспектрисы" достигала таких страшных размеров, что ее приходилось держать под самым тщательным наблюдением, и она неоднократно пыталась убить сиделку.

Однажды больная вообразила себя важным политическим лицом, которое держат в заключении в Шарантоне. По этому поводу она сочинила следующие стихи:

Двор одиночных камер.

Когда в тюрьме моей, на койке, где порою
Дремлю тревожно я, свободы призрак — сон
Смущает мысль мою, поет: "Ко мне! За мною!
Я под крылом своим от всех тебя укрою
И дочь у матери не вырвет сам Самсон!"
Я силюсь отогнать тот призрак, я сурово
Шепчу тогда ему: "Оставь меня, молю!
Завиден жребий мой: я жажду, я готова
Всю жизнь страдать, всю жизнь влачить оковы —
И умереть за родину мою!"

Другой горделиво помешанный И. вбил себе в голову, что живет на свете 500 лет.

Он был возведен в герцоги Венсенские при Карле VII и одержал в то время блестящую победу над англичанами. При Людовике XIV он был генералом и жил в отеле, размещавшемся по улице Траверсьер С. Антуан. При Людовике XV его уже сделали командиром корпуса.

Во время революции он лишился своих наследственных вотчин, Венсенской и Шарантонской. Вот почему он исправно пишет протесты и адресует их в муниципальный совет этих общин.

Другая его идея заключается в том, что у каждого человека есть где-то его двойник. Он верит в переселение душ и думает, что каждый из нас есть возродившийся экземпляр существа, жившего ранее.

Он составил грамматику и предложил "Жнецу" лингвистические статьи, от которых я, однако, избавляю читателя.

Этот больной, несомненно, уже предвидел появление волапука. И не только был знатоком грамматики, но вместе с тем ботаником и терапевтом, он составил трактат о целебных свойствах огородных растений.

Его статьи, посвященные художественной критике, приобрели известность.

Приведу из них одну выдержку:

"Полагаю, что улицы, вытянутые в струнку, особенно в большом городе, должны непременно притуплять ум. Зрение тотчас успокаивается на прямолинейности, а между тем его назначение заключается в том, чтобы расширять ум с помощью вызываемых им идей. Быстрота же зрительного удовлетворения должна способствовать ограничению мыслительной деятельности. Я убежден, что город с извилистыми улицами доставляет жителям и больше покоя, вследствие того, что ветры по таким улицам могут разгуливать менее свободно, чем по прямым, а следовательно, и меньше раздражать наше тело. Благодаря этому дух должен более господствовать над плотью и лучше направлять и сосредоточивать идеи субъекта. Вот причины, по которым я осуждаю изменения, производимые в Париже под предлогом его оздоровления, и считаю его большой ошибкой. Меня ни мало не удивит, если, пытаясь проветрить город, строители на самом деле нанесут только удар его промышленности, ослабив изобретательность и ловкость разного рода ремесленников. Беру пример из мира муравьев: они прокладывают извилистые, а не прямолинейные тропинки, ведущие от одного муравейника к другому. Эти трудолюбивые насекомые могут служить хорошим примером для рабочих. Ссылаясь на них, я имею полное право сказать, что извилистым улицам следует отдать предпочтение перед улицами, правильность и однообразие которых тотчас же удовлетворяет зрение и тем искусственно притупляет мозг.

Разве не известно, что рабочие умнее и талантливее праздных тунеядцев, которые пользуются благами жизни, не ударив пальцем о палец? Мне даже кажется, что во внешнем виде холеных богачей, прогуливающих по своим садам, и во всем их окружении проявляется глубокое презрение даже к самим наслаждениям, так как правильность и ровность места лишают их того интенсивного удовольствия, которое им могли бы доставлять постоянно меняющиеся свой вид дикие и заросшие местности.

Точно так же я убежден, что в хорошо проветриваемом городе люди должны быть гораздо глупее, рабочие — изнеженнее, а следовательно, и хуже, чем в городе с улицами, проведенными случайно или по прихоти отдельных лиц, когда во внимание не принимали никаких других соображений, кроме необходимости селиться".

В этой заметке еще можно проследить какую-то связь. Но что можно сказать о стихах другого больного, от которых не отреклись бы и современные французские декаденты (поэты упадка) :

Корпорация обширная,

Часть божественных наук,

Медицина — мать всемирная,

Всех народов лучший друг,

К горизонтам сфер практических Устремляясь, по пути, Морем волн
диагностических Пробивают все пути.

И чуть только патологии

Заблестит заря, так вкруг

Все, весь мир к физиологии

Перейти стремится вдруг.

И в таком роде оно продолжается на четырех больших страницах. Казалось бы, что трудно превзойти это произведение в определенном смысле, а между тем это случилось благодаря действиям и сочинениям душевнобольного, который в

настоящее время приобрел известность в парижских лечебницах. Вот в нескольких словах его история.

"Вчера утром, — сообщает одна газета, — на углу улицы Винегрии образовалось столпотворение. Человек, которому на вид можно было дать около 60 лет, с длинными седыми волосами и бородой, в оловянной каске, украшенной многочисленными арабесками, латинскими надписями и пучками кружев, в больших желтых сапогах на ногах, с длинным нагрудником, сделанным из занавески, и большим шерстяным одеялом на плечах, начал декламировать. "Я приехал из Карпантра, — говорил он, — и явился, чтобы спасти Францию, церковь и мир".

У полицейского комиссара маньяк объявил, что он аббат X. и отставлен от церковной должности вот уже 24 года. Его немедленно отправили в лечебницу". Уроженец Юга, аббат X., принадлежал к семье, уже знакомой с психическим расстройством. Его ближайшие предки и боковые родственники отличались большими странностями. Следовательно, мы можем отнести его к наследственным душевнобольным. В юности он брал несколько уроков латинского языка у соседнего приходского священника и был помещен в семинарию, несмотря на то, что эта профессия нисколько не соответствовала его наклонностям. Он, действительно, обнаружил вскоре необычайную строптивость. Когда его по окончании курса назначили священником в большую приходскую церковь, он вел себя просто невыносимо, постоянно со всеми спорил, всюду хотел играть первую роль и не выносил никаких противоречий. Он постоянно занимался бессмысленным поддразниванием своих товарищей. Изображая из себя нового Панюрга, он прятал перед самой обедней церковную утварь или книгу священнослужителя и ставил его, таким образом, в крайне тяжелое положение. Однажды он надел на себя ризу и пошел в таком виде плясать вокруг могилы своего отца, крича, вопя и жестикулируя.

Но это чудачество показалось уже чрезмерным — он был удален архиепископом и помещен в лечебницу.

Там бывший аббат поставил себе единственной целью жизни постоянно сеять смуту. Он непрерывно писал разным властям, уверяя, что подвергается преследованию за свои убеждения, рассылал на всех доносы, устраивал возмущения среди сумасшедших и организовывал побег. Затем, будучи уличен на месте преступления, он нагло отрицал свое участие в деле. И в это же время он беседовал о литературе, искусстве, богословии, третируя с высоты своего величия самых знаменитых авторов, постоянно указывая на собственные чудесные стихотворения, прекрасные поэмы и картины.

Аббат, действительно, не лишен был некоторого таланта. Во время просветлений он написал несколько пастелей. Он хорошо владеет композицией, имеет верное понятие о красках и знаком с законами перспективы.

С другой стороны, ему бывает очень трудно воздержаться от того, чтобы, даже занимаясь самыми серьезными вещами, не выкинуть какого-нибудь колена. Так, на одной из его больших картин изображены Иисус и самаритянка, а в углу он нарисовал обезьяну, вооруженную саблей, и рядом с нею гуся. В другой раз "аббат" рисует картину, на которой изображает себя с крестом Почетного Легиона, приколотым на шляпе. Он окружен лающими собаками и квакающими лягушками, это — его враги. Таким образом он составляет легенду о самом себе: "Вот что совершил Кампань".

А между тем Кампань — это психиатр, который напечатал свои наблюдения над ним. У него я и позаимствую подробности, которыми намерен поделиться с читателем.

Прошло уже более 20 лет с тех пор, как аббат X. стал пациентом лечебницы для душевнобольных. Он убегал, вновь попадал туда и даже получал разрешение выходить из заведения во время просветлений. Во время его ареста на улице Винегрье на нем было папское облачение, и он считал себя Пием IX или папой Фульменом. Он смастерил себе крайне причудливый наряд из одеял. Иногда горделивый мономан с серьезным видом прохаживается в бумажной раскрашенной ризе, испещренной латинскими надписями его собственного изобретения. В 1885 году он явился кандидатом на выборы в Воклюзском департаменте, и мы сейчас увидим, к каким приемам прибегал помешанный, чтоб обеспечить себе успех.

Он сам шлет себе следующую телеграмму: Тавас. Париж. — Авиньонские мясники, желая доставить кандидату Фульмену воинственный нерв для ведения внешней и гражданской войны, собрали и преподнесли Пию IX 10000 франков в надежде, что он, распевая перед князем Бисмарком первые 144 куплета своей преображенной "Марсельезы", заставит его

264 УМСТВЕННЫЕ ЭПИДЕМИИ

немедля уступить Франции Эльзас и Лотарингию". Аббат действительно сочинил особенную "Марсельезу", в которой речь идет только о нем и таких предметах, о которых весьма щекотливо было бы распространяться. Автор убежден в литературном и политическом значении этого произведения. Не будучи в состоянии его напечатать, он, тем не менее, с изумительным терпением целиком переписал его печатными буквами на громадном листе, который разукрасил довольно забавными виньетками. Его "Марсельеза" содержит до 200 куплетов, и я приведу здесь только один из них:

Предоставьте все голос решающий
Лишь Ему. Ваших мыслей Творец,
Пусть один Он царит, освещающий
Мрак желаний людских и сердец.
Предоставьте судьбе, Всемогущему
И пророку хранителем быть
Чад ребенка, ликуя, грядущему
Их десницей своей осенить.

Остальные куплеты были написаны в том же духе. Кроме "Марсельезы", Ксавье Фульмен писал громадные прокламации, представлявшие собой одну сплошную бессмыслицу. Вот почему ему не удалось набрать большого числа голосов и выиграть у своих воклюзских конкурентов.

Взбешенный неудачей, он возвращается в Париж и устраивает по дороге скандал, описанный им в послании, адресованном президенту Французской республики: "Да, господин президент! Пий X разгласил это на всех значительных станциях, на которых останавливался поезд прямого сообщения, и его возгласы нашли оклик, который разнесся по всему миру до заседаний Конгресса палаты депутатов и Сената, созываемого для выбора президента. Нет больше ни графа Парижского, ни Филиппа VII, ни Наполеона V, ни Гриви, ни Бриссона, ни Фрейсинэ, ни Гоблэ, ни Клемансо, ни Фреппеля, ни Кассаньяка, ни Легран дю Соля, ни даже Маньяна (по глупости не желающего быть великодушным — *magnanime*). Нет такого властителя на земле, который бы помешал Пию X, добавочному наместнику Льва XIII, быть единодушно избранным в президенты Всемирной республики".

В таком умственном и душевном состоянии аббат X. был помещен в приют для душевнобольных, где он находится и по сей день. Он не бросил политики, но в основном занимается поэзией.

Вот до какой степени безумия может дойти горделивый маньяк после 25 лет болезни. Я потому так долго задержался на этом случае, что он весьма характерен:

болезнь начинается эксцентричностью, переходящей в систематичные горделивые идеи, которая после продолжительного промежутка времени завершается страшным безумием. Все больные идут по этому пути, исключая наследственно больных, у которых бред появляется внезапными приступами, так же быстро исчезающими, как и возникающими.

Совсем иную картину представляет история болезни человека, пораженного общим параличом: его ум разрушается в течение нескольких месяцев, причем в то же время глубокому распаду подвергается и весь его организм.

У таких больных начало недуга проявляется не особенно ясно. Иногда оно выражается в том, что люди внезапно становятся неловкими, легко спотыкаются, чувствуют в пальцах что-то вроде толчков, мешающих им заниматься тонкой работой. Если они ремесленники или художники, то это отражается на их работе, и хозяева и публика начинают замечать ухудшение ее качества. Особенно же резко бросается в глаза неуверенность их речи. В начале каждого ответа они определенным образом заикаются и производят движения губами, которые у людей опытных не оставляют ни малейшего сомнения относительно свойств начавшегося болезненного процесса. Затем в их памяти начинают обнаруживаться странные пробелы. Продолжая вести обычный образ жизни, они временами совершают поступки, кажущиеся причудливыми и непонятными, если принять во внимание условия их воспитания. Непонятно, каким образом человек, принадлежащий к высшим классам и вполне обеспеченный, может быть застигнут посреди дня с поличным, причем похищенный предмет оказывался даже совершенно ему ненужным. Или вдруг становится известно, что высокопоставленное лицо бьет жену, грубо обращается с детьми и каждый вечер напивается. В строгом смысле здесь еще нет состава помешательства, это только страшное нравственное падение. Нередко его ход настолько замедляется, что дело не обходится без вмешательства судебного ведомства. Так как эксперты не могут еще обосновать свое мнение ни на одном очевидном акте безумия, то таким образом многие субъекты бывают опозорены и осуждены, между тем как их действия вытекают из простого сумасшествия, чему они вскоре представляют убедительные доказательства.

Фовиль следующим образом характеризует это состояние "Ослабление памяти и воли, понижение рассудочной и мыслительной деятельности, изменение в характере, чувствах и равнодушие, занимающее место былых привязанностей, постепенная потеря чувства справедливости, нравственных устоев и понятия о собственности, забвение всех приличий, беспечность перед значением поступков и последствий, которые они могут за собой повлечь"

Но вскоре появляется бред, немедленно принимающий специфическую форму. Вначале в нем отражается только нечто вроде чувства полной удовлетворенности и неограниченного оптимизма. Больной, наслаждаясь самообожанием, еще не придумывает никаких абсурдных историй. Он живет в полном расцвете сил, прислушивается к своим собственным словам, восхищается всеми своими действиями и как бы влюбляется в самого себя. Он с увлечением говорит о своем состоянии и обстановке, повествует о доблестях своей супруги и подвигах детей. Он считает себя замечательным человеком и заставляет вас восхищаться своей фигурой, реками, мышцами и т.д.

Если он немного учился музыке, то садится за рояль, претенциозно играет, затем поет и заставляет вас обратить внимание на художественность своего пения. Другой заставит вас разглядывать свои рисунки, акварели, стихотворения или же будет излагать сомнительные научные теории и настойчиво приглашать вас присоединиться к ним. Он начнет выдавать себя за тонкого собирателя редкостей и приобретать, к общему изумлению родных и друзей, безобразные предметы,

которые, по его мнению, имеют важное значение и замечательную генеалогию. Ничто не в состоянии удержать его от выполнения проектов, которыми он с вами тотчас же поделится, а на все ваши замечания только иронически улыбнется и примется их оспаривать.

И здесь, собственно говоря, нет еще состава помешательства. Сколько людей пришлось бы засадить в сумасшедшие дома, если задаться целью изолировать всех самовлюбленных типов! Но вот появляется настоящий бред, проявляющийся в действиях или словах больного.

Предлагаю читателю ознакомиться с описанием некоторых случаев.

А. занимался агрономией. Он принадлежал к лучшему обществу, был изыскан и отличался большой любезностью. Маньяк обладал при этом приличным состоянием и достиг больших успехов в своей специальности. Однажды он уезжает, не сказав никому ни слова, и никто не получает от него известий в течение целого месяца. Все в недоумении. Беспокойство близких еще более усиливается, когда семья узнает, что проездом через Париж он реализовал большую часть принадлежавших ему ценных бумаг.

Вернувшись домой, агроном стал вести свой прежний образ жизни. Но вдруг посыпались со всех сторон повестки, что привело в ужас его семью. Во время своего отсутствия он успел побывать в Венгрии, где закупил около 500 лошадей, за которых внес деньги. Затем, переехав в Швабию, приобрел громадное поместье, водворил там своих лошадей и вернулся домой, оставив все на произвол судьбы и почти совершенно забыв о том, что сделал.

Его поведение очень хорошо характеризует первые шаги полного паралитика. Как часто значительные состояния рушатся вследствие одного бессмысленного шага их владельца!

Во многих случаях больной не довольствуется преувеличением истины, а сочиняет совершенно неверные факты, но, хотя и вымышленные, последние еще не лишены правдоподобности. Все, что он утверждает, неверно по отношению к нему лично, но могло бы быть применено к другому лицу. Если он актер, то хвастается аплодисментами, которыми будто бы был осыпан в одном из больших театров, и жалованием в 100 000 франков. Он прикалывает себе красную ленту Почетного Легиона, чем навлекает на себя некоторые неприятности, описывает военные кампании, в которых никогда не участвовал, рассказывает о путешествиях, которые никогда не предпринимал, — и все это сообщается без зазрения совести, в присутствии близких ему лиц, прекрасно знающих, что в его рассказах нет ни единого слова правды. Он постоянно будет распространяться о роскошных банкетах, об одеяниях, осыпанных золотом и драгоценными камнями, обращаться с посланиями к политическим деятелям и государям.

Один из подобных больных, обладавший некоторыми средствами, заказывал в большом парижском ресторане роскошные обеды, на которые рассылал приглашения председателям обеих палат, министрам, кардиналам и маршалам. Он бывал страшно подавлен тем, что ему приходилось одному сидеть перед своим прибором.

Другой больной однажды приглашает всех своих приятелей к обеду с целью отпраздновать получение им отличия. А между тем "Правительственный Вестник" на другой день был нем и продолжает хранить свое молчание о его воображаемой награде до настоящего времени.

Л., как нам рассказывает Сенту, имел склонность все страшно преувеличивать и вечно жил в облаках, за пределами реальных фактов. Он написал сочинение, озаглавленное так: "Философия — Фотология — Фотография". Автор твердо верил в необыкновенный успех своей книги, но скоро ему пришлось в этом разочароваться.

Вследствие такой неудачи Л. бросился в противоположную сторону. Он вообразил себя изобретателем воздушных железных дорог, владельцем отеля "Понтальба" и вместе с тем замечательным певцом, который может брать 5687 октав. У него обнаруживается страсть к попугаям, и он покупает их на значительные суммы. Но что наиболее примечательно, так это появление у него поэтического дара, который очень редко наблюдается у паралитиков.

Вы можете судить о его таланте по следующему описанию, которое он дает сам себе:

Мне прежде чужд был мир поэзии святой, — Теперь я весь тону в лучах его лазури; Казалось, до сих пор я не жил головой, — Теперь ей выдержать легко все мысли бури; И свету солнечных лучей Стал равен свет моих очей.

Я слаб был в музыке, и голос мой был груб. — Теперь все и играть, и петь я стал, как гений: Мой баритон звучней громов землетрясений, А тенор сладостней, чем шепот женских губ. Мой голос вообще дошел до сочетанья Двух крайних гамм в аккорде мировом — От гула бурь до колыханья Эфира в небе голубом.

Однако Л. не всегда бывал столь воздушен.

Так, однажды, выйдя из туалетной комнаты, он обратился к своим товарищам с возгласом: "Понюхайте, господа, и восхищайтесь — все исходящее от меня благоухает розами".

Впоследствии поэт изобрел даже адскую машину, которую воспел в стихах. Затем он решил иллюстрировать Библию собственными рисунками, когда же ему указали на то, что эта работа уже прекрасно исполнена Густавом Доре, он внезапно раздражается по этому поводу длиннейшим стихотворением, от которого мы избавим читателя.

Госпожа Б., помещенная в больницу Св. Анны, имела обыкновение посылать поздравления с Новым годом папе римскому, итальянскому королю, Греви и Гамбетте. В них ясно просматривался характер бессвязного бреда паралитиков. Женщина, пишущая государям и желающая выйти за них замуж, вместе с тем прекрасно понимает, что живет в больнице и сообщает об этом факте своим высокопоставленным корреспондентам — мономан, наверно, тщательно скрыл бы это. Спросите у паралитика, каково его имущественное положение — он вам скажет, что он банкир и что у него 50 миллионов франков! Спросите у него, что делает его жена, — и он преспокойно ответит вам, что она или живет в услужении, или торгует в мелочной лавке. Он выдумывает только ради возвеличения собственной личности.

Ц., 36 лет, по профессии кожевник, вообразил, что владеет миллионами. Земля покрыта его замками, но чем Ц. особенно гордится, так это своим аппетитом: он съедает за обедом целого быка и проглатывает залпом бочку сидра. Маньяк не лишен также художественных поползновений — сочиняет, распевает рулады, танцует и сохраняет в течение нескольких часов театральные позы.

Теперь мы наконец дошли до бессмыслицы. Она характеризует третий период бреда горделивых паралитиков. Больной уже ни перед чем не останавливается, он витает среди колоссальных и самых неправдоподобных преувеличений. Он награждает себя безграничными почестями, сокровищами и престолами. Он одновременно король, папа, император, сам Бог, или же повелитель Бога.

Здесь мне опять придется сообщить несколько отдельных историй, чтобы дать вам представление о разнообразии связанных с манией величия заблуждений, в которые может впасть наш злосчастный ум.

Один актер, долго подвизавшийся на провинциальных сценах, был так освистан, что вследствие этого лишился рассудка. Ему стало казаться, что он первый тенор Большой Парижской Оперы и получает 100 000 франков в день, его театральные

костюмы осыпаны алмазами, а Ротшильд занят исключительно-ведением его денежных дел.

Простой конторщик может вдруг оказаться редактором газет всего мира. Он намерен построить мост через Атлантический океан, между Гавром и Нью-Йорком. Сапожник превращается в генерала, императора и короля. Он брат царя и кузен королевы Виктории. Впрочем, этот брат царя не отрицает того, что он сапожник, но такой, который поставляет обувь только Кок-лену-старшему и Саре Бернар. Один кожевник вдруг получает награды от Гамбетты. Он уничтожил немецкую армию в 15 000 человек, назначен командором ордена Почетного Легиона и избран депутатом с 20 000 франками жалованья. Другой дает уроки шры на барабане, у него 50 000 учеников, платящих каждый по 10 000 франков в час.

Один офицер предлагает построить большую повозку, чтобы поместить в нее весь Париж и перевезти его на морской берег.

Бедный крестьянский парень тоже собирается построить повозку в 45 километров длиной с тем, чтобы поочередно помещать в нее все европейские столицы и перевезти их одну за другой поближе к своей деревне.

Госпожа Ж., 37 лет, собрала громадную коллекцию старых газет и с восторгом показывает их, предполагая, что все это акции Суэцкого канала и банковые билеты. Она рассказывает, что ее зовут графиня Тэба и что она вышла замуж за одного из Орлеанских принцев, отвергнув предварительно предложение Генриха V.

У бывшего адвоката, 46 лет, обнаружился очень странный бред, крайне редко наблюдавшийся врачами. Он считает себя государственным человеком и вместе с тем утонченным спортсменом. В его скаковой конюшне находятся 12 миллиардов лошадей. Главнейшая его *idée fixe* заключается в желании уничтожить Францию, опрокинув горы в долины и вспахав все это плугом. Он убежден, что внутри юры состоят из золота. Кома он овладеет этими огромными количествами драгоценного металла, то начнет чеканить монеты и будет властвовать над миром. Большой собирается привести в исполнение свой проект при помощи 30 000 львов, собранных им в Африке и выдрессированных для перевозки тяжестей. В один прекрасный день его бред принимает иное направление. Как будто он проник через глубоко кое отверстие в сокровеннейшие недра земли и нашел там новый мир, где горы шоколадные, реки млечные, медовые и сиропные. Таким образом, он с необычайными преувеличениями воссоздает легенду о Счастливом острове.

Один отставной полковник считает себя самым счастливым человеком в мире. Он всецело весел и в восторге от собственной персоны, да и есть отчего: природа отлила его из золота, дала ему громадный рост, необыкновенную красоту, нос Людовика XIV и аппетит, которого хватило бы на 500 человек, — он съедает за каждым обедом по 20 оленей. Но и плодовитость его тоже изумительна — у него 6000 детей. Он — почтенный из почтенных, святой из святых, Бог и властитель Бога. Он называет всех превосходительством и при виде входящего врача восклицает: "Да здравствует император!"

Представитель лучшего общества и очень состоятельный финансист придумал кареты,двигающиеся без лошадей. Его система, примененная в Лондоне, приносит ему 100 миллионов в месяц. Он целые дни проводит, раздавая поручения, и производит больничного врача в полковники от кавалерии. Бог ему поведал, что он проживет 9 столетий и произведет на свет миллиард детей, из которых 50 000 перворожденных будут царствовать. Он живет в серебряном замке, который стоит на лазурном небе.

Ласег сообщает, что, наблюдая однажды старую скупую женщину, задержанную по обвинению в краже, он услышал, что она похвалялась, будто у нее в кармане находится пистолет с 100 зарядами, которыми можно уничтожить весь мир. Она основала лечебницу для 300 000 больных и при этом тщательно напоминала, чтобы

не забыли отыскать ее старое поношенное платье и отвратительный зонтик, который у нее только что был кем-то похищен. Вечером она должна была принимать у себя министров и посланников и давать им обед, но стряпала сама, так как прислуга доставляла ей слишком много неприятностей.

Во всех этих случаях мы встречаем ту же непоследовательность, столь характерную для бреда паралитиков. Вот письмо, которое одна из этих несчастных передала однажды утром господину Маньяну: "Адель К.

клянется перед Богом и людьми, что она кормилица императора, что она будет для него кухаркой и вместе с тем делается его верной дочерью. Я спроважу всех тех, кто сбивает с толку императрицу, буду чинить белье и приготовлю корону".

После приведенных мною примеров кажется, что, если существуют пределы безумия, то мы уже дошли до них. Но это не так. С выдумками горделиво помешанных не в состоянии соперничать никакие фантазии, и вы можете ежедневно услышать от них какие-нибудь новые изумительные комбинации.

Больной, которого приводит доктор Луи, владеет единственным в мире сливовым деревом: сливы, растущие на нем, имеют величину крупных яиц, а по вкусу превосходят реноклы. Он намерен продать его с аукциона, который начнется от 10 000 франков, но цена, разумеется, будет повышена и достигнет 15 миллиардов. Он сознается, что имеет всего 5000 франков дохода, но умалчивает о своих секретных фондах.

Один испанец, обследовавшийся врачом, воображает, что он властитель миров и проводит целые дни, занимаясь тем, что пишет число этих вселенных. Это целый ряд единиц, которыми испещрены его тетради. Он сокрушается о своей бестелесности, но ожидает, что вскоре будет перенесен к центру Земли, где он получит такое тело, которого заслуживает.

Наиболее странные откровения можно услышать от больных, у которых ипохондрия соединяется с горделивым бредом. Больной доктора Фальре плохо ест, плачет и падает на колени, постепенно угасая. В конце концов он признается в том, что страшно боится, как бы ему не отрубили голову, так как его позвоночник из чистого золота.

Другой уверен в том, что у него похитили кишки, — и это опасение очень плохо отражается на его пищеварении, — но так как он очень богат, то имеет возможность заказать себе новое тело, в которое его водворят через неделю. Он будет молод, хорош собой и получит титул французского маршала.

Ф. горбат, но уверяет, что горб у него алмазный, поэтому обращается с ним крайне осторожно.

Робер Н. рассказывает, что когда он производит то, что великий Мольер называл "освобождением себя от излишних жидкостей", то получают целые ручьи топазов и рубинов.

3. воображал, что у него выросли крылья. Однажды, когда наблюдение за ним было несколько ослаблено, он полетел из окна, двигая руками, и, подобно новому, Икару разбился о мостовую.

Иногда удается воспользоваться идеей бреда в интересах больного. Директор одной из больших парижских загородных лечебниц рассказывал мне, что ему предстояло поместить на лечение одного политического деятеля, страдавшего самым интенсивным горделивым бредом. Этот больной был крайне опасен, и если бы он заподозрил, что его хотят засадить в лечебницу, то, наверно, прибег бы к страшным насильственным действиям. Тогда ему сообщили, что Бисмарк добивается его аудиенции, но, не желая въезжать в Париж из опасения враждебных манифестаций, он решил встретиться с ним в одном из окрестных замков, — тогда больной сам вскочил в карету, чтобы ехать на свидание.

Не так давно горделивый бред охватил одного выдающегося врача. Его убедили, что его назначили вице-директором одной лечебницы, и он преспокойно туда отправился. Затем ему сообщили, что его служебные обязанности несовместимы с отлучками из заведения. Он согласился на все условия и, что весьма странно, вошел в свою роль с таким жаром, что до самой смерти оказывал немаловажные услуги служебному персоналу лечебницы, утешая больных, давая им довольно разумные советы — и все это во время ужасного помешательства. Заканчивая этот и без того слишком растянувшийся очерк бреда паралитиков, я должен сказать несколько слов о литературных и художественных произведениях этой категории психически больных. Неудивительно, что люди, которые так многоречивы, имеют склонность и к графомании, но производят при этом на свет самые бессмысленные вещи. Многие из них сочиняют, описывают свои изобретения и пишут картины не хуже, чем простые мономаньяки, одержимые хроническим бредом. Но только здесь царит бессмыслица еще более полная, и так как талант ослабевает вместе с утратой умственной силы, то эти произведения, тщательно собранные врачами, служат отражением хода болезни и патологического состояния самого больного.

Первая вещь, которая бросается в глаза при виде произведения душевнобольного, это неясность почерка — ослабление всей мышечной системы распространяется и на мышцы рук и пальцев.

Привожу яркий пример только что высказанного мною факта. Это письмо, написанное больным доктором Луи. Оно поучительно во многих отношениях. В нем можно констатировать оптимизм, столь обычный у паралитиков. Больной в восторге от всего окружающего и гордится своим положением. Он безгранично восхищается всеми служащими или ухаживающими за ним лицами.

Другая резкая особенность письма сумасшедших, — это их страсть придавать словам значение, которого они не имеют в обыденном употреблении. Они стремятся привлечь внимание читателя к некоторым фразам и для этого их подчеркивают, но в конце концов доходят до подчеркивания всех слов, так как придают каждому из них специальное значение.

На это же явление указывает и письмо одного знаменитого больного к своему врачу. Несчастный подчеркнул все слова по 2 или по 3 раза, но, посчитав, что и этого недостаточно, составил его из одних заглавных букв.

Эта страсть к письму часто встречается у паралитиков в начале их недуга. Я припоминаю одну женщину в Сальпетриере, пророчицу по профессии, которая каждое утро вручала врачу целую тетрадь, исписанную словами, лишенными всякой связи. За недостатком времени или отсутствием идей она довольствовалась тем, что чертила отрывочные и бессмысленные зигзаги до тех пор, пока вся тетрадь не была исписана.

В этом отношении весьма поучителен рисунок, полученный мной от доктора Луи. На нем изображен летательный снаряд. Воздухоплавание занимает умы многих горделиво помешанных. Какую массу статей, посвященных этому вопросу, получают академии, — их невозможно посчитать. Прилагаемый снаряд обладает исключительными особенностями, так как сквозь него могут проскочить жокеи, но с какой целью — неизвестно. Прошу вас обратить внимание на громадное количество географических и исторических имен, а также годов, которыми автор испещрил свое произведение. Все это не имеет ни малейшего смысла, и только одному автору известно, каков был его замысел, да и это еще под вопросом. Когда наступает период безумия (*demence*), то графомания не пропадает, и многие из этих несчастных проводят целые дни, нанося на бумагу линии, лишенные всякого смысла.

Я уже упоминал, что горделиво помешанные не только пишут, но также и много рисуют. В их художественных концепциях отражаются мысли, которые обычно преследуют больных, сохраняющие на бумаге свой преувеличенный и бессмысленный характер. По-видимому, рука художника (если вообще можно пользоваться этим словом) воспроизводит мысли больного в их наиболее бессмысленном выражении.

Несчастный паралитик, впавший в безумие, наносит на бумагу бессвязные фигуры. Вот, например, вооружение и рыцари, соответствующие его идеям, но значение их для нас непонятно.

Другой больной доктора Луи, преследуемый мыслью об отъезде и побеге за границу, не перестает изображать способы, при помощи которых он надеется осуществить свой план, и вот перед нами его почтовая карета, лошади и лакеи. Еще одного больного, находящегося под наблюдением того же самого врача, преследует фантастический бред. Кладбище, древний собор, могила, привидения — вот те мрачные образы, которые его осаждают. Он наносит их карандашом на бумагу, и ничто не производит столь грустного впечатления, как эти рисунки. Вот еще горделивый мономаньяк, воображающий, что он великий музыкант. Он играет на скрипке лучше кого бы то ни было, у него не только выдающийся талант, но и инструмент, которым он пользуется, не менее удивителен. Он очаровывает муз своей тонкой игрой. Обратите внимание на этот рисунок, сохраненный доктором Луи. Он очень характерен — в нем как бы отражается вся история больного и, увы, уверенность в ожидающем его будущем.

Свойства, характеризующие рисунки паралитиков, заключаются в непомерном, бессмысленном и неправдоподобном преувеличении и выражении невозможного. Привожу еще факсимиле произведения одного из этих больных. Субъект, которого он желал изобразить, касается головой облаков, в то время как его ноги опираются на землю. Он испускает из себя блестящие лучи, представляя довольно большое сходство с фантастическими концепциями индуистского и китайского искусства. Изобретатели тоже чертят свои планы и иллюстрируют свои сочинения. Доктор Луи, обладающий богатой коллекцией таких иллюстраций, передал мне один из этих любопытных набросков.

Речь идет, вероятно, о каком-нибудь трубочистном предприятии. Гигантская фигура опирается на трубу не менее значительных размеров. По откосу крыши рабочий спускает тачку с сажей. Сбоку изображена карета, которую везут десятки лошадей. Может быть, это парадный экипаж, уносящий счастливого изобретателя. Под рисунком находится весьма неразборчивая объяснительная подпись, которая состоит из омонимов, и в результате получается каламбур. Не следует упускать из вида, что для мозга, пораженного болезнью и сумасшествием, звук слова может ассоциироваться с другим, сходным по написанию, но никак с ним не связанным по смыслу и значению.

Крайне грустен финальный акт общего паралича. Ознакомившись с его последним периодом, вы поймете, почему рассматриваемой нами болезни было дано именно это название, так как до сих пор я знакомил вас только с явлениями умственного и физического возбуждения, еще весьма далекими от того, что принято подразумевать под параличом.

Деятельный горделивый бред продолжается всего несколько месяцев и никак не более года. Но затем больной делается молчаливым, его речь сменяется каким-то бормотанием, он едва может ходить, спотыкается и обнаруживает крайнюю неловкость. Больной уже утратил ту гордую осанку, которая соответствовала его речам, он ходит сгорбившись, а его зрение становится нечетким. Он неопратно ест, несколько не заботится о себе и еле отвечает на вопросы, так что теперь придется долго настаивать, чтобы вызвать в нем отрывки прежнего блестящего бреда, хотя

маньяк и поддерживает еще свои безумные фантазии, но машинально и вяло. Память исчезает, и помешанный больше ничего не узнает. Он опускается в своем падении ниже животного, не держится на ногах и все время лежит в постели. От прежнего состояния у несчастного сохраняется только необычайный аппетит, который он удовлетворяет так жадно, что в случае плохого надзора, легко может подавиться, задохнуться и внезапно умереть от слишком больших кусков, которые запихивает себе в рот.

Паралич прогрессирует, и тогда появляются струпя (escarres). Больного постоянно тревожат эпилептические припадки, потеря сознания и мозговые воспалительные процессы до тех пор, пока в один счастливый день воспаление легких или рожа не положит конец его скорбному существованию.

Но разве горделивое помешательство неизбежно должно вести к такой ужасной смерти? Большинство психиатров именно так и относится к этой форме безумия, и если бывают случаи выздоровления, то они предпочитают говорить, что ошиблись в определении болезни и что это была простая мономания. Действительно, счастливый исход или приостановка в ходе болезни у таких маньяков случаются крайне редко. Два, а в лучшем случае три года отделяют первый припадок от рокового конца.

Весьма интересно было бы теперь установить, какими поражениями головного мозга вызваны столь интенсивные нарушения нормального состояния организма. Но, будьте спокойны, я не намерен производить здесь вскрытия. Согласитесь, однако, что наше изложение страдало бы неполнотой, если бы мы не пытались выяснить сокровенные причины этой ужасной болезни. Вскрывая черепа больных, умерших от такого рода сумасшествия, мы найдем у них различные поражения мозга, в зависимости от того, был ли несчастный одержим простым хроническим бредом или же общим параличом. В первом случае обычно наблюдается утолщение черепных костей, затем под ними видна более или менее интенсивная воспаленность мозговых покровов и самого мозга. Эти признаки, впрочем, не представляют еще ничего характерного, так как в такой же форме обнаруживаются обыкновенные поражения вообще всех психически больных.

У общего паралитика, наоборот, поражения бывают специфические, как по ходу болезни, так и по ее обычному концу. Эти поражения создают для общего паралича строго обособленное место.

Вскрыв череп, вы увидите, что мозговая оболочка плотно прилегает к поверхности мозга, и во многих точках ее бывает невозможно отделить без разрыва ткани. Под оболочкой лежит мозг, несколько более мягкий, чем обычно, так что струя воды образует отверстие там, где прежде оболочка прикасалась к мозгу.

В этом заключаются, наравне со многими другими, характерные признаки общего паралича.

Если мы станем рассматривать в микроскоп частицу больного мозга, то заметим, что в определенный период нервные элементы как бы распухают, причем объем их увеличивается, а сосуды вздуваются от притока крови. Этому периоду, вероятно, соответствует интенсивный горделивый бред — миллионы, золото и драгоценные камни. Впоследствии и при более многочисленных вскрытиях констатируется атрофия мозговых клеток, вокруг которых в то же время вырастают элементы, которые должны служить для защиты и опоры мозговых клеток, это — ней-роглия. Прибегая к сравнению, можно сказать, что в данном случае деятельные нервные клетки душатся чрезмерным расширением соединительной ткани, подобно тому как полезные растения могут быть заглушены в наших полях чрезмерным разрастанием сорных трав, вроде сурепицы и повилыки.

Все сказанное должно подготовить читателя к следующему выводу. Медицина совершенно безоружна против описанных нами недугов. Действительно, все

попытки, предпринятые терапевтами, не смогли уменьшить процент смертности от этих заболеваний. Пробовали сдерживать сильные припадки мании посредством притупляющих ядов, пытались противодействовать интенсивному воспалению мозга кровопусканиями и заволоками (setons), пускали в ход всевозможные медицинские средства — но все напрасно. Болезнь всегда шла своим чередом, не изменяя ни на йоту своего обычного прогресса и рокового хода развития.

Но если мы не в силах спасти больного, то неужели надо сложить руки и оставить помешанного на попечении семьи в течение немногих лет, которые ему еще суждено влачить в образе человека?

Здесь мы сталкиваемся с одним из самых серьезных и вместе с тем мучительных вопросов социологии. Несомненно, что если психически больной имеет право на жизнь, то и окружающие его не лишены этого права. А между тем сумасшедший, паралитик и горделивый мономаньяк постоянно отравляют жизнь и счастье своей семьи. Они на каждом шагу создают опасность не только для себя и своих близких, но и для всего общества.

Сумасшедший, вообразив себя птицей, вылетает из окна и разбивается насмерть.

Он считает себя вправе распоряжаться судьбами всего человечества, спокойно убивает жену и детей, поджигает дома, рискует своими денежными делами и разрушает чужие состояния с хладнокровием, которое тем больше, чем сильнее он убежден, что такой образ действия составляет его долг и даже священную миссию. Не следует ли поэтому к горделиво помешанному больше, чем ко всякому другому, применять систему изолирования.

Я знаю, что ничто не кажется столь жестоким, как посадить в лечебницу больного и разлучить его с семьей. Но разве лучше дать ему возможность убивать и разорять, а нередко и позорить ее каким-нибудь постыдным действием?

К тому же не следует упускать из вида, что пребывание в лечебнице недолго тяготит горделиво помешанного: она быстро превращается для него во дворец, а большинство ее обитателей — в штат придворных, с которыми ему весьма грустно было бы расстаться. И затем, если существуют еще некоторые шансы на его исцеление, то они могут только увеличиться в удалении от его обычных занятий, антипатий и желаний.

Полный покой, совершенное бездействие, правильное питание — вот единственный способ лечения, который хоть иногда еще увенчивался некоторыми редкими исцелениями.

Прибавьте к этому самое заботливое ежеминутное наблюдение, невозможность совершения самоубийства или насилия, и я надеюсь, что всех этих преимуществ окажется вполне достаточно, чтобы оправдать изолирование. В сущности, мы имеем очень мало средств против приобретенного и окончательно установившегося горделивого помешательства.

Но что следовало бы сделать, так это ограничить частые случаи его появления, удерживая человечество от того рокового наклона, по которому оно катится.

Для этого было бы необходимо, чтобы мы, помня пословицу "пустой колос кверху нос дерет", не поднимали слишком высоко голову и не искали быстрых успехов, а шли к ним постепенно, не путем легкой наживы, а по стальным рельсам труда.

Пусть каждый из нас ограничит свои желания возможными вещами и заглушит в себе современную лихорадку безумных наслаждений, соединенную со страстью властвовать и восхищать других.

Многие думают, что следование этим советам принесло бы людям счастье, ставшее столь редким. Но, увы! по всей вероятности, ни одному из выраженных нами здесь желаний не суждено осуществиться.

Эпилог. Психозы двадцатого века

Мы изменили бы принципу, руководившему нами при составлении этого труда, если бы решились предсказывать, какой вид примут душевные болезни двадцатого столетия, предполагая, что в каждом веке они отливаются в свою особую форму. Разве мы не указывали постоянно на социальные условия, поддерживавшие эти умственные эпидемии, и не обращали внимания читателя на то, что этими условиями были внешние обстоятельства и окружающая нравственная среда? Кто поручится, что в начале следующего столетия не наступят такие обстоятельства, которые сделают несостоятельными все наши теперешние предположения на этот счет?

Но ввиду того, что современный читатель от всякого исследования ожидает какого-нибудь практического результата, который в данном случае является освещением будущего на основании изучения прошлого, возьмем подозрительную трубу и посмотрим, не дадут ли известные нам о предыдущих эпохах факты возможность предвидеть то, что произойдет в следующем веке.

К тому же нас отделяют от него всего лишь 10 лет, и условия, в которых он настанет, нам приблизительно известны.

Чтобы не нарушать требований логики, мы должны бросить беглый взгляд на положение личности, семьи, государства и общества в современную нам эпоху. Просим, однако, читателя не заподозривать нас в желании призвать на суд наше время или подвергнуть его строгой критике. Если в дальнейшем изложении мы будем говорить о нем только дурное и обходить молчанием его хорошие стороны, то это следует приписать тому, что наша задача, как патологов, состоит в изыскании причин возможного и вероятного недуга. Открыть его мы можем лишь в дурных зачатках, которые, однажды проникнув в современное общество, могут исчезнуть или развиться.

Господствующий недостаток людей конца XIX века (я подразумеваю среднего человека), — это эгоизм. Мы уже не живем в эпоху, когда для успешной борьбы с природой людям нужно было тесно спланиваться друг с другом. Мы уже далеки от того времени, когда вторжения одних племен во владения других принуждали людей к слиянию интересов ради общей защиты. В настоящее время все так хорошо устроено, что обеспечивается полная личная безопасность. Никто не думает об угрожающей ему опасности, а если какое-нибудь крупное преступление или ужасная катастрофа напомнят, что опасность, в сущности, не вполне миновала, то все с удивлением и некоторым скептицизмом относятся к этому факту и предаются ликованию по поводу того, что не попали в число жертв.

Таким образом, сам избыток цивилизации влечет за собой нравственную диссоциацию человечества и потенциальное разобщение его элементов. Даже благотворительность стремится исчезнуть, но не та громкая и официальная филантропия, собирающая миллионы для больниц, и даже не светская филантропия, увеличивающая число благотворительных базаров, балов и концертов, но истинная благотворительность, которая приходит на смену искреннему чувству, чувству сострадания, и сопровождается, в свою очередь, такими сладостными сердечными движениями.

Эта чудесная добродетель специализировалась и приняла несколько сектантский характер. Вот почему вы нередко встретите людей, видя страдания, болезни или нищету, прежде чем открыть свой кошелек, желают удостовериться — во всем ли убеждения субъекта, которому они намерены помочь, сходятся с их собственными убеждениями. В настоящее время существует благотворительность двоякого рода: одна — религиозная, другая — мирская. Борьба перенесена даже на эту почву.

Вот почему я был бы крайне изумлен, если бы душевный недуг XX века пришлось приписать чрезмерному развитию альтруизма. Не там следует искать его источники.

Я также не думаю, что эпидемический бред XX века будет носить религиозный характер. Нельзя также сказать, что мы живем в эпоху, когда умирают за идею. В наши дни Маккавей стали бы есть свинину из страха перед палачом, а Регул, вернувшись к домашнему очагу, начал бы издеваться над наивностью Карфагенян. Это объясняется ослаблением морального сознания у большинства людей. В предыдущих главах нам уже не раз приходилось указывать на то, что это явление обуславливается обострением борьбы за существование.

Я помню, как один преступник, начитавшийся Дарвина и давший его учению истолкование, которого, наверно, великий и честный английский ученый никак не предвидел, сказал при мне, обращаясь к председателю суда присяжных: "Я убил, убейте и вы меня. Я имел право совершить убийство, и вы также имеете его, я — побежденный, а вы — победители, не существует ни нравственности, ни социальных принципов. На свете есть только борьба за существование, причем успех всегда на стороне более сильного". Этот фанатик только преувеличил обычную точку зрения многих людей, не считающих ее ни постыдной, ни бесчестной.

Вот почему самой характерной чертой общественного духа конца нашего столетия является жажда приобретения, и если в каких-нибудь закоулках существуют еще одинокие поэты и бескорыстные любители искусства и науки, то любопытно видеть, с каким милым пренебрежением свет издевается над их наивностью и бедностью.

Почитайте газеты, прислушайтесь к разговорам в гостиных: тот художник велик, который получает большие деньги за свои картины; тот ученый гениален, для эксплуатации изобретения которого образуются акционерные компании; тот романист талантлив, книга которого выдерживает 50 изданий, даже если все ее содержание исчерпывается описанием клоак и отхожих мест.

На этой-то почве, как на навозной куче, зарождается самая изумительная литература. Разве мы не были еще недавно свидетелями появления книги, имевшей громкий успех, героем которой был десятилетний мальчуган, уже развращенный до глубины души. Этому предмету посвящено не менее 300 страниц. В другом романе того же пошиба изображена двадцатилетняя истеричная девушка, но не из тех, которых сажают в лечебницу, а салонная психопатка, удивляющая своего мужа своими познаниями в известной области, совсем, однако, не похожего на новичка по части эротического культа. Дай Бог, чтобы только Peut Bob и Paulette не стали героями романов XX века! Я все-таки предпочитаю им Купо с вечной семьей Ругон-Макаров.

Вот в какой среде проходит семейная жизнь. Какие материалы дает она нам для догадок о болезни, угрожающей нашим потомкам?

Основа семьи есть брак. Но разве существует в настоящее время другое социальное учреждение, которому бы угрожало столько опасностей? Если взглянуть на явления, происходящие в низших классах, то придется констатировать, что брак почти исчез в этой среде, по крайней мере в городах. Соответственно этому разрешается и вопрос о детях: социологи относят к числу обязанностей государства заботу о воспитании подрастающего поколения, т. е. возвращаются к древним законам Греции. Но и без этого вывода нетрудно заметить, что число незаконнорожденных детей постоянно возрастает. Впрочем, и это явление не может еще служить мерилом зла, так как большинство нелегальных сожитий не дает потомства. В буржуазном (среднем) классе свободных союзов не существует. Здесь брак еще сохраняет свою силу. Но в какой форме он практикуется? Взаимное

влечение двух любящих и уважающих друг друга существ, желающих физически и нравственно слиться воедино, превратилось в такое редкое и исключительное явление, что многие даже отказываются ему верить. Приданое, надежды на наследство или карьеру — вот сок того лимона, кожа которого называется современным браком. Муж занимается лошадьми, а жена нарядами. Такие браки не длятся и двух лет, после чего наступает одна из двух развязок: или адюльтер, или развод.

Развод носит скандальный характер и неблагоприятен, между тем как адюльтер есть ничто иное, как возврат к свободному сожитию низших городских классов. Его, как правило, хранят в тайне, и он остается или неизвестным, или безмолвно терпимым. Встречаясь очень часто, адюльтер превратился в модный вопрос. Отыщите французский роман или театральную пьесу, в которой речь не шла бы об адюльтере. Увы, поиски ваши окажутся бесплодными: авторы позаботились снабдить этой пикантной приправой все свои произведения.

В дворянской среде дела обстоят не лучше. Возможно, брачные союзы в этом кругу реже стремятся соединить два состояния, но здесь примешивается вопрос об имени и происхождении, которые тоже затемняют цель брака. И как часто появляется необходимость позолотить герб, померкший благодаря тунеядству ее носителя! При этом известно, какое презрение питает "аристократ" к своим новым союзникам. И не мудрено. Он инстинктивно чувствует, что путем таких необходимых для него, но, во всяком случае, позорно коммерческих союзов малопомалу тонет в праздности, отупляется и вырождается могучее племя, образовавшееся благодаря целым векам подбора и пробуждавшееся из апатии в моменты великих бед, требовавших готовности к самопожертвованию, на которое буржуазный дух, вышедший из лавки, никогда не будет способен.

Вот этиологические элементы, из которых могла бы возникнуть социальная болезнь будущего. По нашему мнению, они лишь косвенно будут способствовать ее образованию. Прямые же и более серьезные патологические признаки следует искать в другом месте. Социальные неравенства, часто несправедливые, с каждым днем все более и более побуждают людей искать средства для уничтожения нищеты одних и непомерной роскоши других. Забыв, что равенство, которое не встречается ни в области физической, ни в области нравственной, еще менее может быть присуще общественному положению граждан, эти теоретики тщетно ищут средства для осуществления его в экономических условиях.

Так как вновь возникающие перед ними затруднения обостряются, то некоторые из этих теоретиков сочли более удобным упразднить идею реформ и заменить ее идеей всеобщего и внезапного разрушения современного социального строя, с тем, чтобы создать нечто иное на почве, очищенной от его развалин.

Подобные результаты могут быть достигнуты лишь при помощи огня и меча.

Поэтому я сильно опасаюсь, что наиболее характерной умственной эпидемией XX века может стать бред фанатического насилия, крови и разрушения.